

Annotation

В романе «Куколки» изображен мир, в котором давно отгремела ядерная война. Человечество сохранилось лишь на нескольких клочках свободной от радиации земли.

Процветает религиозный фанатизм и ненависть ко всему, что отклоняется от Нормы. Но даже в обществе, стиснутом жесткими рамками, пробиваются ростки нового...

- [Уиндем Джон](#)
    - [ГЛАВА 1](#)
    - [ГЛАВА 2](#)
    - [ГЛАВА 3](#)
    - [ГЛАВА 4](#)
    - [ГЛАВА 5](#)
    - [ГЛАВА 6](#)
    - [ГЛАВА 7](#)
    - [ГЛАВА 8](#)
    - [ГЛАВА 9](#)
    - [ГЛАВА 10](#)
    - [ГЛАВА 11](#)
    - [ГЛАВА 12](#)
    - [ГЛАВА 13](#)
    - [ГЛАВА 14](#)
    - [ГЛАВА 15](#)
    - [ГЛАВА 16](#)
    - [ГЛАВА 17](#)
-

Уиндем Джон

Куколки

ГЛАВА 1

Когда я был совсем еще маленьким, мне часто снился город, — странно, ведь тогда я даже не знал, что такое город. Передо мной возникали дома, тесно сгрудившиеся в изгибе большой голубой бухты. Я различал здания, улицы, береговую линию, лодки в гавани; но наяву-то я никогда не видел ни моря, ни лодок...

Да и здания не походили на те, что я знал. Движение на улицах странное, повозки мчались без лошадей, а в небе летали сверкающие штуки, похожие скорее на рыб, чем на птиц.

Чаще всего это чудесное место было освещено солнцем, но изредка дело происходило ночью, множество огоньков протягивалось вдоль берега, словно бусы из светлячков, а часть огоньков, казалось, плыла прямо по воде или по воздуху. Красивое, завораживающее место.

Однажды, когда я был еще мал и не умел молчать, я спросил свою старшую сестру Мэри, где находится волшебный город.

Она покачала головой и ответила, что теперь таких мест нет. Может быть, предположила она, мне виделись сны о давних временах? Сны — штука странная, их трудно объяснить. Возможно, я видел часть прекрасного мира, где некогда жили Превжние Люди, до того, как Господь наслал на них Кару.

А потом она очень серьезно посоветовала мне ни с кем больше не разговаривать о сне. Насколько ей было известно, таких городов никто из нас не видал ни во сне, ни наяву, так что не стоило упоминать об этом.

Совет был хорош, и у меня, к счастью, хватило ума ему последовать. Люди из нашей местности быстро замечали все странное или необычное: например, даже то, что я был левшой, вызывало легкое недовольство. Тогда, да и позднее, я больше никому не рассказывал о городе, сам почти забыв о нем, я становился старше, и сны приходили все реже.

Но совет запомнился. Не будь его, я бы мог проболтаться об удивительном взаимопонимании между мной и моей двоюродной сестрой Розалиндой, а это уж точно привело бы нас к большой беде. Конечно, если бы мне поверили. Я думаю, в то время мы оба просто не придавали ничему значения, да и все мы привыкли к осторожности. Я, во всяком случае, не считал себя странным. Нормальный мальчишка, и мир вокруг — само собой разумеющееся. Так я и жил, пока не встретил Софи. Даже тогда я не осознал разницу. Только теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что именно

тогда начали расти мои первые сомнения.

В тот день, как частенько бывало, я убежал гулять один. Мне, наверное, было лет десять, сестре Саре — пятнадцать, с ней не очень-то поиграешь. Я бежал по дорожке на юг, мимо полей, пока не очутился на высоком берегу, стал бегать там и унесся довольно далеко от дома.

Берег меня тогда не удивлял: он был слишком высок и велик, мне и в голову не приходило, что это дело рук человеческих или что он как-то связан с Прежними Людьми, о которых я иногда слышал. Для меня это был просто берег, сначала он изгибался, а потом уходил прямо к дальним холмам. Берег — часть мира, не более удивительная, чем река, небо или холмы.

Я часто бродил по верху, но редко спускался, почему-то та сторона казалась мне чужой; не враждебной, но и не моей. Однако я открыл одно местечко, где дожди, сбегая по склону, размыли в песке целую канаву. Если усесться сверху да сильно оттолкнуться, можно здорово скатиться, пролететь пару метров и шлепнуться в мягкий песок.

Часто бывая там, я никогда никого не встречал, а тут вдруг, поднимаясь после третьего спуска, услышал голос:

— Привет!

Сначала я не понял, откуда донесся голос, осмотрелся, не сразу заметил, как шевелятся верхние ветки большого куста. Они раздвинулись, высунулось лицо: маленькое, загорелое, обрамленное темными кудрями. Выражение лица серьезное, но глаза так и сверкают. Сначала мы молча разглядывали друг друга, потом я ответил:

— Привет!

Поколебавшись, она все же выбралась из-за куста. Передо мной стояла девочка, пониже меня, видно, помоложе; в домотканых красно-коричневых брючках и желтой рубашке Крест, по обычаю нашитый спереди, был из темно-коричневой ткани. Волосы подвязаны двумя желтыми бантиками. Она постояла на месте в нерешимости, потом любопытство одолело осторожность, и она шагнула вперед.

Я попросту таращился на нее — чужая девчонка! Время от времени, по праздникам, собирались вместе все окрестные дети, потому я и поразился, встретив совершенно чужое лицо.

— Как тебя зовут?

— Софи. А тебя?

— Дэвид, — ответил я. — Ты где живешь?

— Вон там, — она неопределенно махнула рукой. Потом отвела глаза, посмотрела на мою канавку. — Здорово? Помолчав, я предложил:

— Попробуй.

Она уставилась на меня серьезными глазами, потом вдруг решилась, взобралась наверх, уселась и помчалась вниз, так что волосы и ленты развевались по ветру. Потом скатился я. Глаза ее сияли от Возбуждения, Софи уже не казалась такой серьезной.

— Давай еще!

Несчастье произошло на третий раз. Она уселась, оттолкнулась, съехала, свалилась в песок, но почему-то левее, чем обычно. Я тоже уселся, ожидая, чтобы она отошла в сторону. Но она не двигалась.

— Эй! — нетерпеливо крикнул я. Она попыталась встать, вскрикнула.

— Ой, не могу, больно!

— Что случилось? — спросил я, съехав вниз и подойдя к ней.

Лицо Софи сморщилось, в глазах стояли слезы.

— Левая нога застряла.

Я разгреб песок руками. Левый ботинок попал между двух острых камней, я попробовал вытащить его. Ничего не получилось.

— Ты не можешь... ну, выкрутиться? Она стиснула губы, попыталась покрутить ногой, но ничего не вышло.

— Давай подергаю?

— Нет, ой, нет, больно?

— Давай я разрежу шнурки, а ты вытянешь ногу, — предложил я.

— Нет, — испугалась девочка, — мне нельзя! Я растерялся. Если бы она сумела высвободить ногу из ботинка, мы бы легко выдернули его, но она не соглашалась, и я не знал, что делать. Софи откинулась на песок.

— Ой, как больно, — Она больше не могла сдерживаться, слезы так и покатались из глаз, но она не ревела, только поскуливала, как щенок.

— Снимай! — сказал я.

— Нет, я не должна, не должна!

Я сел рядом, не зная, как быть. Она стиснула мою руку и заплакала. Ясное дело, нога-то болела все сильнее. Впервые в жизни мне предстояло принять решение, и я его принял.

— Снимай, а то так и умрешь тут! Софи согласилась — не сразу, но все же согласилась. Пока я разрезал шнурки, она с волнением следила за мной, а потом попросила:

— Отойди и не смотри!

Я заколебался. Но детство ведь переполнено всякими непонятными правилами, так что я отошел и стал к ней спиной.

Сначала она лишь пыхтела, потом снова заплакала. Я обернулся.

— Не могу — Софи со страхом глядела на меня сквозь слезы.

Я присел посмотреть.

— Только никому не рассказывай, никогда! Обещаешь? Я кивнул. Она не кричала, только поскуливала. Когда я наконец высвободил ногу, выглядела она ужасно, то есть вся ступня у нее распухла, я и не заметил, что пальцев там больше чем надо.

Я вытащил и башмак, протянул ей, но обуться Софи не смогла, да и наступать на распухшую ногу ей явно было больно. Я попробовал понести ее на спине, но она оказалась тяжелее, чем я думал.

— Так нам далеко не уйти, лучше сбегаю за помощью, — сказал я.

— Нет, — возразила она. — Я доползу.

Она довольно долго ползла, не жалуясь на боль, а я плелся рядом с башмаком в руках. Наконец Софи остановилась. Брючки ее протерлись, коленки тоже были стертые до крови. Мне не часто встречались даже мальчишки, способные столько терпеть, и я слегка оробел. Я помог ей подняться, она оперлась на меня и показала струйку дыма там, где находился ее дом. Оглянувшись, я увидел, что девчонка заползает в кусты, а потом побежал.

Дом я отыскал сразу, постучал, волнуясь, и дверь открыла высокая женщина. На красивом лице выделялись яркие большие глаза. Платье на ней было красноватое, немного короче, чем носили у нас, но крест нашит так же, как нашивали дома, от горла к подолу, с перекладиной на груди. Крест был зеленый, как и косынка на голове.

— Вы — мать Софи? — спросил я. Она пристально посмотрела на — меня и спросила, нахмурившись:

— Что случилось? Я объяснил.

— Ох! — воскликнула она. — Нога! И вновь пристально поглядела мне в глаза. Потом отставила метлу, спросила:

— Где она?

Я привел ее куда надо, и Софи выползла из-за кустов. Мать осмотрела распухшую ступню и ободранные коленки.

— Бедняжка! — Она подхватила Софи на руки, поцеловала ее. — Он видел?

— Да. Мамочка, я старалась, но мне было так больно!

Мать кивнула, вздыхая:

— Ну что, идем, теперь уж ничего не поделаешь. Она понесла Софи, а я пошел следом.

Заповеди и наставления, затвержденные в детстве, помнятся наизусть, но до тех пор, пока не появится пример, они мало что значат. Кроме того, пример еще нужно узнать и понять.

Потому-то я терпеливо ждал, пока мать Софи промывала, смазывала и бинтовала ей ступню, но не усматривал никакой связи между ушибленной ногой и утверждениями, звучавшими почти каждое воскресенье.

«И Господь создал человека по образу своему и подобию. И глаголет Господь, что у человека должно быть одно тело, одна голова, две ноги и две руки; и каждая рука должна сгибаться в двух местах, и кисть каждой руки должна иметь пять пальцев, и на каждом пальце должен быть ноготь...» — и так далее, например:

«Потом Господь создал женщину, так же по образу и подобию своему, но с некоторыми отличиями: голос ее должен быть выше, чем у мужчины, и борода у нее не должна расти, и у нее должны быть две груди» — и так далее.

Все это я знал слово в слово. Но сейчас я смотрел на ступню Софи, лежавшую на коленях ее матери, видел шесть пальцев, видел, как ее мать на мгновение замерла, потом склонилась, поцеловала маленькую распухшую ступню, и на глазах ее выступили слезы.

Мне было жаль их, я переживал за Софи и ее боль. И все.

Пока мать бинтовала ногу, я огляделся. Дом был куда меньше нашего, но мне он понравился. В нем было уютно. Да и мать Софи, несмотря на все беспокойство и расстройство, не глядела на меня так, словно я был единственным неприятным и непредсказуемым элементом в упорядоченной жизни, — а именно так на меня обычно смотрели дома. Комната тоже казалась какой-то дружелюбной, потому что на стенах не висели всякие длинные надписи, на которые мне указывали, ругая. Вместо них висело несколько рисунков с лошадьми, они мне очень понравились.

Наконец Софи, причесанная и умытая, пропрыгала к стулу у стола и серьезно осведомилась, буду ли я есть яйца.

Миссис Вендер попросила меня подождать внизу, пока она отнесет Софи в спальню. Вскоре она вернулась и присела около меня. Взяв меня за руку, она внимательно всмотрелась в мое лицо. Я сразу ощутил ее волнение. Правда, я не понимал, отчего она так волнуется. И еще я удивился: вот уж не ожидал, что и она умеет так думать. Я попытался мысленно убедить ее в том, что бояться нечего, но моя мысль до нее не дошла. Она все смотрела на меня, и глаза ее блестели, почти как у Софи, когда девочка старалась сдержать слезы. В мыслях ее царил беспокойство — и беспорядок. Я снова попытался утешить ее, но она меня не слышала. Потом она кивнула и произнесла:

— Ты хороший мальчик, Дэвид. Ты был так добр к Софи. Мне хочется отблагодарить тебя.

Мне стало неловко, и я уставился на свои башмаки. Мне еще никто не говорил, что я хороший мальчик. Я не знал, что нужно отвечать.

— Софи тебе понравилась, правда? — спросила женщина, все еще глядя на меня.

— Да, — ответил я. — По-моему, она ужасно храбрая, ведь ей было так больно;

— Ты смог бы хранить тайну — очень важную тайну — ради нее?

— Да, конечно, — согласился я слегка неуверенно. Мне было невдомек, какая тут может быть тайна.

— Ты... ты видел ее ступню и... и пальцы? — Теперь женщина смотрела мне прямо в глаза. Я кивнул.

— Вот это и есть наша тайна, Дэвид, — пояснила она. — Никто не должен знать об этом. Раньше знали лишь мы с отцом, теперь и ты. Никто не должен знать, слышишь? Никто!

— Конечно, — согласился я.

Она замолкла. То есть голос ее замолк, но мысли-то продолжали нестись, как будто кто-то кричал «никто», «никогда», а странное эхо повторяло эти слова. Но вот все изменилось, она сделалась напряженной, напуганной и какой-то яростной. Нечего было и пытаться успокоить ее мысленно, поэтому я неуклюже попытался выразить словами свои чувства:

— Честное слово, никто и никогда!

— Это очень, очень важно, — настаивала миссис Вендор. — Ну как бы тебе объяснить?

Но зачем объяснять? Я слышал ее чувства и уже все понял. Слова не имели такой силы.

Она продолжала:

— Если кто-нибудь узнает, они... они жестоко накажут ее. И нас. Нужно постараться, чтобы этого не случилось.

Теперь ее волнение стало практически осязаемым, как железная дубинка.

— Из-за шести пальцев?

— Да. Это должно остаться нашей тайной. Обещаешь?

— Обещаю. Хотите, поклянусь?

— Нет, я тебе верю.

Она и не подозревала, как твердо я умел держать слово. Никому не скажу, даже Розалинде. Но все же в душе моей осталось недоумение: столько переживаний — из-за таких маленьких пальчиков?.. Однако у взрослых так часто бывает, волнуются по пустякам. Так что я еще раз повторил, что буду молчать.

А мать Софи все смотрела на меня, только грустные глаза ее как бы ничего не видели. Я начал ерзать на стуле. Она сразу очнулась и улыбнулась. Улыбка у нее была добрая.

— Можно мне приходиться поиграть с Софи? — спросил я, прежде чем уйти.

Миссис Вендер заколебалась, потом все же ответила:

— Хорошо, только пусть никто не знает, куда ты ходишь!

Я уже дошел до берега, направляясь к дому, и тут вдруг воскресные наставления соединились с реальностью. В уме у меня будто щелчок раздался, зазвучали слова: «...и каждая нога должна сгибаться в двух местах, и в конце стопы должно быть пять пальцев... — и так далее, до конца: — И всякое существо, во всем похожее на человека, но не чем-то отступающее от Нормы, не есть человек. Оно не является ни мужчиной, ни женщиной. Оно — хула истинному образу Господа и ненавистно ему».

Мне стало не по себе, и я остановился, недоумевая Богохульство — ужасный грех, это мне внушили с рождения. Но что ужасного в Софи? Обычная маленькая девочка, — правда, куда смысленнее и смелее тех, каких я знал раньше. Но ведь по Определению Человека...

Да, где-то тут вкралась ошибка. Ну, есть у нее на ноге один лишний палец... два, наверное, ноги-то две... и потому она должна быть «ненавистна Богу»?

Много непонятного в мире...

ГЛАВА 2

Домой я пробрался, как всегда. Сначала вышел на узенькую тропку, потом осторожно пошел по ней, держа руку на рукоятке ножа. Вообще-то мне не разрешали подходить к лесу, потому что хищники изредка добирались даже до Вакнука. Вдруг я наткнусь на дикого пса или кота? Но сегодня я слышал только маленьких зверьков, торопливо разбегавшихся в разные стороны.

Никого не встретив, я добежал до дома, влез в окно и тихонько пробрался в свою комнату.

Наш дом не так легко описать. Лет пятьдесят назад его начал возводить мой дед Элиас Сторм, но с тех пор появилось столько пристроек, что теперь дом со всех сторон был окружен кладовыми, сараями, амбарами: там — конюшня, тут свинарник, с другой стороны — комнаты для наемных работников, сыроварня и так далее. И все это выходило во двор, посреди которого лежала навозная куча.

Как и все дома в округе, наш дом стоял на фундаменте из крепких тесаных бревен, но он был тут самым старым, и потому его внешние стены были сделаны из камней и кирпичей, оставшихся еще от построек Прежних Людей, только стены между комнатами были мазаные.

Мой дед, если верить отцу, был добродетелен до того, что слушать становилось тошно. Много позже я сумел узнать о нем то, что казалось больше похожим на правду, хотя тоже звучало достаточно невероятно.

Элиас Сторм явился с востока, с какого-то побережья. Почему он пришел сюда, никто не знает. Он-то уверял, что ушел от грешников, чтобы основать свою общину в другом месте. Говорили еще, что соседи просто не могли его больше выносить. Как бы то ни было, он перебрался в Вакнук, в то время совсем неразвитую область, практически фронтир, новые неизведанные земли, граница обжитого края с диким.

Ему было сорок пять лет, и все нажитое им добро уместилось в обоз из шести повозок. Он был решительным, грубым и сильным мужчиной. И еще он неустанно ратовал за нравственность. Глаза его, скрытые под густыми бровями, легко вспыхивали евангельским огнем. «Преклонение перед Господом» часто слетало с его уст, а страх перед дьяволом постоянно жил в его сердце. Трудно сказать, чего было больше.

Вскоре после того как он возвел дом, Элиас уехал, а вернулся с женой очень застенчивой и очень хорошенькой, к тому же моложе его на двадцать

пять лет. Говорили, что, если на нее никто не смотрел, она двигалась, как молодая телочка, но под взглядом супруга превращалась в робкого кролика. Женитьба оказалась неудачной: после свадьбы у молодой жены не зародилась любовь к мужу, она не вернула ему молодость, да и опытной домохозяйки из нее не вышло.

Элиас никогда не закрывал глаза на чужие недостатки Быстро румянец его жены увял, и она умерла, не жалуясь вскоре после того, как произвела на свет второго сына.

Дедушка Элиас ни секунды не сомневался в том, как надо правильно воспитывать сына и наследника. Вместо костей у моего отца была вера, вместо жил — принципы, а все вместе повиновалось мозгу, забитому примерами из Библии и «Раскаяний» Николсона.

Отец и сын были едины в своей вере. Вся разница заключалась в их подходе: глаза деда никогда не светились жаждой проповедовать — но он строго следил за соблюдением всех норм и законов.

Джозеф Сторм, мой отец, женился только после смерти деда и не повторил ошибку Элиаса Взгляды моей матери полностью совпадали с его собственными. У нее было сильно развито чувство долга, и она всегда точно знала, в чем этот долг заключается.

Наш округ, как и наш дом, первое строение здесь, назывался Вакнук. Говорили, что когда-то тут было поселение Превжних Людей с таким же названием. Во всяком случае, сохранились остатки зданий, а на некоторых фундаментах даже можно было ставить новые дома Кроме того, сохранились береговая насыпь и огромный шрам, наверное, с тех пор, как Превжные Люди срезали половину горы, чтобы что-то узнать. В общем же наш Вакнук — обычная законопослушная община из сотни больших и малых дворов.

Отец мой пользовался влиянием в округе. Он впервые прочитал проповедь в церкви, построенной его отцом, в шестнадцать лет. Тогда в Вакнуке жило около шестидесяти семей. Чем больше земель расчищалось для земледелия, тем больше людей тут селилось. Но отца они не заслоняли, наоборот, он оставался самым крупным землевладельцем, часто читал воскресные проповеди, неустанно разъяснял законы, принятые в небесах, а кроме того, в определенные дни отправлял закон и на земле, будучи местным мировым судьей. В оставшееся время он следил за тем, чтобы вся его семья подавала округе пример правильной жизни.

Центром жизни дома была большая гостиная, она же кухня. Дом был самым большим и богатым в округе, ну и кухня, конечно, тоже. Огромный камин являлся объектом гордости, конечно, не греховой, нет, просто отец

гордился тем, что использовал дары Господа по назначению.

Мать следила за, чистотой. Пол был искусно выложен кирпичом, натуральным и искусственным камнем. Мебелью служили добела оттертые столы и табуретки. Стены побелены, и на них висело несколько больших сверкающих сковородок, не помещавшихся в буфете. В качестве украшений были развешаны деревянные панели с изречениями, в основном из «Раскаяний».

Слева от камина висела надпись: «ИСТИННЫЙ ЧЕЛОВЕК — ТОЛЬКО ПО ОБРАЗУ ГОСПОДА». Справа: «ТВОРЕНИЯ ГОСПОДА СОДЕРЖИ В ЧИСТОТЕ». Напротив:

«БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ НОРМА», и еще: «В ЧИСТОТЕ НАШЕ СПАСЕНИЕ».

А самое большое изречение висело против двери, и, едва войдя в комнату, вы читали: «ОСТЕРЕГАЙСЯ МУТАНТА!»

Частое упоминание о надписях привело к тому, что я знал их наизусть еще до того, как научился читать; возможно, меня и читать-то учили по ним. Я знал их наизусть, как знал и все остальные надписи в доме, например: «НОРМА ЕСТЬ ВОЛЯ ГОСПОДНЯ», или «ПРОИЗВОДИ ТОЛЬКО СЕБЕ ПОДОБНЫХ», или «ДЬЯВОЛ — ОТЕЦ ОТКЛОНЕНИЯ», да и всякие другие о Нарушениях и Хуле.

Многие надписи я еще не понимал. О других кое-что знал. Нарушения, например. Потому что тогда что-нибудь происходило. Прежде всего, отец являлся домой не вовремя и не в духе. Вечером он созывал всех, включая работников, в комнату, мы становились на колени, а он сообщал, в чем мы провинились перед Господом, и читал молитвы о прощении. Наутро нас поднимали на рассвете и выводили во двор. И вот, едва всходило солнце, мы начинали петь гимны, а отец приносил в жертву двухголового теленка, или четырехногого цыпленка, или другое Нарушение. Бывали Нарушения и постраннее...

Касались Нарушения не только животных. Иногда вырастала ни на что не похожая пшеница или неправильные овощи; отец приносил их в дом и гневно швырял на стол. Ему всегда было стыдно. Если было всего несколько растений, их вырывали и уничтожали. Но если весь урожай оказывался неудачным, мы дожидались хорошей погоды, а потом поджигали поле, распевая при этом гимны. В детстве мне все это очень нравилось.

Отец был настолько благочестив, так тщательно все сам проверял, что у нас происходило куда больше жертвоприношений и поджогов, чем у других соседей. Но если кто-то упоминал о том, что у нас многовато

Нарушений, потому что мы им подвержены, отец обижался и сердился. «Кому охота швырять деньги на ветер? — отвечал он. — Если бы соседи были более добросовестны, их уничтожения давно превзошли бы наши. К несчастью, у некоторых людей слишком гибкие принципы».

Вот так я и выучил, что такое Нарушения. Это все, что не выглядит правильно, то есть животные, не во всем похожие на родителей, или растения, отличающиеся от прежних. Чаще всего отличались они какой-то мелочью, но отец все равно считал их Нарушениями. А уж если такое случалось среди людей, это было просто богохульство — настоящее Отступление. Отступление от Нормы.

Но все же по вопросу о Нарушениях часто возникали споры, и тогда приходилось посылать за инспектором округа. Отец редко звал инспектора, он предпочитал уничтожать все, что казалось ему неправильным или сомнительным. Были люди, не одобрявшие его тщательности. Они говорили, что наш уровень Отступлений был бы куда ниже, если бы мой отец не устраивал столько уничтожений и не подавал сводки так часто. Но все же Вакнук хвалили за чистоту и веру.

Вакнук давно уже перестал быть фронтиром. Упорный труд принес свои плоды, и теперь наши животные и наши урожаи вызывали зависть даже на востоке. Милях в тридцати от нас был Дикий Край — пустынная засушливая местность, где вряд ли удалось бы получать урожаи без Отклонений от Нормы. Потом шел пояс шириной где десять, а где и двадцать миль, а за ним — таинственные Окраины, где ни на что нельзя положиться и где, по словам отца, «сам дьявол обходит свои владения и законы Господа забыты». Потом еще были Плохие Края, о них тоже ничего не знали. Почти никто из пожелавших их исследовать не вернулся назад, а вернувшиеся быстро умирали.

Да, о Плохих Краях мы просто ничего не знали, а вот Окраины доставляли нам много хлопот. То есть их жители... Ну, их называли людьми, только на самом деле они не люди, а сплошные Отступления, даже если внешне и похожи на людей. Они совершали набеги на цивилизованные поселения, крали зерно, животных, одежду, инструменты и оружие. А еще он иногда крали детей.

Небольшие, набеги бывали два-три раза в год, и никто не обращал на них особого внимания, кроме ограбленных, конечно. Обычно семьям удавалось спастись, а потом все помогали им кто чем: деньгами, птицей, скотом. Но время шло, люди осваивали все новые земли, и Окраины сдвигались все дальше и дальше, так что их жителям оставалось все меньше места. Иногда им становилось совсем плохо, тогда они

объединялись и нападали на наши поселения.

Когда мой отец был маленьким, матери пугали детей: «Вот придет старая Мэгги из Окраин, у нее четыре глаза, чтобы следить за тобой, и четыре уха, чтобы слышать тебя, и четыре руки, чтобы шлепать тебя». Еще одно страшилище волосатый Джек — «Вот позову его — унесет тебя, да в пещеру, они там все волосатые и хвостатые, на завтрак съедают маленького мальчика, а на ужин маленькую девочку». В мое время таких сказок боялись лишь малыши Но взрослые сознавали реальность угрозы и часто посылали петиции правительству в Риго.

Однако можно было и не слать просьбы о помощи. Никто не мог предвидеть, откуда последует нападение, потому и помощь направить заранее было трудно. Правительство слало лишь соболезнования да предлагало формировать собственную охрану. Хорошо им там, на востоке... Что до охраны, то у нас с детства все мужчины умели пользоваться любым оружием.

До Вакнука набеги еще ни разу не доходили, хотя иногда нашим мужчинам и приходилось бросать дела и мчаться на помощь за десяток миль. Такие перерывы в работе нам дорого обходились, да и беспокойство с каждым разом все усиливалось. Так ведь и до нас доберутся...

Но в основном мы жили тихо-мирно, в постоянном труде Двор у нас был большой, семья не мала и угожья тоже Отец, мать, две сестры, дядя Аксель, а еще служанки, доярки, их дети и мужья, работавшие на поле или со скотиной. В общем, каждый вечер больше двадцати человек садились за наш стол, а на молитвы шли и из ближайших домов, целыми семьями с детьми да женами.

Дядя Аксель был не совсем родным, когда-то он женился на сестре моей матери, Элизабет Он тогда был моряком, она уехала с ним в Риго и умерла, пока он был в плавании, а он вернулся оттуда покалеченным Мастер на все руки, только передвигался медленно из-за своей ноги. Отец позволил ему жить у нас.

Еще он был моим лучшим другом.

У матери было четыре сестры и двое братьев. Самая младшая сестра и братья были сводными всем остальным. Старшую сестру, Ханну, прогнал из дома ее муж, и больше ее никто никогда не видел. Потом по возрасту шла моя мать, Эмилия, потом Гарриет — у ее мужа была большая ферма в Кентаке, за пятнадцать миль от нас. Потом Элизабет, жена дяди Акселя. Куда делись тетя Лилиан и дядя Томас, я не знал, а вот дядя Энгус Мортон, сводный брат, матери, жил на ферме по соседству, и это раздражало моего отца, потому что они с Энгусом постоянно ругались и ссорились. Ну а дочь

Энгуса — Розалинда — это моя двоюродная сестра.

Вакнук разрастался, большинство ферм походили друг на друга; постоянно расширяясь, люди вырубали деревья, расчищали новые земли. Говорили, теперь даже в Риге знают, где находится Вакнук, так что и карта им не требовалась.

В общем, я жил на процветающей ферме в процветающем крае. Но в десять лет я не особенно задумывался об этом. Мне всегда казалось, что вокруг слишком много дел для небольшого числа людей, так что в тот вечер я затаился, выжидая, когда можно будет просто спуститься к столу.

Я побродил по двору, наблюдая за тем, как распрягают и чистят коней. Наконец дважды прозвонил колокол, и все направились в кухню. Смешавшись с толпой, я двинулся к столу. Войдя в комнату, я как всегда увидел перед собой надпись: «ОСТЕРЕГАЙСЯ МУТАНТА!» Но я настолько привык к ней, что взгляд мой на ней даже не задержался, меня волновал только запах пищи.

ГЛАВА 3

С тех пор я пару раз в неделю навещал Софи. По утрам местные старушки учили нас читать, писать и считать, а после обеда я потихоньку сбегал из дома, зная, что меня не хватятся, — каждый будет думать, что я занят делом с кем-то другим.

Скоро нога у Софи прошла, и она показала мне все заветные уголки вокруг их дома.

Однажды я сводил ее посмотреть, как работает паровая машина, единственная в округе, и мы ею очень гордились. Работника рядом не было, так что мы все изучили, а потом влезли на поленницу у сарая и сидели там, болтая ногами.

— Дядя Аксель говорит, что у Прежних Людей были машины и получше, сообщил я.

— А мой папа говорит, что если хотя бы четверть того, что говорят о Прежних, правда, то они были просто волшебниками.

— Но ведь они умели делать чудеса! — настаивал я.

— Такие чудеса, что невероятно!

— А что, твой отец не верит, что они умели летать?

— Нет, — ответила Софи — Глупо Если бы они умели летать, то и мы тоже могли бы.

— Но ведь мы многое заново узнаем про них, — возразил я. — Уж летать-то мы не научимся. Или летаешь, или нет.

Я подумал, не рассказать ли ей свой сон про город и летающие штуки, но сон ведь ничего не доказывает. Вскоре мы пошли к дому.

Джон Вендер вернулся из своих поездок. Он растягивал на деревянных рамах шкуры, колотя по ним молотом, все вокруг пропахло сырой кожей Софи кинулась к нему, а он подхватил ее одной рукой и прижал к себе.

— Здравствуй, детка, — сказал он.

Со мной он поздоровался очень серьезно Мы без слов пришли к соглашению, что будем обращаться друг с другом по-мужски. Когда мы встретились впервые, он так на меня глянул, что я испугался. Постепенно его отношение ко мне изменилось, мы подружились. Джон Вендер часто рассказывал нам о том, что видел, и научил меня разным полезным вещам. Однако иногда я ловил на его лице все то же странное выражение.

Неудивительно. Лишь через несколько лет я понял, как он взволновался, придя однажды домой и узнав, что Софи подвернула ногу —

и что ступню ее видел Дэвид, сын Джозефа Сторма! До сих пор я считаю, что он тут же убил бы меня, да миссис Вендер удержала его и тем спасла мне жизнь; Конечно, мертвый мальчик наверняка не нарушит своих обещаний. Но если бы Джон Вендер знал, что произошло у нас дома вскоре после того, как я познакомился с Софи, он бы так не волновался.

Я загнал в руку здоровенную занозу, выдернул ее, но кровь пошла так сильно, что пришлось бежать в дом. В кухне все были заняты, потому я отыскал тряпочку и стал неуклюже возиться с ней. Наконец на меня обратила внимание мать, произнесла «ц-ц» в знак неодобрения, по своему обыкновению, затем заставила меня промыть ранку. А потом перевязала мне руку, ворча, что вот ведь непременно надо было пораниться, когда она так занята. Я попросил прощения и добавил:

— Да я бы справился, будь у меня третья рука. В комнате внезапно наступила мертвая тишина. Мать окаменела. Я с недоумением огляделся.

Мэри замерла с пирогом в руках, двое работников ждут ужина. Отец у своего стула, остальные готовы сесть. И все уставились на меня. Я заметил, что изумление на лице отца переходит в гнев. Встревожившись, но еще ничего не понимая, я смотрел, как сжимаются его губы, как резко выдвигается вперед подбородок, как сверкают глаза под сведенными бровями.

— Повтори, что ты сказал!

Да, тон-то был мне хорошо знаком. Я попытался сообразить, что же я на сей раз нарушил, но ничего не придумал и заикаясь произнес:

— Я... я с-сказал, что и сам бы завязал...

— И ты пожелал иметь третью руку? — обвиняющим голосом произнес он.

— Нет же, отец, нет, я только сказал «если бы»...

— И по-твоему, это не желание?

— Но я же сказал «если»...

Я так перепугался, что не мог объяснить: я же ничего такого не имел в виду! Тут я заметил, что все с тревогой смотрят на отца. Выражение лица у него стало совсем мрачным.

— Ты, ты — мой собственный сын! — ты просил дьявола дать тебе еще одну руку! — обвиняюще заявил он.

— Но я не... я...

— Не лги, мальчишка! Все присутствующие слышали тебя! — Но...

— Не ты ли только что выразил недовольство обликом, данным тебе Господом по образу и подобию его?!

— Я только сказал «если»...

— Ты богохульствовал, сын мой! Ты выступал против Нормы! Все тебя слышали. Что ты теперь ответишь? Что есть Норма?

Я сдался — я знал, что отец уже не слышит меня.

— Норма есть образ божий, — повторил я, как попугай.

— А, так ты знаешь — и все же богохульствуешь! Ты, мой: сын, совершаешь преступление в присутствии родителей! Что есть мутант?

— Тот, кто проклят Богом и людьми, — пробормотал я.

— И ты пожелал им стать! Что ты можешь сказать? Сердце у меня упало, я был уверен, что говорить что-либо бесполезно. Я сжал губы и опустил глаза.

— На колени! — скомандовал отец. — На колени — и молись!

Все опустились на колени. Отец возвысил голос:

— Боже, мы согрешили. Прости нас, что мы не сумели обучить этого ребенка... — Молитва еще долго гремела и угрожала, а потом отец сказал: Теперь иди к себе и молись. Молись, несчастный, чтобы Господь даровал тебе прощение, которого ты не достоин. Я зайду к тебе.

Ночью, после визита отца, когда слегка утихла боль, я не мог уснуть, пытаюсь решить вопрос: я же не пожелал себе третью руку?.. Если уж нельзя даже случайно подумать о третьей руке, то что будет, если у кого-то обнаружат нечто лишнее. Например лишний палец?.. Когда я наконец заснул, мне приснился сон. Мы все собрались в саду, точь-в-точь как на последнем Очищении. Тогда это был маленький безволосый теленок, он стоял и глупо моргал, отворачиваясь от сверкания отцовского ножа. Теперь рядом с отцом стояла маленькая девочка Софи, она была босиком и пыталась спрятать свои пальцы, но все равно мы их видели. Мы стояли и ждали, а она подбегала то к одному, то к другому, просила помочь, спасти ее, но все отворачивались с ничего не выражающими лицами. И вот мой отец пошел на нее, выставив сверкающий нож. Вот он схватил ее, вытащил на середину двора; взошло солнце, все запели гимн. А отец держал Софи так же, как он держал вырвавшегося теленка. И вот он взмахнул ножом, и солнце сверкнуло на лезвии...

Если бы Джон и Мэри Вендер были здесь, когда я проснулся, крича и плача от ужаса, если бы они увидели, как я лежал один в темноте, пытаюсь убедить себя, что это был только сон, страшный сон, они бы не боялись, что я выдам их тайну.

ГЛАВА 4

С тех пор постоянно что-то происходило, детское спокойствие кончилось словно один сезон сменился другим.

Наверное, первым толчком к переменам послужила моя встреча с Софи. Ну а вторым — то, что мой дядя Аксель узнал обо мне и Розалинде. Однажды он, и как нам повезло, что именно он! — наткнулся на меня когда я с ней разговаривал.

Наверное, мы помалкивали о своей способности просто из инстинкта самосохранения. Мы не думали, что нам что-нибудь угрожает. Когда дядя Аксель обнаружил меня за сарайчиком, где я сидел и вслух разговаривал как бы сам с собой, я даже не пытался сделать вид, что играл. Он, должно быть, стоял рядом минуту или две, а я его и не замечал.

Дядя Аксель был рослым мужчиной, не худым и не толстым, но каким-то прочным, и вид у него был такой... закаленный. Мне казалось, что руки у него давно задеревенели, потому-то, он так ловко пилит-строгает. Он стоял рядом, как всегда, опираясь на палку, потому что нога у него неправильно срослась после того перелома. Он слегка нахмурился, сдвинув седеющие брови, но по лицу было заметно, что я его скорее забавляю.

— Ну, Дэви, и с кем это ты болтаешь? Феи, гномы или кролики?

Я покачал головой. Он подошел, прихрамывая, сел рядом, выдернул из стога соломинку и стал ее жевать.

— Тебе скучно?

— Нет.

Он снова нахмурился:

— А не веселее ли было бы поболтать с кем-нибудь из ребят? Наверное, интереснее, чем разговаривать с самим собой?

Я заколебался. Но дядя Аксель ведь был моим лучшим другом среди взрослых. И я сказал:

— А я и не разговаривал с самим собой.

— С кем же тогда?

— С Розалиндой.

Он пристально поглядев мне в глаза.

— Что-то я ее не вижу.

— Нет, тут ее нет, она дома, вернее, рядом с домом, там есть такое потайное место, ее брат сделал домик в рощице, на одном из деревьев.

Сначала дядя Аксель не понял. Он говорил так, будто все это игра. Но

после того как я подробно все объяснил, он задумался, замолк. Я продолжал рассказывать, а он молчал, только лицо его становилось все серьезнее. Я кончил. Он несколько минут молчал, потом спросил:

— Значит, это не игра, ты мне правду говоришь, Дэви, мой мальчик, и так пристально, так сурово поглядел на меня.

— Конечно, правду, дядя Аксель.

— А ты никому не рассказывал, совсем никому?

— Нет, это наш секрет, — ответил я, и он облегченно вздохнул.

Отбросив соломинку, он выдернул из стога еще одну, пожевал ее в раздумье, выплюнул и снова посмотрел мне прямо в глаза.

— Дэви, ты должен дать мне обещание.

— Какое, дядя Аксель?

— Вот что, — он говорил удивительно серьезно. — Я хочу, чтобы ты хранил вашу тайну и дальше. Обещай мне, что никогда, никогда никому не расскажешь того, что только что рассказал мне. Никогда. Это очень важно. Ты потом и сам все поймешь, а пока обещай мне, что будешь стараться, чтобы никто никогда ничего не узнал. Обещаешь?

Меня глубоко поразила его настойчивость, Никогда еще он так со мной не разговаривал. Я понял, что даю обещание хранить тайну о чем-то настолько важном, что и сам еще всего не понимаю.

Дядя Аксель все время смотрел мне в глаза и, после того как я дал обещание, просто кивнул головой, видя, что и я серьезен. Мы пожали друг другу руки в знак согласия. Потом он предложил:

— Может, тебе лучше попросту забыть об этом? Я немного подумал, покачал головой:

— Нет, дядя Аксель, боюсь, не выйдет. Понимаете, это просто здесь, во мне. Ну все равно что забыть... я замолчал, не зная, как выразить свои чувства.

— Все равно что забыть, как говорить или слышать? — спросил он.

— Да — но иначе.

Он кивнул и спросил еще:

— Ты как, слышишь слова... в голове?

— Да нет, это не то, что «слышу» или «вижу». Есть такие... словоформы... картинки слов... а когда еще и произнесешь вслух, то легче друг друга понять.

— Но тебе ведь не обязательно произносить слова вслух, как ты только что делал, а?

— Нет, просто так легче.

— Да, легче. И опаснее — для вас обоих. Пообещай мне, что ты

никогда больше не будешь разговаривать вот так, мысленно, вслух.

— Хорошо, дядя Аксель, — согласился я.

— Станешь постарше — поймешь, как это важно! Он настойчиво уговаривал, меня взять такое же обещание с Розалинды, и я ничего не сказал ему про остальных — он и так уже был сильно взволнован. Но я решил взять со всех обещание молчать. А пока мы с ним снова пожали друг другу руки и дали клятву никому ничего не рассказывать.

В тот же вечер мы обсудили все с Розалиндой и остальными. Ощущение, давно уже жившее в каждом из нас, определилось: видимо, все мы нет-нет да и навлекали на себя подозрение, или недоверчивый взгляд, или еще что. Эти-то взгляды и удержали нас от большой беды. Мы никогда не договаривались о том, как себя вести, нет; но каждый из нас был осторожен — наверное, срабатывал все тот же инстинкт самосохранения. А теперь, после того как дядя Аксель с таким волнением настаивал на необходимости сохранять тайну, мы все ощутили опасность куда сильнее. Она не имела определенной формы и тем не менее была вполне реальна. Более того, передавая другим, как сильно беспокоился дядя Аксель, я будто затрагивал островки страха, жившие в нас. Никто не возражал. Все охотно дали клятву — все были рады разделить общее бремя. Впервые мы что-то предприняли группой. Нет, мы стали группой, признав свою отделенность от остальных людей и ответственность друг перед другом. С того момента жизнь наша изменилась, мы стремились уже к сохранению своего вида, хотя тогда еще и не могли этого понять. Тогда, казалось главное — это возникшее в нас ощущение общности...

Почти сразу вслед за таким событием в моей жизни произошло еще одно, имевшее значение для всего поселения: большой набег из Окраин.

Как всегда, единого плана защиты не оказалось. Были назначены штабы в разных секторах; всем взрослым мужчинам по сигналу тревоги надлежало явиться в свой штаб, где им скажут, насколько серьезно нападение и какие меры следует принять. Пока на нас нападали небольшие группы, такая система действовала, но когда жители Окраин объединились под водительством способных воинов, нам нечего было им противопоставить. Они продвинулись довольно далеко, уничтожая нашу вооруженную охрану, грабя население и не встречая серьезного сопротивления, так что они успели пройти миль двадцать пять по освоенным землям.

К тому времени мы смогли собраться с силами, да и люди из соседних округов организовали защиту. Мы были лучше вооружены, у многих были ружья, а у нападавших — только луки, ножи, копья да что-то из

награбленного. Однако их было так много, что бороться с ними оказалось нелегко. Они прекрасно ориентировались в лесу и умели прятаться лучше, чем настоящие люди, так что им удалось продвинуться еще ближе к нам, прежде чем мы сумели вовлечь их в большую битву.

Мальчишек все это возбуждало. Враги находились миль за семь от нас, и наш двор в Вакнуке тщательно укрепляли, у нас проходили сборы, подготовка к бою. Отца в самом начале военных действий ранили стрелой в руку, так что он оставался дома, помогая организовать людей в подразделения.

Когда все уехали, вокруг стало неестественно тихо. Затем появился одинокий всадник. Он побыл у нас недолго, рассказал, что врагов разгромили, часть их вождей захватили в плен, а потом умчался дальше. В тот же день в наш двор въехала группа вооруженных людей, они везли двух пленных.

Я бросил все, чем занимался, и помчался на них посмотреть. На первый взгляд ничего интересного. После всех рассказней об Окраинах я ожидал увидеть двухголовых, или мохнатых, или многоногих-многоруких существ. Но эти... На первый взгляд обычные бородатые мужчины. Правда, невероятно грязные и оборванные. Один — светловолосый, и волосы у него росли кустиками, словно он не стригся, а отсекал их ножом, А второй... Я просто ошеломлен, когда его увидел. Обо всем забыл, стоял и тарачился: одеть его прилично, причесать, подстричь бороду — вылитый мой отец!..

Он озирался вокруг, сидя на лошади, и тут заметил меня. Глаза его скользнули мимо, но тут же снова вернулись ко мне. Станный, непонятный взгляд...

Он открыл рот, будто собираясь заговорить, однако из дома вышло несколько человек, и среди них мой отец, с рукой на перевязи.

Я увидел, как отец остановился на крыльце, озирая всадников, потом тоже заметил человека в центре группы. Сначала он замер, как и я, потом вдруг кровь отхлынула у него от лица и он весь посерел.

Я быстро глянул на пленного. Тот неподвижно сидел на коне, но лицо у него стало такое, что у меня перехватило горло. Я никогда еще не встречал столь явную ненависть; все морщины у него сразу резко выступили, глаза засверкали, зубы оскಾಲились, как у дикого зверя. Меня будто ударили; я увидел и понял нечто прежде неведомое, нечто жуткое, и запомнил это на всю жизнь...

Отец ухватился здоровой рукой за притолоку, постоял так секунду, вид у него стал и вовсе больной, потом повернулся и вошел в дом.

Пленнику освободили руки. Он спрыгнул с коня, и тогда я понял, чем он отличается от людей. Он возвышался над всеми чуть не на два фута, но не потому, что был гигантом. Если бы у него были правильные ноги, вряд ли пленник был бы выше моего отца. Ноги же у него были чудовищно длинные и тонкие, и руки оказались такими же. Получеловек, полупаук...

Ему дали поесть и попить. Он сел на скамейку, и его острые колени задрались почти до плеч. Он окинул взором двор, замечая все вокруг, и снова остановил на мне взгляд. Затем поманил меня пальцем. Я сделал вид, что не понял. Он вновь поманил меня. Мне стало стыдно за свой страх и я подошел.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил пленник.

— Дэвид. Дэвид Строрм.

Он кивнул, чем-то довольный.

— А тот мужчина, с рукой на перевязи, наверное, твой отец — Джозеф Строрм, да? — Да.

Он снова кивнул, оглядел дом и пристройки:

— Значит, это Вакнук?

— Да.

Не знаю, стал ли бы он еще спрашивать, но тут меня отправили в дом. Вскоре они все уехали, и человек-паук с ними. Я был рад их отъезду. Моя первая встреча с жителем Окраин получилась не особо впечатляющей, но очень неприятной.

Позднее я слышал, что пленникам удалось сбежать в ту же ночь. Не помню, кто мне сказал об этом. Только не отец.

Он никогда не поминал тот день, а у меня никогда не хватало мужества спросить.

Кажется, совсем немного времени минуло после нападения, а отец снова ввязался в ссору с моим дядей Энгусом Муртоном.

Они воевали на протяжении многих лет. Отец как-то заявил, что если у Энгуса Муртона и есть принципы, они столь гибки и неустойчивы, что угрожают благочестию всей общины. А Энгус, по слухам, ответил, что Джозеф Строрм педант с кремневым сердцем, да еще и фанатичен до крайности. Неудивительно, что ссора могла произойти на любой почве. На сей раз основанием для нее послужили кони-гиганты.

Слухи о таких конях доходили и до нас, хотя мы никогда их не видели. Отец не мог отрешиться от мыслей о них, а узнав, что Энгус покупает таких коней, отправился смотреть. Все его подозрения подтвердились. Едва он увидел огромных коней, высотой в двадцать шесть ладоней, как сразу понял, что они Неправильные. Он с отвращением отвернулся от них и

направился к инспектору — с требованием, чтобы их уничтожили, как Нарушения.

— Вы не правы, — возразил инспектор. — Они одобрены правительством, так что я тут власти не имею.

— Не верю, — ответил отец. — Господь не мог создать таких коней. Правительство не могло их одобрить.

— Могло, — подтвердил инспектор. — Более того, Энгус говорил мне, что он запасся их заверенными родословными, зная своих соседей.

— Конечно, кое-кому они понравятся! — сердито воскликнул отец. — Такое чудовище может заменить двух, а то и трех обычных лошадей. Но это не значит, что они Правильные. Такой конь не может быть созданием божьим, значит, это Нарушение и его нужно уничтожить.

— В официальном документе сказано, что они получены путем скрещивания крупных особей. Попробуйте отыскать в них хоть один недостаток.

— Но они Неправильные! Богобоязненная община всегда понимает, в чем Нарушение, и борется с ним! Уж если правительство не знает, каковы должны быть твари господни, то мы-то знаем!

— Как в случае с кошкой Дакерсов? — усмехнулся инспектор.

Отец гневно воззрился на него. То дело все еще не давало ему покоя.

Примерно год назад он узнал, что у жены Бена Дакерса есть бесхвостая кошка. Он провел расследование и выяснил, что у этой кошки никогда не было хвоста. Тогда, как мировой судья, он потребовал уничтожить Нарушение. Но Дакерс подал на отца жалобу, и отец так рассердился, что сам уничтожил кошку, не дожидаясь, пока придет официальный ответ... Когда же получили официальный ответ, подтверждавший существование в природе бесхвостых кошек, положение отца оказалось очень неловким, да еще и компенсацию пришлось платить. Кроме того, он был вынужден принести публичное извинение, не то лишился бы своего поста.

— Нет, тут дело совсем другое, — резко возразил отец инспектору.

— Послушайте, — терпеливо сказал инспектор, — эти кони санкционированы. Если вам недостаточно такого свидетельства, пойдите и пристрелите их, а там посмотрим, что с вами будет.

— Ваша обязанность — издать приказ об этих так называемых конях! — настаивал отец. И тут инспектору надоело.

— Моя обязанность — охранять их от дураков и фанатиков, — отрезал он.

Отец не ударил инспектора, но, видно, дело почти дошло до того.

Несколько дней он кипел от ярости, а в ближайшее воскресенье прочел нам проповедь о терпимости к мутантам, угрожавшей чистоте нашей общины. Он призывал бойкотировать владельца Нарушений, намекал на аморальность в высоких сферах, уверял, что кое-кто уже сочувствует мутантам, и в заключение покрыл позором «беспринципного наемника беспринципных хозяев», местного представителя сил зла.

Хотя у инспектора и не было кафедры, с которой он мог бы ответить, но все же многие его замечания о преследовании, презрении к властям, фанатизме, религиозной мании, законе о клевете и возможных последствиях прямого выступления против властей, против постановления правительства широко разошлись по округу.

Видимо, последний пункт его едких замечаний удержал отца от действий. У него хватило хлопот и расходов с кошкой Дакерсов, но кошка-то стоила немного, а кони-гиганты обошлись бы куда дороже. Кроме того, Энгус Мортон не из тех, кто упустил бы случай добиться наказания...

Словом, атмосфера в доме стояла такая, что так и хотелось оттуда сбежать.

С тех пор как вновь воцарилось спокойствие и в округе не бродили чужаки, родители Софи стали отпускать ее на прогулки; когда мог, и я вырывался из дома.

Софи, конечно, не ходила в школу. Даже если бы у нее была подложная справка, ее тайну все равно бы скоро раскрыли. А у родителей Софи, хоть они обучили ее читать и писать, почти не было книг. Потому-то мы много разговаривали во время прогулок, вернее, говорил я, пытаюсь передать ей все, что узнавал из уроков и из Книг.

Мир, рассказывал я ей, очевидно, довольно велик, может быть, круглой формы. Цивилизованная его часть называется Лабрадор, а Вакнук — лишь небольшой его уголок. Считалось, что так называли мир еще Прежние, хотя никто ничего не знал наверняка. Лабрадор весь окружен водой, называемой морем, там водятся рыбы. Никто из моих знакомых не видел моря, кроме дяди Аксея. Море было далеко, но если проехать миль триста к востоку, северу или северо-востоку, вы наверняка до него доберетесь. А вот если ехать на юг или юго-запад, то никуда не попадешь — или убьют жители Окраин, или погибнешь в Плохих Краях.

Еще говорили, будто в прежние времена в Лабрадоре было так холодно, что тут почти никто и не жил, только добывали какие-то таинственные вещества прямо из земли да деревья выращивали. Но если такое и было, то очень давно. Тысяча лет назад? Две тысячи? Люди гадали, да точно никто не знал. Неизвестно, сколько поколений провели жизнь в

полном одичании со времен Кары и до начала Новой истории. От варварских эпох остались лишь «Раскаяния» Николсона, да и то лишь потому, что они несколько столетий пролежали в каменном ящике. А от Пржежных Людей сохранилась лишь Библия.

Помимо тех времен, о которых рассказывалось в двух книгах, были известны три столетия нашей истории, а за ними — забвение. Из пустоты протягивались нити легенд, но и они поистрепались за годы странствий из памяти в память. Название Лабрадор, например, пришло к нам из уст в уста, его нет ни в Библии, ни в «Раскаяниях». Может, о холодах легенды говорят правду, хотя теперь у нас всего два зимних месяца; но тут причиной может быть Кара — она что угодно объясняет.

Долгое время велись споры о том, есть ли жизнь еще где-нибудь кроме Лабрадора да большого острова Ньюф. Считалось, что все остальное — это Плохие Края, принявшие на себя весь удар Кары. Потом выяснилось насчет Окраин. Конечно, там жили не настоящие люди, а одни Отступления, закона божьего они не знали, и покорить их было пока невозможно. Но позднее — как знать? Если Плохие Края и правда потихоньку сокращаются, то со временем мы все покорим.

Не так уж много было известно о нашем мире, но все же такие уроки получались куда интереснее, чем Этика, был у нас и такой воскресный класс. Этика — о том, что можно и чего нельзя. Большинство «нельзя» совпадали с теми, о которых дома неустанно твердил отец. Но почему-то причины запретов оказывались разными, и меня это сбивало с толку.

В соответствии с Этикой, человечество — то есть мы — пытались снова войти в милость к Господу нашему. Мы карабкались по узенькой, но верной тропе к тем вершинам, с которых упали. От нашего верного пути отталкивались другие, на вид более легкие, но они не являлись верными, а вели прямо в пропасть. С помощью Господа нашего мы вернем себе все, что утеряли. Тропа наша трудна, человек не может полагаться только на себя. Лишь власть имущие вправе решать, правильно ли мы движемся.

Мы испкувим вину, и с нас снимут Кару. Если мы сумеем противостоять искушениям, нас ждет награда — прощение. И возврат Золотого Века. Такие Кары уже насылались на Землю: изгнание из Рая, Потоп, эпидемии, разрушения городов. Нынешняя Кара — самая страшная. Наверное, первое время казалось, что она превосходит все предыдущие несчастья вместе взятые. Почему ее наслал Господь, пока было неясно. Скорее всего Каре предшествовал период высокомерного презрения к религии, как и перед прошлыми Карами.

Большинство бесчисленных правил и примеров в Этике можно было

бы объяснить так: цель и обязанность человека — неустанно бороться со злом, которое обрушилось на нас после Кары. Превыше всего — следование Норме.

Но об этом я Софи не рассказывал. Не то чтобы я считал Софи Отклонением или Отступлением от Нормы, но все же чем-то она от меня отличалась, так? В общем, нам с ней и без того хватало тем для разговоров.

ГЛАВА 5

Похоже, мое отсутствие никого в Вакнуке не волновало, но стоило попасться на глаза, и меня немедленно пристраивали к делу.

Сезон удался, дни были солнечные, хотя и дождей выпадало изрядно.

Даже фермерам не на что было жаловаться — только трудиться приходилось много, чтобы скорее уничтожить последствия набега. — Если не считать овец, число Нарушений тоже всю весну оставалось чрезвычайно низким. Урожай и вовсе удался настолько правильный, что инспектор приказал сжечь лишь одно из полей Энгуса Мортонна, да и среди овощей оказалось совсем мало Отступлений. Похоже было, что в этот сезон мы поставим рекорд по Чистоте. Даже мой отец осмелился сказать, что Вакнук как будто бы отогнал силы Зла и что нужно воздать хвалу Господу. Наказанто был лишь один хозяин — владелец коней-гигантов, а не вся община.

Все были постоянно заняты, так что мне удавалось улизнуть из дома довольно рано. В длинные летние дни мы с Софи бегали больше и дальше, чем раньше, хотя и старались соблюдать осторожность, придерживаясь мало используемых тропок, чтобы никого не встретить. Софи так воспитали, что она сразу робела, встречая чужих, это был почти инстинкт. Человек не успевал еще показаться, как она бесшумно исчезала. Она подружилась только с Корки, что присматривал за паровой машиной, остальные ее пугали.

Мы нашли небольшой галечный пляж. Я часто снимал башмаки, закатывал штаны и шлепал по воде, заглядывая во все ямки. Софи сидела на большом плоском валуне, выступавшем из воды, и тоскливо следила за мной глазами. Потом мы стали ходить туда с двумя маленькими сачками, нам их сделала миссис Вендер, и с банкой, куда можно было сложить добычу. Я шлепал по воде, — вылавливая крошечных креветок, а Софи пыталась достать их с берега. Ей никак это не удавалось. Вскоре она сдалась и просто сидела на камне, с завистью глядя на меня. Наконец, осмелившись, она стянула башмак и задумчиво посмотрела на свои пальцы. Потом сняла второй башмак, закатала штаны и вошла в воду. Она немного постояла так, глядя сквозь воду на свои ступни. Я позвал ее.

— Иди сюда, тут их много.

Софи зашлепала по воде, смеясь от возбуждения. Навозившись, мы уселись на камень, болтая ногами.

— Они не совсем страшные, правда? — спросила она, критически

рассматривая свои пальцы.

— Они совсем не страшные! Мои по сравнению с ними такие шишковатые, ответил я убежденно, и она явно обрадовалась.

Через несколько дней мы снова отправились на пляж. Поставив банку на камень, рядом с башмаками, мы носились взад-вперед, ничего не замечая, как вдруг раздался голос:

— Привет, Дэвид!

Я поднял глаза, чувствуя, как рядом окаменела Софи.

На берегу стоял парень — Алан, сын Джона Эрвина, кузнеца, года на два старше меня. Самообладания я не потерял.

— О, привет, Алан.

Потом я подобрался к камню и кинул Софи башмаки; один она поймала в воздухе, второй вытащила из воды.

— Что вы тут делаете?

— Креветок ловим.

Отвечая, я выбрался на камень. Я и в лучшие времена не очень жаловал Алана, а сейчас он был мне вовсе ни к чему.

— Они же ни на что не годятся, лучше уж рыбу ловить, — с презрением сказал он.

Он поглядел на Софи. Она шла к берегу, держась от нас подальше.

— Кто она?

Я нагнулся, надевая башмаки, и не сразу ответил, дожидаясь, пока Софи исчезнет в кустах.

— Кто она? — повторил Алан — Она не... он внезапно замолк.

Я заметил, что он вытаращился на песок, и быстра обернулся. На камне остался непросохший отпечаток — все шесть пальцев. Я опрокинул банку, вода и пляшущие креветки стерли след, но я знал, что случилось непоправимое. Сердце у меня упало.

— Ого! — сказал Алан, и глаза его сверкнули — Так кто она?

— Моя подружка.

— Как ее зовут? Я молчал.

— Все равно узнаю, — ухмыльнулся он.

— Не твое дело!

Он не обратил на мои слова внимания, повернулся и уставился в том направлении, куда ушла Софи.

Я взбежал вверх и кинулся на него. Алан был крупнее меня, однако мое нападение было полной неожиданностью, и мы оба свалились. Дрался я плохо, но ярость придала мне сил, и я молотил кулаками куда придется. Мне надо было задержать его, чтобы Софи успела надеть башмаки и

скрыться, а уж потом-то ее не найти. Он вмиг оправился от первого изумления и пару раз дал мне по лицу, что сразу заставило меня забыть о Софи — теперь уж я защищал себя.

Мы сцепились и катались по земле, я продолжал молотить куда попало, но Алан был много тяжелее Силы мои иссякали, однако кое-чего я добился: не дал ему сразу ринуться в погоню за Софи. Наконец он уселся на меня верхом и стал меня лупить, а я никак не мог выкрутиться, только пинался и вертелся, пытаюсь защитить голову от его ударов. Как вдруг он издал вопль и свалился, я спихнул его, сел и увидел, что рядом стоит Софи с булыжником в руке.

— Я его стукнула, — гордо сказала она. — Как думаешь, он мертв?

Да, она его и правда ударила Лицо Алана побелело, по щеке стекала струйка крови, но все же он дышал, значит, не умер.

— О Господи! — Софи выронила камень.

Мы поглядели на Алана, потом друг на друга Кажется, нам обоим хотелось помочь ему, но мы не решались.

«Никто не должен знать — никто!» — внушала нам миссис Вендер. А теперь Алан знал, и мы испугались.

Я поднялся, схватил Софи за руку и потащил ее прочь.

Джон Вендер терпеливо выслушал нас.

— Ты уверен, что он видел? Может, он заинтересовался Софи, потому что не знал ее?

— Нет, он заметил отпечаток и потому хотел поймать ее.

Вендер медленно кивнул:

— Понимаю...

Я подивился его спокойствию.

Он посмотрел на нас. Глаза у Софи расширились, сверкая от страха и возбуждения. А у меня, наверное, глаза покраснели и лицо было грязное.

Вендер повернулся, к жене.

— Боюсь, пришло, милая, — произнес он. — Пришло время.

Миссис Вендер побледнела, расстроилась.

— Мне жаль, Мэри, но ничего не поделаешь. Мы ведь знали, что этот день все равно придет. Слава Богу, сегодня я Остался дома. Долго ты будешь собираться?

— Нет, Джон. У меня давно все готово.

— Ну что ж, тогда займись.

Он обошел стол, обнял и поцеловал ее. На глаза миссис Вендер навернулись слезы:

— О Джон, почему ты так добр ко мне, ведь я принесла тебе только...

Но он снова поцеловал ее, они молча посмотрели друг на друга, а потом повернулись к Софи.

Миссис Вендер тут же взяла себя в руки. Она вынула из буфета еду и поставила на стол.

— Умойтесь-ка, грязнули, да поешьте! Умываясь, я все же спросил:

— Миссис Вендер, если все дело в пальцах Софи, почему вы не отрезали их, когда она была совсем маленькой?

— Остались бы следы, Дэвид, и люди бы сразу догадались, в чем дело. Ну, ешьте поскорее!

— Мы уезжаем! — сообщила мне Софи с набитым ртом.

— Уезжаете? — глупо повторил я.

— Конечно. Мама говорила, что, если кто-то узнает обо мне, нам сразу придется бежать. Когда ты пришел в первый раз, они тоже сразу хотели уехать.

— Но сразу? И вы никогда не вернетесь?

— Наверное.

До того я хотел есть, но тут у меня весь аппетит пропал. Я сидел за столом, ковыряя вилкой в тарелке. Слышно было, как взрослые быстро ходят по дому, хлопая то тем, то другим. Звуки казались мне угрожающими. Я посмотрел через стол на Софи. В горле комок застрял, я никак не мог его проглотить.

— И куда? — спросил я грустно.

— Не знаю... далеко.

Мы продолжали сидеть. Софи ела, болтала, а я и есть не мог. Все вокруг внезапно почернело. Я знал, что кончается что-то хорошее, и мне стало так грустно, что я с трудом сдерживал слезы.

Миссис Вендер внесла несколько мешков и пакетов, положила их возле двери и снова вышла. Я мрачно следил за ней. Мистер Вендер вошел с улицы, собрал все и вышел Миссис. Вендер вошла, взяла Софи за руку и увела ее в другую комнату. Снова вошел мистер Вендер взял еще мешки, и я направился за ним во двор.

Кони, Спот и Сэнди, терпеливо стояли на месте, пока он пристраивал поклажу. Я спросил, почему они не берут повозку, но мистер Вендер покачал головой:

— С повозкой нужно ехать по проторенной дороге а на коне — где угодно.

Я постоял рядом, собираясь с духом, и наконец выпалил.

— Мистер Вендер, нельзя ли и мне с вами? Он замер, поглядел на меня. С минуту мы молчали, потом он медленно, с жалостью покачал

головой. Наверное, он заметил, что из глаз моих вот-вот польются слезы, потому что положил руку мне на плечо и повел в дом.

Миссис Вендер стояла посреди комнаты, видимо, вспоминая, что еще нужно взять с собой.

— Он хочет ехать с нами, Мэри, — сообщил ей мистер Вендер.

Она опустилась на табуретку, протягивая ко мне руки и я подбежал, не в силах говорить.

— О Джонни, я боюсь за него! Этот ужасный отец! Теперь я был так близко, что слышал ее мысли Они неслись очень быстро, но понимать их мне было легче, чем слова. Она искренне хотела бы взять меня с собой, но этого делать было нельзя. Я уже знал ответ — до того, как мистер Вендер промолвил:

— Понимаю, Мэри. Но я боюсь за Софи И за тебя Если нас поймают, то обвинят не только в сокрытии, но и в похищении детей...

— Если они отберут Софи, мне будет все равно, Джонни.

— Милая, если нам удастся выбраться из округа, им станет на нас наплевать. Но если мы увезем с собой сына Сторма, он поднимет шум и крик на сотни миль кругом, и нам не спастись. Они наставят постов везде, а мы ведь не можем так рисковать жизнью Софи, верно?

Миссис Вендер помолчала Я чувствовал, что и она сама уже все поняла Она крепко обняла меня:

— Дэвид, ты ведь понимаешь? Твой отец рассердится, и мы не сумеем спрятать Софи в безопасное место. Я бы взяла тебя с собой, но мы не смеем — ради Софи. Мужайся, мальчик Ведь ты ее единственный друг, и ты будешь мужественным ради нее, правда?

Слова казались мне такими неуклюжими! Ее мысли были куда яснее, и я уже принял неизбежное решение. Говорить я не мог — только кивнул и прижался к ней, а она обняла меня так; как никогда не обнимала моя собственная мать.

В сумерках сборы закончились. Мистер Вендер отвел меня в сторону.

— Дэвид, — обратился он ко мне, как мужчина к мужчине. — Я знаю, ты привязан к Софи. Ты защищал ее, как герой Ты и теперь мог бы ей помочь.

— Конечно, мистер Вендер, но чем?

— А вот чем. Мы уедем, а ты, если можешь, побудь здесь до утра Мы сможем подальше отъехать... Сделаешь?

— Да.

Мы пожали друг другу руки, и я почувствовал себя сильнее. Я отвечал за нее и за себя, как в тот первый день, когда она подвернула ногу.

Софи, прощаясь, сунула мне что-то в руку. На ладони у меня лежал темный локон. Она крепко обняла и поцеловала меня, а потом отец усадил ее на коня. Миссис Вендер тоже поцеловала меня.

— Прощай, милый Дэвид, — она нежно коснулась моей щеки — Мы тебя никогда не забудем, — добавила она, и глаза ее заблестели.

Они отправились в путь. Джон Вендер вел коней, придерживая свободной рукой жену, а на спине его висело охотничье ружье. Один раз они приостановились, помахали мне и исчезли в лесу.

Солнце поднялось довольно высоко, все уже были в поле, когда я вернулся домой. Во дворе никого не было, но у коновязи стоял инспекторский пони, и я догадался, что отец дома.

Я надеялся, что отсутствовал достаточно долго. Ночь прошла плохо. То есть остался-то я безбоязненно, но в темноте мне стало не по себе. Я никогда еще не ночевал вне дома. Там все было знакомо, а опустевший дом Вендоров, казалось, вдруг наполнился странными звуками. Я нашел свечи и зажег их, еще я развел огонь в очаге, но все равно мне постоянно что-то слышалось. Я долго сидел на табуретке, прислонившись к стене, так, чтобы никто и ничто не в силах было ко мне сзади приблизиться. Несколько раз мужество покидало меня, и мне хотелось сбежать, оттуда Удерживали же меня не только данное Вендорам обещание и безопасность Софи, но и темнота снаружи, и чуждые звуки в ней.

Потом я уснул, а когда проснулся, солнце светило мне прямо в лицо. Я доел хлеб, оставшийся от ужина, но все равно есть хотелось. Добежав до дома, я хотел незамеченным проскользнуть к себе, чтобы притвориться, будто проспал. Но мне не повезло: Мэри заметила меня и окликнула из окна кухни.

— А ну иди сюда! Тебя всю ночь искали. Где ты был? Отец рвет и мечет! Беги к нему, а то еще хуже будет.

Отец сидел вместе с инспектором в комнате, где собирались лишь в исключительных случаях. Я, должно быть, пришел в критический момент. Инспектор-то выглядел как обычно, а вот отец...

— Иди сюда! — рявкнул он, едва я показался на пороге. Я неохотно приблизился.

— Где ты был? Где ты пропадал всю ночь?!

Я молчал.

Распалаясь, он продолжал спрашивать, но я молчал.

— Подойди! Упорство тебе не поможет! Что это за ребенок — это исчадие?! С кем ты вчера играл?

Я молчал.

Он гневно смотрел на меня. Таким я его еще не видел мне стало дурно от страха.

Тут вмешался инспектор. Тихо, спокойно он сказал;

— Знаешь, Дэвид, сокрытие Отступления в человеке — очень серьезное преступление, людей за это в тюрьму сажают. Мне должны докладывать обо всех Нарушениях. Даже если кажется, что Отступление совсем маленькое, я должен о нем знать. Юный Эрвин вряд ли ошибся — у девочки на ногах шесть пальцев, так?

— Нет!

— Он лжет! — вмешался отец.

— Понятно, — спокойно ответил инспектор. — Ну а если это не так, что плохого, если мы узнаем, кто она?

Тут я решил, что лучше всего молчать. Мы уставились друг на друга.

— Ты ведь понимаешь? Если это неправда... — продолжал уговаривать меня инспектор, но отец прервал его:

— Мальчишка врет. Я сам с ним поговорю. Иди к себе!

Я заколебался, зная что означает его приказ. Знал я и то, что в теперешнем состоянии отца никакой роли не играет, сознаюсь я или нет. Стиснув зубы, я пошел к дверям. Отец шагнул за мной, взяв со стола кнут.

— Это, — резко произнес инспектор, — мой кнут.

Отец, казалось, не слышал.

Инспектор встал.

— Это мой кнут, — повторил он. Отец остановился, швырнул кнут на стол. И пошел за мной.

Не знаю, где в таких случаях пряталась мать — может, она боялась отца? Пришла Мэри и, всхлипывая, обмыла мне спину. Она поплакала, помогая мне лечь в постель, потом попыталась напоить меня с ложки бульоном. Перед ней-то я храбрился, но едва она вышла, слезы так и полились в подушку. Конечно, мне было больно, но еще сильнее я страдал от горя, презрения к себе и унижения. Давясь от слез, совершенно раздавленный я стискивал в кулаке темный локон.

— Софи, я не смог, — рыдал я в одиночестве, — не смог!.

ГЛАВА 6

К вечеру я успокоился и тогда почувствовал, как Розалинда пытается поговорить со мной, да и остальные тоже. Я сказал им про Софи. Теперь это уже не тайна. Ощувив их потрясение, я попытался объяснить им, что человек с небольшим Отклонением вовсе не чудовище, как нам всегда твердили. Но теперь-то для Софи разницы не было!

Меня выслушали с сомнением. Они понимали, что я говорю правду, но ведь нас всех одинаково учили с младенчества... Однако когда говоришь с кем-то мысленно, лгать не можешь. Поэтому они мне поверили и попытались принять новую идею: Отступление, Отклонение, Нарушение — совсем не обязательно страшное, мерзкое зло. Не очень им это удалось. Да и утешить меня они не могли, поэтому постепенно отключились, и я понял, что все спят — кроме меня.

Я все лежал, представляя себе, как Софи и ее родители пробираются к Окраинам, к сомнительной безопасности. Я отчаянно надеялся, что они уже далеко и мое предательство не погубит их.

А когда сон все же пришел, меня обступили лица и люди. Мне снова приснилось, как отец расправляется с Нарушением, и, когда он занес нож над Софи, я проснулся от собственного вопля. Я так напугался, что не решался уснуть, но все же провалился в сон. Теперь мне привиделся большой город, широкие улицы и летающие штуки. Давно мне такого не снилось, а город был все такой же, и почему-то он меня утешил.

Мать заглянула утром, вид у нее был отсутствующий и недовольный. Потом пришла Мэри и запретила мне вставать. Мне пришлось лежать на животе и поменьше вертеться, чтобы спина быстрее заживала. Я покорно согласился с ее наставлениями, так и правда было легче. Я лежал, размышляя, что взять с собой, когда удастся убежать из дома. Лучше всего, пожалуй, увести коня да уехать в Окраины.

Днем заглянул инспектор, принес пакетик липких леденцов. Я хотел было расспросить его об Окраинах, однако потом решил, что не надо — еще догадается.

Он обращался со мной весьма дружелюбно, но у него было дело, и он вскоре начал расспрашивать меня:

— Давно ли ты с девочкой познакомился — кстати, как ее зовут?

Теперь можно было и сказать.

— И как долго ты знал, что она Отклонение? Похоже, правда мне не

повредит.

— Довольно давно, — промолвил я.

— Сколько же?

— С полгода.

Он удивленно поднял брови.

— О, совсем плохо, это называется злостное укрывательство. Ты же знал, что она отклоняется от Нормы, так?

Я опустил глаза, поерзал и перестал — очень больно было.

— Но это... ну, совсем другое, чем то, что нам рассказывали, — попытался объяснить я. — Такие крошечные пальчики!

Инспектор взял себе леденец, протянул мне пакетик.

— «... и на каждой ступне должно быть пять пальцев» — процитировал он. Помнишь?

— Да, — неохотно признал я.

— Ну вот, каждая часть определения Нормы так же важна, как любая другая, и если ребенок в чем-то отстывает от Нормы, значит, у него нет души. Он сотворен не по образу и подобию Господа; это просто имитация, подражание, и потому в нем допущена ошибка. Только Господь может сотворить совершенство. Отступления могут выглядеть совсем как мы, но они все же не люди, они другие.

Обдумав его слова, я возразил.

— Но Софи-то не другая — лишь в этом!

— Станешь старше — поймешь. Ты уже знаешь определение Нормы, ты ведь сразу понял, что Софи отклоняется. Почему же ты не рассказал о ней отцу — или мне?

Я рассказал ему свой сон. Инспектор помолчал, потом кивнул:

— Ясно. Но человеческие Отступления — не то что животные.

— А что с ними делают? Он уклонился от ответа.

— Знаешь, мне положено включить твоё имя в свой список. С другой стороны, отец уже крепко тебя наказал, так что я, может быть, и не стану. Однако дело серьезное. Дьявол, посылает к нам Отклонения, чтобы совлечь нас с пути истинного. Иногда ему удается сделать почти точную копию человека, так что нам приходится постоянно следить за малейшими недостатками. Увидишь ошибку, даже самую крошечную, — немедленно сообщи. Запомнишь?

Я не смел взглянуть ему в глаза. Инспектор-лицо важное. Но я не верил, что Софи послал сам дьявол. И не понимал, при чем тут маленькие пальчики — на ее ногах.

— Софи ведь была моим другом — лучшим другом, — сказал я.

Инспектор продолжал смотреть на меня, потом покачал головой.

— Преданность — дело хорошее, и все же бывает так, что человек ее неверно понимает. Когда-нибудь ты осознаешь, что нужно быть преданным одному делу чистоте расы...

Тут дверь отворилась, и вошел мой отец.

— Их поймали! — сообщил он инспектору, с отвращением взглянув на меня.

Инспектор сразу вскочил, и они вышли.

Я уставился на закрытую дверь, трясясь от стыда. Слезы покатались из глаз, я зарыдал и никак не мог остановиться, забыв даже про больную спину. Новость, сообщенная отцом, оказалась куда болезненнее. Сердце так сжалось, что было не вздохнуть.

Но вот снова отворилась дверь, я быстро отвернулся к стене. На плечо мне опустилась рука, и голос инспектора произнес:

— Ты ни при чем, старина. Их случайно остановил патруль — миль за двадцать отсюда.

Через пару дней я сообщил дяде Акселю:

— Я хочу убежать из дома.

Он прервал работу, задумчиво глядя на меня:

— Я бы не стал, обычно это плохо кончается. Куда ты собрался?

— Да я вас хотел спросить. Он покачал головой:

— Куда бы ты ни попал, с тебя сразу потребуют удостоверение о соответствии Норме. А из него они тут же узнают, кто ты.

— А на Окраинах? Он уставился на меня:

— Черт возьми, там тебе нечего делать! Да у них даже еды не хватает, они постоянно голодают, потому-то и совершают набеги. Нет, там тебе придется вести постоянную борьбу за выживание.

— А в других местах?

— Туда можно попасть лишь на корабле, да и то... — Он вновь покачал головой. — Насколько я знаю, если сбегаешь от того, что тебе не нравится, то и на новом месте будет так же. Конечно, если бы было куда — но некуда. Послушай меня, здесь лучше, чем во многих других местах. Нет, Дэви, не советую. Через несколько лет ты станешь взрослым, и все изменится. По-моему, лучше уж потерпеть, — лучше, потому что, если сбежишь, тебя сразу поймают и приволокут обратно.

В этом что-то было. Я уже понял смысл слова «унижение». Но судя по тому, что он сказал, я и через несколько лет вряд ли пойму, куда бежать. Надо бы побольше узнать о мире.

Я спросил его, и он ответил:

— За Лабрадором совсем не верят в Бога. Так мог бы ответить и мой отец, о чем я сказал дяде. Он усмехнулся:

— Ладно, Дэвид, если не будешь болтать, я тебе кое-что расскажу.

— Это что, тайна? — спросил я в недоумении.

— Не совсем. Но бывает так, что люди привыкли во что-то верить. И священники хотят, чтобы они продолжали верить. Никто не скажет «спасибо», если расскажешь нечто новое, только беду на себя накличешь. Моряки в Риго быстро это поняли, так что теперь они делятся лишь с другими моряками. Если людям хочется думать, что вокруг одни Плохие Края, пусть. От их мыслей ведь ничего не меняется, а нам спокойнее.

— Но и в учебнике тоже написано, что есть лишь Плохие Края да Окраины.

— А есть и другие книги, просто ты их не видел. Да и в Риго их немного. Кроме того, нельзя верить всем рассказам моряков. Но я-то повидал кое-что и знаю: мир куда удивительнее, чем мы тут себе представляем. Ну что, будешь молчать?

— Буду!

— Ладно, слушай... Если отплыть из Риго по реке, попадаешь в море. На восток плыть нельзя, море или бесконечно, или кончается, и корабль может свалиться с земли — точно никто не знает.

Если же плыть к северу, держась вдоль берега, приплывешь на другую сторону Лабрадора. Можно плыть и прямо на север, никуда не сворачивая. Тогда окажешься в холодных краях, там много островов, живут на них лишь птицы да животные.

Говорят, на северо-востоке есть земля, где растения не сильно отклоняются от Нормы, люди и животные не выглядят неправильными, но их женщины слишком рослые и сильные. Они сами правят своей землей и выполняют всю тяжелую работу, мужчин до двадцати четырех лет держат в клетках, а потом съедают. Едят они и моряков, потерпевших кораблекрушение. Хотя никто никогда не встречал людей, побывавших там, и трудно сказать, на чем основаны такие сведения. С другой стороны, нет и таких, кто бы вернулся да опроверг слухи.

Сам-то я бывал лишь на юге, плавал туда трижды. Нужно положить право руля, выбравшись из реки, и двигаться близко к берегу. Через сотню-другую миль попадешь в залив Ньюфа, можно зайти в порт Ларк, пополнить запасы пресной воды и продуктов — если жители Ньюфа позволят. Затем нужно двигаться на юго-восток, затем на юг, снова вдоль побережья и снова право руля. Ну, там сплошь идут Плохие Края или совсем Плохие Окраины. Много всего растет, но с корабля ясно видно, что

все отклоняется от Нормы. Есть там и животные, только большинство их ни на что не похоже, ясно, что Нарушения, трудно назвать — какие...

Дальше сплошь Плохие Края. Когда моряки впервые увидели те земли, они жутко перепугались. Чувствовалось, что Чистота осталась далеко позади и мы плывем все дальше от Бога, даже он тут не поможет. Все знают: высадись в Плохих Краях — умрешь. Но еще больше всех волновало другое: как же там цветет и растет то, что противоречит законам Божьим, будто имея право на существование?

Да уж, в первый раз немудрено испытать настоящее потрясение. Гигантские стебли пшеницы перерастают деревья. Здоровенные мхи и лишайники, разросшиеся на камнях, а корни развеваются по ветру. Есть деревья, растущие на утесах, и с них длинные зеленые веревки свешиваются вниз, в воду. Непонятно, или это земное растение с такими корнями, или морское — с такими ветвями. Там сотни странностей — и ничего нормального! Целые джунгли сплошных Отступлений! Животных как будто нет, но иной раз попадется что-то на глаза, сам не знаешь что. Птиц много. А еще где-то далеко и высоко летает что-то большое, вроде и не птицы. Жуткая, порочная земля Всякий побывавший там, понимает: такое могло бы быть и у нас, если бы не законы о Чистоте и инспекторы.

Плохо, правда? Но и это еще не худшее Дальше, дальше на юг, и вот уже совсем мало растений, а затем начинаются земли, где нет вообще ничего. Ни-че-го.

Побережье пустое — мрачное, черное Угольно-черная пустыня. Если попадаются скалы, то острые, голые В море ни рыбы, ни водорослей, ни ила Если корабль заплывет туда, ракушки и прочая грязь, налипшие на дно, отпадают и весь корабль становится чистым, словно с него все соскребли. Птиц нет. Никакого движения, только волны набегают на черный берег.

Страшное место. Капитаны отводят корабли подальше, и матросы этому радуются.

Но вряд ли те земли всегда были такими. Известно, что капитан одного корабля решил подплыть поближе. Команда видела какие-то руины, остатки гигантских построек. Наверное, останки городов Прежних Людей. Больше ничего неизвестно: корабль-то возвратился, но вся команда истаяла на глазах, в живых никого не осталось. Другие корабли уже не рисковали.

На сотни миль тянутся черные земли. Многие корабли возвращались, решив, что дальше ничего нет. Священники радовались, слыша рассказы матросов. Все совпадало с учением церкви, и долгое время никто не стремился к путешествиям. Но потом любознательность взяла верх, и хорошо оснащенные корабли вновь устремились на юг.

Один из исследователей, Мартер, писал в журнале примерно следующее: «Кажется, Черный берег — это худшее в Плохих Краях. Нельзя ничего утверждать, потому что никому не хочется высадиться и умереть. Но все же заметно, что там нет растительности, и еще: по ночам местами заметно тусклое свечение. Однако можно утверждать, что правое крыло партии церкви неверно считает, что все это — результат Отклонений... Ничто там не указывает на возможность распространения „загрязнения“ по всей земле, как наказание „нечистым“ областям. Наоборот, заметно, что Плохие Края постепенно отступают. Конечно, трудно вести наблюдения на расстоянии, но там все же появляются живые организмы — растения и животные, правда, не соответствующие никаким известным Нормам».

После публикации журнала Мартеру пришлось худо, ведь он фактически утверждал, что даже Отклонения могут постепенно прийти к Норме. Его обвинили в ереси и привлекли к суду, а церковники потребовали принять указ о запрещении дальнейших исследований.

Процесс еще не кончился, когда вернулся почти забытый корабль «Смелый». И сам корабль, и команда были в ужасном состоянии, но люди говорили, что они побывали в землях за Плохими Краями. В доказательство они привезли золото, серебро, медь и полный трюм специй. Пришлось принять их новости, но тут же разгорелся спор по поводу специй, ведь никто не знал, как они должны выглядеть, Верующие отказывались к ним прикасаться, а те, кто не так часто посещал церковь, предпочитали думать, что все подобные виды описаны в Библии Чем бы они ни были, ради них стоило плавать на юг.

Цивилизации там нет У жителей тех земель нет понятия о грехе, и они не уничтожают Отклонения Ну а там, где знают о грехе, неверно его понимают. Во многих местах не стыдятся мутантов. Их не беспокоит, если ребенок внешне не во всем соответствует Норме Если дети могут жить и трудиться, как все, к ним хорошо относятся. А есть и места, где наша Норма считается Отступлением. Есть племя безволосых, они считают, что волосы — отметка дьявола. Есть племя беловолосых с красными глазами. Есть такое, где у всех очень длинные изогнутые пальцы. Есть острова, где живут толстяки, и такие, где одни тощие. Говорят, есть и такие места, где люди казались бы совсем правильными если бы не одно странное Отступление: они все чернокожие. Но даже в такое поверить легче, чем в покрытых мехом хвостатых существ, живущих на деревьях. В общем, достаточно увидеть всего несколько таких племен, и начнешь верить во что угодно;

Там опасно. Рыбы и прочие морские твари злее, чем у нас. Сходя на

берег, никогда не знаешь, как тебя примут местные жители. Местами они вполне дружелюбны, — а иные встречают чужаков отравленными стрелами. — Есть и такие, где пришельцев встретят снарядами из перца, завернутого в листья.

Иногда не удается договориться даже и с дружелюбно настроенными людьми, ты не понимаешь их, а они — тебя. А порой вслушаешься — вроде и наш язык, только произносят иначе. И еще такая странная штука: у них те же легенды о Прежних Людях, что и у нас. Как они строили плавучие города, как умели переговариваться на расстоянии, и все прочее. Но тревожнее всего то, что каждое племя считает себя Нормой, а других — Отступлениями.

Сначала-то это кажется глупым, однако чем больше племен встречаешь, тем чаще начинаешь задумываться: ведь все так же убеждены в своей правоте, как и мы. Ну, спрашиваешь себя: а откуда известно, что именно мы сделаны по образу и подобию Господа? В Библии не говорится о том, что в те времена люди были другими, но никаких определений Нормы там тоже нет. Определение пришло к нам из «Раскаяний» Николсона, а он писал через несколько поколений после Кары. Ну вот и думаешь, а откуда он-то знал, что есть Норма? Может, ему только казалось, что он прав?

Дядя Аксель много еще рассказывал мне о юге было интересно, но на мой вопрос он не ответил, и я прямо спросил его:

— Дядя Аксель, а города там есть?

— Города? — повторил он. — Ну, есть кое-где маленькие... поселки, что ли. Наверное величиной с Кентак, только другие.

— Нет, большие города, — и я описал ему город из своего сна.

Он странно поглядел на меня.

— Нет, о таком я не слышал.

— Может, дальше? Он покачал головой:

— Дальше не пройти. Море зарастает водорослями. Сплошные водоросли, не дай Бог, попадешь — потом корабль с трудом выбирается оттуда.

— О, так вы уверены, что городов там нет?

— Конечно, иначе бы мы о том слышали. Я испытал разочарование. Похоже, бежать на юг — то же самое, что в Окраины. Теперь, видно, надо привыкнуть к мысли, что мне снился город Прежних.

Дядя Аксель продолжал делиться сомнениями о Норме, возникшими у него после путешествия. А потом спросил:

— Дэви, ты понимаешь, зачем я это рассказываю? Честно, понимал я

не очень. Да мне и не хотелось искать недостатки в той вере, которую я впитал с младенчества. Я вспомнил услышанную как-то фразу.

— Вы... потеряли веру? — спросил я Дядя Аксель фыркнул и скорчил рожу.

— Слова из проповеди! — ответил он и задумался. — Я хочу объяснить тебе, что если даже все вокруг говорят «это правда», их слова ничего не доказывают. Никто, никто не знает, что есть образ и подобие божие, в чем Норма. Они думают, что знают, мы думаем, что знаем, а может. Нормой были лишь Прежние Люди? — Он серьезно посмотрел на меня. — Ну например, откуда я, или кто другой, может знать, не приближает ли тебя и Розалинду ваше отличие от остальных к Норме, к облику Прежних? Ведь легенды говорят, что Прежние Люди умели общаться на расстоянии! Мы-то не можем, а вот вы с Розалиндой можете. Подумай, Дэви, вдруг и в самом деле вы с ней ближе к правильному облику, чем мы все.

Я заколебался — и принял решение.

— Дядя Аксель, есть и другие. Он был поражен.

— Другие? — повторил он. — И много? Я покачал головой:

— Не знаю, кто они, то есть не знаю имен. У имен нет мысленной формы, мы и не пытаемся выяснить. Просто у всех в мыслях как бы разные голоса. Я и о Розалинде узнал случайно.

Он пристально, с беспокойством уставился на меня.

— И сколько же вас?

— Восемь. Было девять, но один умолк с месяц назад. Я и хотел спросить вас, дядя Аксель, как вы думаете, может, кто-то узнал? Он так внезапно замолк... Ведь если узнали о нем...

Но дядя покачал головой:

— Не думаю. Нам бы тоже стало известно. А не уехал ли он?

— По-моему, он жил поблизости. Но он бы сообщил нам, если бы уезжал.

— Он ведь сообщил бы вам, если бы о нем догадались, правда? Похоже, произошел несчастный случай. Хочешь, я узнаю?

— Да, а то мы... боимся.

— Ладно, — кивнул дядя Аксель, — попробую. Значит, мальчик, и недалеко. Месяц назад. Еще что-нибудь?

Я рассказал ему то небольшое, что знал. Мне сразу стало легче. Конечно, прошел месяц, с нами пока ничего не случилось, но все же было не по себе.

Прежде чем разойтись, он еще раз мне напомнил — никто не может

знать точно, что есть Норма и истинный облик Господа нашего.

Лишь позже я понял, к чему дядя Аксель это все говорил. И еще я понял: его не слишком волновало, что есть Норма. Прав ли он был, пытаюсь подготовить нас к предстоящим испытаниям? Не знаю... Может, лучше было бы ничего не рассказывать? Но все же он облегчил нам пробуждение...

А пока я решил не убегать из дома.

ГЛАВА 7

Появление моей сестры, Петры, было для меня полной неожиданностью — и традиционным сюрпризом для остальных.

В последнюю неделю-две в доме ощущалось неопределенное чувство выжидания, но никто не поминал о нем вслух. Я и не подозревал, что происходит нечто странное, до той ночи, когда раздался — вопль младенца. Вопль был пронзительный, и он явно шел из дома, а не вне его — а ведь вечером никаких младенцев не было. Но наутро все молчали. Никто и подумать не мог о том, чтобы упомянуть о ребенке открыто до приезда инспектора: он выдавал удостоверение о соответствии младенца Норме. Если бы оказалось, что новорожденный не отвечает облику и подобию Господа, удостоверения бы не выдали и все сделали бы вид, что ничего не произошло. Как будто младенца и не было.

Едва рассвело, отец послал одного из конюхов за инспектором. Ожидая его приезда, все домашние старались скрыть беспокойство, притворяясь, что наступил еще один обычный день.

Время шло и шло, конюх вернулся с вежливым сообщением, что инспектор постарается заглянуть к нам в течение дня — а ведь человек, занимавший положение моего отца, мог надеяться на немедленный визит.

Да, даже очень благочестивый человек не должен ссориться с местным инспектором и публично обзывать его непочтительными словами. У инспектора есть много способов отплатить.

Отец разгневался, тем более что традиция не позволяла ему гневаться открыто. Более того, он сознавал, что инспектор хочет его позлить. Все утро отец болтался по дому и по двору, то и дело взрываясь по пустякам. Все ходили на цыпочках и старались изо всех сил не привлекать его внимания.

Никто не осмеливался объявить о рождении ребенка до того, как проведут официальное освидетельствование. Чем дольше затягивалось объявление, тем больше времени было у злых языков для изобретения всевозможных причин отсрочки. Влиятельный человек мог ожидать, что его ребенку выдадут удостоверение как можно раньше. Но ведь нельзя было и произносить слово «младенец», и нам приходилось притворяться, будто моя мать лежит в постели из-за простуды или чего-то вроде.

Моя сестра Мэри то и дело бегала в комнату матери, а в остальное время старалась скрыть беспокойство, громко покрикивая на слуг. Я болтался по дому, не желая пропустить объявление. Отец бродил вокруг.

Напряжение усиливалось и оттого, что все знали уже дважды удостоверения не было Отец хорошо сознавал, да и инспектор тоже, что окружающие втайне прикидывали, не отошлет ли мой отец мою мать прочь (так дозволялось делать по закону), если и в третий раз нам не повезет Ну а пока было бы нелепо и недостойно посылать за инспектором еще раз, так что приходилось сносить напряжение, кто как умел.

Лишь после обеда инспектор не спеша подъехал к дому на своем пони. Отец взял себя в руки и вышел его встречать. Он чуть не задохнулся, стараясь оставаться вежливым. Однако и теперь инспектор не спешил. Он медленно слез с пони, медленно прошел в дом, болтая о погоде. Отец, побагровев, поручил гостя Мэри, та отвела его в комнату матери. Мы продолжали ждать.

Позже Мэри рассказывала, что инспектор долго хмыкал и гмыкал, детально изучая младенца, и наконец вышел оттуда с ничего не выражающим лицом. В маленькой гостиной он присел к столу, долго затачивал перо, потом все же извлек из дорожной сумки пустой бланк и медленно, отчетливо записал, что после тщательного освидетельствования он официально подтверждает соответствие данного младенца Норме человеческого существа женского пола, свободного от каких-либо видимых Отклонений. Он задумчиво разглядывал бланк еще несколько минут, как если бы его что-то не удовлетворяло, поколебался, прежде чем поставить подпись. Наконец расписался, тщательно присыпал написанное песком и протянул бланк моему разъяренному отцу, все еще сохраняя на лице некоторую неуверенность Безусловно, в душе он не сомневался, иначе бы просто не подписал бумагу. Отец прекрасно это знал.

Наконец-то можно было признать существование Петры. Мне торжественно сообщили, что у меня появилась еще одна сестра, и вскоре повели смотреть на нее. Она лежала в колыбельке около кровати матери.

Я понять не мог, откуда инспектор знает, что она человек, она была такая розовая и сморщенная! Но, наверное, с ней все в порядке, а то он бы не выдал удостоверения. Да инспектора не в чем было обвинять: она и вправду выглядела нормальным младенцем...

В то время как мы по очереди входили посмотреть на нее, зазвонил колокол. Работы прекратились, вскоре мы все собрались в кухне на молитву благодарения.

Через два-три дня после рождения Петры я случайно узнал часть семейной истории, которую предпочел бы не узнавать.

Я тихо сидел в одной из комнат, а за стеной, в спальне, лежала в постели моя мать. Если мне удавалось проскользнуть туда сразу после

обеда, я мог немного отдохнуть от работы, иначе мне сразу находили дело. До сих пор меня тут не искали, так что мне удавалось даже подремать с полчаса. Обычно там было удобно, хотя сейчас приходилось вести себя совсем тихо, так как мазаные стены внутри дома сильно потрескались, и я двигался на цыпочках, чтобы мать меня не услышала.

В тот день я как раз решил, что все уже заняты делом и не накинутся на меня сразу, как вдруг к дому подъехала повозка, и я увидел в ней тетю Гарриет.

Я видел ее всего восемь или девять раз, она ведь жила миль за пятнадцать от нас, но мне она нравилась. Она была года на три моложе матери, и внешне они походили друг на друга. Но у тети Гарриет черты лица были помягче, вот она и производила совсем иное впечатление. Глядя на нее, я думал: вот такой могла бы быть и моя мать, такой бы я хотел ее видеть... С тетей и разговаривать было легче, потому что она слушала не только затем, чтобы исправлять.

Я тихонько прокрался к окну, пронаблюдал за тем, как тетя Гарриет привязывает коня, вынимает из повозки белый сверток и несет его в дом. Наверное, ей никто не встретился, потому что через несколько секунд ее шаги раздались в коридоре, а затем щелкнула задвижка в соседней комнате.

— Ты, Гарриет! — воскликнула мать в изумлении, причем в голосе ее слышалось неодобрение. — Так быстро! Ты что, взяла крошку с собой?!

— Знаю, — ответила Гарриет, принимая упрек в тоне матери, — но я должна была, Эмили, должна! Я узнала, что ты родила раньше срока, и я... о, вот она! Прелестный ребенок, сестра, прелестный! — Наступила пауза, потом она добавила — Но и моя тоже, правда.

Последовали взаимные поздравления, стало неинтересно. По мне так все младенцы на одно лицо.

Мать сказала:

— Я так рада, дорогая. Генри, наверное, тоже счастлив?

— Конечно... — ответила тетя Гарриет. Как-то неправильно она это произнесла даже я понял. Она заторопилась.

— Она родилась неделю назад, и я не знала, что делать, а потом услышала, что твоя девочка родилась раньше срока, ну как будто бы Господь ответил на мои молитвы — Тетя Гарриет замолкла, потом небрежно — да только небрежность ей не удалась — спросила — У тебя уже есть удостоверение?

— Конечно, — резко ответила мать, готовая к нападению. Я знал, какое у нее при этом выражение лица. Но тут она добавила: — Гарриет! У тебя что, нет удостоверения?!

Тетя молчала, мне показалось, что я слышу подавленные всхлипывания. Мать потребовала — холодно и настойчиво:

— Гарриет! Дай мне взглянуть на это дитя — и как следует!

Сначала ничего не было слышно, лишь всхлипы тети. Потом она нетвердо повторила:

— Ничего особенного, ты видишь, такая мелочь.

— Мелочь! — чуть ли не рявкнула моя мать. — Ты имела наглость явиться в мой дом со своим чудовищем и говоришь мне, что это — мелочь?

— Чудовище?! — Голос у тети был такой, словно ее ударили. — О... о... о, она лишь тихо стонала.

— Неудивительно, что ты не решилась вызвать инспектора!

Тетя тихо плакала. Мать немного подождала, потом спросила:

— Хотела бы я знать, зачем ты сюда явилась? Зачем ты привезла сюда это?

Тетя Гарриет высморкалась и ответила тусклым голосом.

— Когда она родилась... когда я увидела... я хотела покончить с собой. Я понимала, что ее не признают, хотя это такая мелочь! Но потом я подумала может быть, мне удастся ее спасти. Я же люблю ее. Прелестная девочка — если бы не это... Правда, она прелесть?

Мать молчала. Тетя продолжала.

— Не знаю на что, но я еще надеялась. Я знала, что могу подержать ее у себя, что ее не сразу отберут, можно хотя бы месяц не заявлять. Я решила подождать.

— А Генри? Он-то что сказал?

— Он... он велел сразу сообщить о ней. Но я не дала — я... Я не могу, не могу! Господи, ведь это третий раз! Я молилась, молилась и молилась, я надеялась, а потом узнала о тебе и решила, что Господь ответил на мои молитвы.

— Вот как? — холодно произнесла мать. — Нет, мой ребенок не имеет к этому отношения! Не понимаю, к чему ты ведешь? — добавила она резко.

— Я подумала, — отвечала тетя безжизненным голосом, — я подумала, может, ты позволишь мне оставить тут свою дочку и взять на время твою...

Мать явно и слова не могла вымолвить от изумления.

— Всего на день-два, а я бы пока получила удостоверение. Ведь ты моя сестра, моя родная сестра! Ты могла бы помочь мне сохранить ребенка! — Она разрыдалась.

Долгая пауза — и голос матери:

— За всю свою жизнь я еще не слышала таких чудовищных слов? Ты

приехала сюда предложить мне вступить в аморальный, преступный сговор... ты сошла с ума, Гарриет! Подумать, что я отдам свою дочь... — Она замолкла, заслышав тяжелые шаги отца в коридоре.

— Джозеф, — позвала мать, едва он вошел, — ну-ка гони ее, пусть она немедленно покинет наш дом!

— Но это же Гарриет, дорогая, — с недоумением вымолвил отец.

Мать объяснила, в чем дело. Тети Гарриет совсем не было слышно. Отец с недоверием спросил:

— Это правда? Ты за тем и приехала? Медленно, устало тетя ответила:

— Третий раз. Они заберут ребенка, как забрали двух других, Я не вынесу этого, не вынесу... Генри, видимо, выгонит меня. Найдет новую жену, она родит ему нормальных детей. А у меня ничего не останется на этом свете — ничего. Я надеялась встретить тут сочувствие, ведь моя сестра могла бы мне помочь. Теперь я вижу, как глупо было надеяться...

Все помолчали.

— Ну что ж, я все поняла, теперь уеду — Голос у нее стал какой-то мертвый.

Но отец был не из тех, кто позволит кому-то сказать последнее слово.

— Не понимаю, как ты посмела явиться сюда, в богобоязненный дом, с подобным предложением! Хуже того, что-то не вижу я в тебе раскаяния или стыда!

Голос тети стал подтверже:

— Чего мне стыдиться? Я не сделала ничего постыдного! Я не раскаиваюсь, хотя и признаю свое поражение.

— Не раскаиваешься! — повторил отец. — Не стыдишься, хотя и произвела на свет эту насмешку над обликом Творца! Не стыдишься того, что пыталась вовлечь собственную сестру в преступный сговор! — Он сделал глубокий вдох и загремел так, будто стоял за кафедрой: — Враги Господа осаждают нас. Они пытаются уязвить Его через нас. Они без устали трудятся над искажением Его облика Они пытаются осквернить Чистоту расы. Ты согрешила, женщина! Загляни в свое сердце, и ты найдешь там грех! Твой грех ослабил, и наши позиции, враг нанес всем нам удар — через тебя! Ты носишь крест на платье, чтобы иметь защиту от врага рода человеческого. Но в сердце твоём нет креста! Ты недостаточно бдительна! И вот — Отклонение. А любое, пусть даже мелкое. Отступление от облика Господа — это богохульство. Ты произвела на свет скверну.

— Мое бедное дитя!

— Дитя, но если бы тебе позволили оставить его у себя, твое дитя

выросло бы и произвело себе подобных — и продолжало бы сеять скверну, пока все и вся вокруг не обратились бы в мутантов и Нарушения! Так произошло в тех местах, где воля и вера ослабли. Но здесь такого никогда не будет! Наши предки были правильными людьми, и они оставили нам доброе наследство — Норму. Позволить тебе предать нас? Чтобы получилось, что наши предки жили зря? Позор на твою голову, женщина! Убирайся! Смиренно возвращайся домой, извести закон о своем ребенке и молись — очищайся! Ты не только произвела на свет Отклонение, но и выступила против закона, ты согрешила намеренно!.. Я милосерден. Я не потащу тебя в суд. Ты сама очистишься, облегчишь свою совесть. Преклони колени, молись, и да простятся тебе твои грехи!

Легкие шаги, тихий плач младенца. Тети подошла к двери, остановилась.

— Да, я буду молиться! — Голос ее окреп. — Я буду просить Господа послать чуточку сострадания в наш жуткий мир, милосердия к слабым, любви к несчастным и обездоленным. Я спрошу его: действительно ли он повелел, чтобы младенец страдал и душа его была обречена на вечное проклятие за небольшое пятнышко на теле... И я буду молить Господа, чтобы он разбил сердца самодовольным и лицемерам...

Дверь закрылась, тетя тихо прошла по коридору.

Я осторожно прокрался к окну. Она подошла к повозке, бережно опустила в нее белый сверток и несколько секунд смотрела на него. Потом отвязала коня, села в повозку, взяла сверток на колени и прикрыла его плащом. Она повернулась — и до сих пор я вижу ее, как тогда: ребенок на руках, плащ слегка распахнулся, виден крест на платье; глаза смотрят вдаль, а лицо словно из гранита.

Она встряхнула вожжами и выехала со двора.

Отец продолжал вещать:

— Еще и ересь! Попытка подменить младенца — куда ни шло, у женщин бывают странные идеи. Я бы не обратил на это внимания, сообщил бы о ребенке — и все. Но ересь — дело другое. Не просто бесстыжая — опасная личность! Вот уж не ожидал встретить такую порочность в твоей сестре! Как она могла подумать, что ты прикроешь ее грех, зная, что тебе самой дважды пришлось понести наказание? Ересь в моем доме! Нет, я этого так не оставлю!

— Может быть, она не сознавала, что говорит? — неуверенно предположила мать.

— Значит, надо заставить ее осознать свой грех. Мать начала было отвечать, но голос ее прервался, и она заплакала. Я никогда не видел ее

плачущей. А отец продолжал объяснять, как необходима Чистота в мыслях, сердцах и делах наших, как важна она в женщинах. Он еще не кончил, когда я на цыпочках выбрался из комнаты. Я все думал, что же это за «мелочь», может, лишний пальчик на ноге, как у Софи, чем она «запятнана»? Но я так никогда и не узнал, в чем дело.

Наутро нам сообщили, что тетя Гарриет утопилась. О младенце ни слова...

ГЛАВА 8

Вечером отец помолился за тетю Гарриет, и с тех пор ее имя у нас не упоминалось. Как если бы ее стерли из памяти у всех, кроме меня. А мне все вспоминался ее голос, когда она сказала: «Я не стыжусь!» Мне не рассказывали, как она умерла, но я знал, что это не было несчастным случаем. Я еще многого не понимал, однако с тех пор во мне зародилось ощущение опасности, неуверенности. Почему-то оно было сильнее, чем все, что я передумал и почувствовал, страдая за Софи. Я боялся — и не мог отделаться от страха.

Тот младенец отличался от других какой-то «мелочью», был «запятнан». На теле его было что-то лишнее, а может, чего-то не хватало. Девочка не во всем подходила к определению Нормы. «Мутант!» — кричал тогда отец. Мутант! Я вспоминал читанное в книгах, проповеди приезжего священника и отвращение в его голосе, когда он громовым голосом возвещало кафедры: «Проклятье мутантам!»

Проклятье мутантам... Мутант-враг не только рода человеческого, но и всего живого. Семя дьявола, стремящееся взрасти и дать плод, чтобы нарушить божественный порядок в нашем краю, в нашей земле, осуществлявшей волю Господню. Мутант превратит все сущее в непристойный хаос Окраин, не станет здесь закона Божьего, как в тех местах на юге, о которых рассказывал дядя Аксель. Мутант — Позорная фантазия дьявола, насмешка над Господом..., «Мелочь — это первый шаг...».

Ночами я стал молиться:

— О Боже, пожалуйста. Боже, сделай меня таким, как все! Не хочу быть другим! Пожалуйста, Господи, пусть я проснусь и буду таким, как все?

А утром я сразу слышал Розалинду или кого другого. Значит, на мою молитву никто, не отвечал. Я вставал таким же, каким лег накануне в постель, и вот я шел в кухню, завтракал, а перед глазами висела надпись, переставшая быть просто частью обстановки — казалось, слова так и таращатся на меня, они ожили: «Проклятье мутанту, оскверняющему взор Господень!»

Я боялся.

Так прошло ночей пять, а потом дядя Аксель попросил меня сразу после завтрака помочь ему починить плуг. Мы часа два поработали, затем

он предложил отдохнуть, и мы выбрались на солнце. Он дал мне кусок овсяной лепешки, и мы оба молча жевали, как вдруг дядя Аксель сказал:

— Ну же, Дэви, давай!

— Что «давай»? — спросил я глупо.

— Выкладывай, что тебя грызет в последние дни, — ответил он. — Что стряслось — кто-то узнал?

— Нет, — ответил я, и он облегченно вздохнул.

— Так что же?

И я рассказал ему про тетю Гарриет и ее младенца. Еще не досказав, я расплакался. Какое облегчение — выговориться!

— Понимаете, все дело в ее лице, я никогда еще не видел такого лица, мне оно все мерещится — в воде, и младенец...

Кончив, я посмотрел на дядю Акселя. Таким мрачным я его еще не видывал, губы у него сжались, он кивнул:

— Так вот в чем дело...

— Понимаете, младенец был в чем-то неправильный... И потом, Софи... Раньше я не понимал, а сейчас — я боюсь, дядя Аксель! Что они сделают, если узнают обо мне?

Он опустил руку мне на плечо.

— Никто никогда не узнает, Дэви, никто, я-то не в счет. Но мне не полегчало, как прежде.

— И все же один из нас исчез, — напомнил я ему. — Может, о нем узнали?

Дядя Аксель покачал головой:

— Можешь спать спокойно, Дэви. Примерно тогда погиб мальчик, Уолтер Brent, девяти лет. Он крутился возле дровосеков, и на него упало срубленное дерево.

— Где?

— Миль десять отсюда, на ферме Чиппинг. Я призадумался. Чиппинг годился, да и несчастный случай объяснял причину внезапного исчезновения. Не желая ничего плохого неведомому Уолтеру, я все же надеялся, что это он и был.

Дядя Аксель снова заговорил:

— Дэви, никто не знает и не узнает, ведь ничего не видно. Разве, что ты сам себя выдашь. Учись быть осторожным, мальчик. И они никогда не узнают.

— А что они сделали с Софи? — спросил я, но он не ответил.

— Запомни мои слова, Дэви. Они считают себя Нормой, однако никто не может знать наверняка. Даже если Превжние были такими же, как они и

я, что толку? Да, люди рассказывают об их чудесном мире, думая, что в один прекрасный день все возродится. В эти рассказы вплелось много ерунды. Но пусть даже часть их правда, чего ради мы должны идти по их следам? Где теперь они сами, где их чудесный мир?

— Господь наслал на них Кару, — процитировал я.

— Конечно, конечно, ты отлично вызубрил проповеди, а? Легко сказать — но понять нелегко, особенно если повидал свет и знаешь, что такое Кара. Это ведь не бури, ураганы, потопаы и пожары, как в Библии. Все вместе — и хуже! После Кары остались Плохие Края, черные берега, светящиеся в ночи, да руины. Может, нечто подобное и произошло в Содоме и Гоморре, только на сей раз погибло куда больше земель. Единственное, чего я совсем не понимаю, — это последствия.

— А Лабрадор?

— И Лабрадор, просто здесь всего этого меньше. Здесь да в Ньюфе. Что же за ужас тогда произошел? И почему? Я еще могу себе представить, что Господь в гневе мог уничтожить все живое и даже весь мир. Но при чем тут Отклонения? И такая неразбериха!..

Я не мог понять, в чем затруднение. Господь всемогущ и может наслать на нас все что угодно. Я попытался объяснить это дяде, но он покачал головой:

— Надо верить, что Господь не сошел с ума, Дэви, иначе будет совсем плохо; но что бы там ни случилось, — он помахал рукой вокруг, — это было безумием, Дэви. Произошло нечто всеобъемлющее, превосходящее мудрость Господа. Что же это было?

— Кара... — начал я.

Дядя Аксель нетерпеливо заерзал на месте.

— Слово — заржавевшее зеркало, и ничего больше. Хорошо бы священникам увидеть те края. Они не поймут, но, может, хоть думать бы начали: «Чем мы заняты? Чему учим? Какими были Прежние Люди, что они натворили, чем было вызвано то жуткое несчастье? Как они уничтожили себя и чуть не весь мир?»

А потом, может, они бы спросили себя: «А правы ли мы? Кара изменила мир. Сможем ли мы заново выстроить его? Нужно ли это? Зачем стремиться вернуть былое, если все чудеса Прежних привели их к Каре?» Ведь ясно, мой мальчик, что, несмотря на все их чудеса. Прежние не были свободны от ошибок. Просто никто из нас не знает, в чем они ошиблись.

Многое из того, о чем говорил дядя Аксель, до меня не дошло, но суть я вроде бы ухватил.

— Но если мы не будем пытаться подражать Преподобным что же делать?
— Можно попытаться быть собой и строить свой мир, предложил он.
— Не понимаю... то есть не думать о Чистоте расы и правильном облике? Не обращать внимания на Отклонения?

— Ну, не совсем, — он покосился на Меня. — Ты ведь слышал, какую ересь несла твоя тетка. А теперь и твой дядя. Что, по-твоему, делает человека человеком?

Я начал пересказывать Определение, но он прервал меня:

— Нет! По этому Определению можно слепить восковую фигуру, она же не станет человеком?

— Нет...

— Значит, нечто внутри человека делает его человеком.

— Душа? — спросил я.

— Нет, душа — это для церкви, чтобы дань собирать. Я считаю, человека отличает прежде всего ум, разум. Это ведь не вещь — это свойство, и у всех умы разные. Они бывают лучше или хуже, и чем сильнее ум, тем лучше. Понимаешь?

— Нет, — сознался я.

— Послушай, Дэви, я думаю, церковники более или менее правы, говоря об Отклонениях, да только причины тут другие. Они правы, считая, что в Отклонениях нет ничего хорошего. Ну, разрешили бы они существование Отклонений, и что? Разве дюжина рук или ног, две головы или глаза на стебельках могут помочь кому-либо в жизни? Нет. Человек сформировался физически, прежде чем осознал себя человеком, и такую форму называют правильной. А потом — произошло нечто внутри его, и человек осознал себя личностью, понял, что обладает чем-то, чего нет у других существ, — умом. Он сразу оказался на ином уровне. Как многие животные, человек был уже физически развит, на вот у него появилось новое качество — ум, и он стал развивать его. Это единственное, что человек мог развивать с пользой для себя. И до сих пор единственное, что он может делать: развивать новые свойства ума. — Дядя Аксель ненадолго задумался, потом продолжил: — Когда я плавал второй раз, у нас был доктор, и он говорил примерно так. Чем больше я думаю о его словах, тем больше смысла в них нахожу. Мне кажется, у тебя. Розалинды и остальных как раз и появилось такое новое качество. Нельзя просить Господа, чтобы он забрал у тебя твое свойство. Все равно что просить, чтобы он сделал тебя слепым или глухим. Я знаю, как тебе трудно, Дэви, но отбросить это — не выход. Ты должен привыкнуть так жить. Нужно повернуться лицом к опасности. Раз уж ты таким уродился, старайся извлечь из этого как можно

больше пользы — и притом не выдать себя.

Я, конечно, не все тогда понял, многое дошло до меня, остальное воспринялось лишь после других бесед. И после того, как Майкл пошел в школу.

В тот вечер я рассказал всем об Уолтере Бренте. Нам было жаль его, и все же все мы испытали облегчение от того, что произошел лишь несчастный случай. Еще одна странность: он, видимо, был моим дальним родственником, ведь фамилия моей бабушки была Брент.

После того мы решили, что пора узнать имена друг друга, чтобы в дальнейшем не мучиться неизвестностью.

К тому времени нас было восемь — то есть восемь детей, способных объясняться друг с другом мыслеформами на расстоянии. Были неясные сигналы от других, но мы их не считали — слишком неясно.

Кроме нас с Розалиндой были еще: Майкл, живший в трех милях от нас; Салли и Кэтрин, жившие на ферме по соседству; Марк — чуть не за девять миль; сестры Энн и Рейчел, жившие совсем рядом, всего в полутора милях. Самой старшей из нас была Энн, ей исполнилось тринадцать; самым младшим был раньше Уолтер.

Итак, мы сделали второй шаг к объединению: выяснили, кто мы. Стало как-то легче. Постепенно заповеди на стенах перестали меня пугать. Они снова превратились в предметы обстановки. Конечно, я не забывал о тете Гарриет и Софи, но кошмары мои прекратились.

Кроме того, вскоре мне пришлось думать о другом, и это отвлекало меня от грустных мыслей.

Как я уже упоминал, учились мы мало. Читать, писать, Библия да «Раскаяния» и начатки счета. Немного. Во всяком случае, родителей Майкла это не удовлетворяло, и они отправили его в школу в Кентак. Там он узнавал много такого, о чем наши старушки и слыхом не слыхивали. Естественно, все узнанное он передавал нам. Сначала было трудно, потому что мы не привыкли к такому расстоянию, но через несколько недель упорных занятий дело пошло на лад, и он начал передавать нам практически все, что узнавал сам. Сообщал он и то, чего не понял, а мы все вместе старались ему помочь. Мы гордились, когда он стал первым учеником в классе.

Я узнавал все больше, и это помогало мне жить. Еще я наконец начал понимать, что говорил дядя Аксель. Но мы осознали и трудности, от которых нам не удавалось избавиться. Трудно было запомнить, что окружающие не должны замечать внезапно возросший запас наших знаний. Нелегко сдержаться, слыша ошибочные суждения о мире, или делать свою

работу так, как мы были приучены, хотя благодаря Майклу мы узнавали, как облегчить любой труд...

Случались и опасные моменты. Например, ляпнешь что-нибудь, не думая, — и взрослые поднимут брови, с подозрением на тебя глядя. Или выскочишь со своим предложением, когда никто этого не ждет. Но чем дальше, тем меньше ошибок мы совершали, ведь опасность жила рядом. Медленно, неуверенно, наудачу мы учились избегать прямых подозрений и жить двойной жизнью. Прошло целых шесть лет, прежде чем опасность подступила к нам вплотную.

Собственно, мы жили довольно сносно вплоть до того дня, когда внезапно узнали, что нас не восемь, а девять.

ГЛАВА 9

Поразительно, что моя младшая сестра Петра казалась такой нормальной. Ни один из нас не подозревал ее ни один. Она была такая веселая, такая хорошенькая. Так и вижу ее — маленькая непоседа с короткими золотистыми кудрями, носится туда-сюда, таская за собой безобразную косоглазую куклу, которую она обожала. Она и сама еще походила на игрушку, как все дети. Петра часто плакала, смеялась, потом затихала, прыгала, бегала и падала. Я очень любил ее, и даже мой отец питал к ней нежные чувства. Мне и в голову не приходило, что она чем-то отличается от всех, пока не произошел тот случай.

Мы собирали урожай. Сначала косили вшестером, а потом я передал косу соседу, собираясь помочь метать стога, и тут меня стукнуло... Такого я еще не испытывал. Вот я начал вязать сноп... и вдруг почувствовал страшный удар по голове, или нет, в голове... Я, наверное, пошатнулся. Потрясение было столь сильным, что я даже не успел подумать, бежать или нет, в голове моей засела боль, будто крючок застрял, и я повиновался призыву. Выронив сноп, я помчался по полю, мимо изумленных, смазанных лиц. Я бежал неведомо куда, ощущая лишь, как это срочно. Через поле, мимо ограды, вниз по пастбищу к реке...

Скатываясь по берегу вниз, я заметил, что по полю Энгуса Мортон, обгоняя ветер, к реке несетя Розалинда.

По берегу, через мостик, к омуту. Ни секунды не — сомневаясь, не задерживаясь, с разбегу в воду — и я вынырнул возле Петры. Она из последних сил цеплялась руками за какой-то кустик, держа нос над водой. Еще чуть-чуть и она бы сорвалась. Быстро доплыв до нее, я схватил сестру на руки.

Боль в голове сразу прекратилась. Я обхватил ее одной рукой, поплыл к берегу. Нащупав дно, встал и увидел над собой обеспокоенное лицо Розалинды.

— Кто это? — спросила она вслух дрожащим голосом и приложила руку ко лбу. — Кто на такое способен? Я ответил.

— Петра?! — повторила Розалинда, недоверчиво уставившись на девочку.

Я вынес сестренку на берег, положил на траву. Она была без сил и почти без чувств, но ничего плохого с ней не случилось.

Розалинда подошла, опустилась перед ней на колени. Мы оба молча

смотрели на промокшую одежду, слипшиеся кудряшки... Потом посмотрели друг на друга.

— Я не знал. Я и понятия не имел, что она — одна из нас.

Розалинда прижала кончики пальцев к вискам, слегка покачала головой и встревоженно взглянула на меня.

— Нет, она похожа на нас, но она другая. Никто из нас не умеет так... звать. В ней что-то большее...

Тут набежали люди — и с нашего поля, и вслед за Розалиндой. Никто не мог понять, почему Розалинда вылетела из дома как на пожар.

Я взял Петру на руки, чтобы отнести ее домой. Кто-то спросил:

— Но как же ты узнал? Мы ничего не слышали! Розалинда обратила к спрашивавшему изумленный взгляд.

— Не слышали?! Она так орала! По-моему, ее было слышно в Кентаке!

Казалось, нам удалось убедить их. Хотя я молчал — дело в том, что все наши взволнованно интересовались, что произошло, а я мысленно просил их подождать, пока мы с Розалиндой останемся одни и сможем все рассказать, не вызывая ничьих подозрений.

В ту ночь, впервые за много лет, мне снова привиделся кошмар. Но когда отец занес сверкающий нож. Отклонение, дрожавшее в его руках, не напоминало Софи. Это была Петра. Я проснулся, весь в холодном поту.

На следующий день я попытался мысленно поговорить с Петрой. Важно было объяснить ей все прежде, чем она себя выдаст. Я долго пытался, но ничего не получалось, да и остальные старались — ничего! Может, лучше словами?

Воспротивилась Розалинда:

— Видимо, страх разбудил ее способности, хотя она ничего не сознает, может, и знать не знает, как все случилось. Если попытаться сразу все объяснить, мы только увеличим риск. Ей же всего шесть лет, не стоит перегружать малышку — это нечестно и опасно.

Остальные согласились. Мы все знали, как трудно следить за каждым словом, даже если делаешь это годами. И мы решили отложить разговор с Петрой до тех пор, пока не возникнет острая необходимость, или до другого случая, словом, подождать, пока она повзрослеет, если удастся. А пока будем пытаться налаживать связь с ней.

Причин, мешавших нам жить спокойно, как прежде, вроде бы не было. Не было и выбора — ведь если нам не удастся сохранить тайну, мы все погибнем.

За последние несколько лет, взрослея, мы начали лучше понимать окружающих. Лет пять-шесть назад наши мысленные «беседы» были

скорее игрой, однако теперь, чем больше мы понимали, тем более мрачной становилась наша беспокойная «игра». В сути-то своей она не изменилась. Но ясно было, что тайну нужно хранить, то есть скрывать наше истинное «я» — наше «мы». Ходить, разговаривать, жить, как все. Мы обладали даром, лишним чувством, которое, как горько говаривал Майкл, могло быть благом, а стало нашим проклятием. Глупейшая «норма» была бы лучше. «Нормальные» принадлежали к обществу, а мы — нет. Мы должны были не раскрываться, не общаться мысленно, когда хотелось, не использовать свои знания, не выказывать свое отличие.

Мы вели жизнь обмана, укрывательства, молчания. Майкла больше, чем всех нас, раздражала перспектива вести себя так до конца своих дней. У него было богатое воображение, и он уже сейчас представлял себе, к чему нас может привести постоянная необходимость самоподавления, но и он ничего не мог предложить взамен. Что до меня, я считал, что раз эти «не» нужны нам для выживания, то и я должен их соблюдать. Лишь смутно я начинал осознавать отсутствие положительного начала в такой жизни. Чем старше я становился, тем острее делалось чувство опасности.

Однажды наш старый работник, Джейкоб, ворчал по поводу «неправильных» бобов — опять придется сжечь весь урожай!

— А все нынешнее беззаконие, — пробурчал он, когда я очутился рядом. Штраф за укрывательство целого выводка неправильных поросят! А если жена родит троих детей, отклоняющихся от Нормы, ее просто выгоняют. Вот когда мой отец был молодым, женщин уже за первое Нарушение секли. Если же она производила на свет троих неправильных, ее объявляли вне закона, отбирали свидетельство нормальности и продавали в рабство. Так-то! И вообще тогда побольше молились да следили за Чистотой. В те годы мутантов было куда меньше, говорил отец, а если и рождались, их тут же сжигали. Как урожай или животных.

— Сжигали! — не удержался я.

— А разве есть другой способ, искоренить Отклонения?

— Насчет, урожая или животных — понятно, но люди...

— А люди-мутанты хуже всего, — отрезал Джейкоб. — Сам дьявол попирает истинный облик Его! Конечно, надо сжигать их, как в прежние времена. А на деле? Эти чувствительные души в Риго, которые сами-то никогда не имели дела с мутантами, заявили: «Ну, хоть они и не люди, но ведь кажутся людьми. Если их уничтожать, это ведь будет убийство или почти убийство, того и гляди волнения начнутся». И вот, оттого что некоторые чистоплюи недостаточно тверды в своей вере, у нас появились новые законы. Мол, пусть живут и умирают естественной смертью.

Объявить их вне закона и изгнать в Окраины, а младенцев просто выбрасывать туда. Это они считают милосердием?! По крайней мере, правительство понимает, что мутанты не должны плодиться, и принимает меры, прежде чем выкинуть их в Окраины. Но подозреваю, что скоро начнут выступать и против этого. Что же получается? Да то, что население Окраин растет, совершает на нас набеги!

А сжечь бы их сразу — и дело с концом. Какого черта они возглашают «Проклятье мутанту!», а потом обращаются с ним, как с родней?

— Но ведь мутанты не виноваты... — начал я.

— Не виноваты? — усмехнулся старик. — А дикий кот виноват в том, что он дикий кот? Однако ты его убиваешь. В «Раскаяниях» писано: «Очищай все живое огнем». Но проклятое правительство теперь думает иначе. Так Господь скоро, найдет на нас еще одну Кару. — Джейкоб все бурчал, как древний пророк. — И ведь постоянно скрывают, и будут скрывать, потому что нет настоящего наказания. Женщина рождает чудовище, а потом идет в церковь и публично говорит, что ей жаль!.. А эти кони Энгуса Мортонна с их свидетельством? Проклятый инспектор хочет удержаться на своем посту, потому не спорит с Риго. А потом люди удивляются, почему растет число Отклонений... — Он все ворчал, плюясь от омерзения.

Позднее я спросил дядю Аксея, многие ли думают так же, как старый Джейкоб. Он задумчиво поскреб щеку.

— Многие старики все еще считают, что это их дело, — так было до появления должности инспектора. Часть пожилых тоже, но другая часть готова оставить все так, как есть. Они не столь привержены форме, как их отцы, и полагают: не важно, как все делается, лишь бы мутанты не могли размножаться. Но если несколько лет подряд будут такие урожаи, как сейчас, — не знаю...

— А почему уровень Отклонений иногда вдруг повышается?

Он покачал головой:

— Понятия не имею. Наверное, дело в погоде. Если зима выдается тяжелая и часто дуют юго-западные ветры, Отклонений много. Не сразу, а в следующий сезон. Говорят, что-то попадает к нам с ветром из Плохих Краев. Никто не знает, что именно... Старики считают, что это предзнаменование, напоминание о Каре. Следующая весна тоже будет тяжелой. Люди начнут больше прислушиваться к старикам — и искать козлов отпущения.

Он замолк, глядя на меня выразительными глазами. Я понял намек и передал его остальным.

Да, уже сейчас было ясно, что нам не повезло, и люди действительно ищут, на ком бы сорвать злость. Мы все больше волновались за Петру.

Целую неделю после несчастного случая на реке мы были вдвойне осторожны и постоянно прислушивались, не возникло ли у кого-то подозрений. Но ничего такого не обнаруживалось. Очевидно, все решили, что мы с Розалиндой одновременно услышали вопль, еле доносившийся с такого расстояния.

Мы чуть-чуть расслабились — но Ненадолго. Прошел лишь месяц, и у нас появился новый источник волнений.

Энн сообщила, что выходит замуж...

ГЛАВА 10

В голосе, в мыслях Энн слышался вызов.

Сначала мы не восприняли новость серьезно. Уж слишком не хотелось в это верить. Во-первых, женихом был Алан Эрвин, тот самый Алан, с которым я когда-то подрался на берегу реки и кто потом донес на Софи. Родители Энн владели большой богатой фермой, а Алан был сыном кузнеца и мог унаследовать его место. Сложение у него было подходящее: рослый, здоровый — но и все. Понятно, что родителям Энн хотелось чего-то большего. Вот мы и считали, что из ее затеи ничего не выйдет.

Однако мы ошибались. Она сумела убедить родителей, и вскоре было объявлено о помолвке. Тут уж мы здорово встревожились. Нам внезапно пришлось задуматься о последствиях, и хотя мы были еще молоды, но уже понимали, в чем сложность.

Первым попытался поговорить с Энн Майкл:

— Нельзя, Энн, ради тебя самой! Ты же связываешь свою жизнь с калекой. Подумай, Энн, хорошенько подумай! Она сердито накинулась на него:

— Я не дура. Конечно, я все обдумала. Я думала об этом куда больше, чем вы. Я женщина, и я имею право выйти замуж, рожать детей! Вас трое, нас пятеро. Что же, двоим никогда не выходить замуж? Не жить собственной жизнью, не иметь своего дома? Так что двоим из нас придется выйти замуж за нормальных!.. Я полюбила Алана и хочу стать его женой. Вы должны быть мне благодарны, вам же станет легче.

— Не обязательно, — спорил Майкл, — не верю, что мы — единственные. Должны быть другие, может, их просто не слышно. Если подождать...

— Чего?! Ждать годы, ждать всю жизнь? У меня есть Алан, а вы хотите, чтобы я ждала неведомо кого! А если он так и не придет? Или я его возненавижу? Вы хотите, чтобы я отказалась от Алана и потеряла все? Нет! Я не просила сделать меня такой, и у меня есть право на нормальную жизнь, как у всех! Мне будет нелегко. А вы думаете, легче будет, если я вот так и буду одна год за годом? Нам всем нелегко, но, если двоим придется отказаться от всякой надежды на любовь и дом, станет куда хуже! Трое могут выйти замуж за троих, а двое? Останутся в стороне? Они же никому не нужны! Ты, Майкл, не задумывался об этом, да и вы все тоже. А я знаю, чего хочу, потому что никто из вас не влюблялся — кроме Дэвида и

Розалинды — и не знает, каково мне!

Конечно, отчасти она была права. Мы постоянно помнили о своих проблемах. Хуже всего — необходимость вести двойную жизнь, наши собственные семьи попросту душили нас... Мы могли лишь надеяться на освобождение в будущем. Правда, мы еще не знали, как его достичь, но все понимали, что брак с «нормальным» будет невыносимым. Ведь любой из нас по-прежнему окажется ближе к остальным, чем к собственным мужу или жене. Не супружество, а подделка. Муж и жена — по разные стороны барьера, более широкого, чем барьер различных языков, язык-то можно выучить. А тут одному из двоих придется постоянно что-то скрывать, второй же никогда не сможет выучиться. Не жизнь — несчастье. Придется следить за каждым шагом, не доверять человеку, с которым связал свою жизнь, опасаясь разоблачения. А ведь мы уже убедились в том, что время от времени все допускают ошибки.

Мы так привыкли общаться мысленно, что общение лишь с помощью слов, звуков стало казаться нам несовершенным, а все окружающие — недоразвитыми, полуглухими. По-моему, «нормальные» не сумеют понять, до чего мы близки друг другу. Как объяснить, что такое «думать вместе», сообща решать задачу, непосильную для одного? Нам не приходится искать подходящее слово, мы не лжем, не притворяемся, даже если бы захотелось, — в мыслях это невозможно. Непонимание среди нас исключается. Что же станет с тем из нас, кто свяжет свою жизнь с полуглухим «нормальным»? Ведь он может лишь догадываться о мыслях и чувствах жены! Результат — затянувшееся несчастье, раздражение, которое неминуемо должно вылиться наружу.

Или же накопятся маленькие несоответствия, постепенно укрепитя подозрение...

Энн, все прекрасно понимая, перестала обращать на нас внимание. Она отказывалась отвечать нам, но мы-то не знали, совсем она отключилась или все же слушает наши беседы по вечерам. И мы уже не решались обсуждать что-либо откровенно, не пытались выработать какую-то позицию. Может, тут ничего и нельзя было сделать, во всяком случае, мне ничего в голову не приходило. Розалинда тоже ничего не могла предложить.

Розалинда стала высокой стройной девушкой. Она была такой симпатичной, что мне постоянно хотелось смотреть на нее. Двигалась она легко, грациозно. Кое-кто уже начал заглядываться на нее, а Розалинда была со всеми вежлива — не более. Она всегда отличалась решительностью и во всем полагалась на себя. Наверное, она невольно

вселяла в кавалеров робость, и после немногих попыток за ней переставали ухаживать. Она никому не давала надежд. Может, поэтому она больше всех нас была потрясена поступком Энн.

Иногда мы с Розалиндой тайком встречались. По-моему, никто — кроме остальных наших, конечно, — и не подозревал, что мы любили друг друга. Мы тайком ласкались, а в мыслях сидело: неужели вот так — всю жизнь? Но надвигавшаяся свадьба Энн вгоняла нас в еще большую тоску. Жениться или выйти замуж за «нормального»? Даже за самого доброго, самого понимающего?..

Конечно, единственный, у кого я мог спросить совета, был дядя Аксель. Как и все в округе, он знал о готовящейся свадьбе, но не подозревал, что Энн одна из нас. Новость он принял крайне мрачно. Обдумав все он покачал головой:

— Да, Дэви, плохо дело, ты прав. Я уж лет пять-шесть как понял, но все надеялся, что до свадеб дело не дойдет... Похоже, вы все приперты к стенке, а?

Я кивнул:

— Она нас не слушает, отдалилась. Уверяет, что все кончено. Пытается стать «нормальной». Раньше у нас никогда не бывало ссор, а тут она накричала на нас и завершила словами, что всех нас ненавидит. Дело в том, что она влюбилась в Алана и хочет выйти за него замуж. Я и не знал, что можно вот так чего-то хотеть. Она — как слепая, и думать не желает, что с ней может случиться. Как быть?..

— А ты не считаешь, что ей все же удастся стать «нормальной», полностью отключившись от вас? Или это слишком сложно?

— Мы думали об этом, — ответил я. — Она может не отвечать, вот сейчас она молчит. Но молчать постоянно... Это же все равно что принести обет молчания на всю оставшуюся жизнь! Она не в силах заставить себя проста забыть и стать Нормой! Майкл объяснял ей: это все равно как если бы она вышла замуж за однорукого и делала вид, что у нее тоже одна рука. Ничего хорошего не выйдет.

Дядя Аксель немного подумал.

— И вы уверены, что она с ума сходит по Алану и ей ничего не втолкуешь?

— Да, она на себя не похожа, в голове хаос. Еще до того, как она замолкла, мы чувствовали, насколько искажены ее мысли.

Дядя Аксель пожал плечами:

— Женщины часто считают, что влюблены, когда им просто хочется замуж. Оправдываются перед собой. Вреда-то в том нет, да и иллюзия

сослужит им потом службу. Но по-настоящему влюбленная женщина — дело другое, она живет в мире, где все перспективы искажены. У нее одна цель, и на нее ни в чем нельзя положиться. Она принесет в жертву что угодно, включая себя самое, лишь бы быть любимой. Ей это кажется логичным. Остальные считают ее безумной, она опасна в социальном смысле. А если у нее к тому же чувство вины перед другими, она всеми силами будет стараться от него избавиться, и тогда... — Он помолчал. Опасно, Дэви, слишком опасно. Сожаление... самоотречение... самопожертвование... стремление к очищению... Все станет давить на нее, она ощутит тяжесть ноши — и желание с кем-то ее разделить. Да, Дэви, боюсь, что рано или поздно...

Я тоже так считал.

— Но что же делать? — спросил я горько. Он пристально поглядел мне прямо в глаза.

— А как ты считаешь, есть у вас право что-то предпринять? Один из вас собрался сделать шаг, опасный для восьми. Конечно, сама она не до конца осознает это. Если Энн и собирается сохранять по отношению к вам лояльность, она все равно подвергает вас риску, делает это намеренно, преследуя личную цель. Есть ли у нее право на создание угрозы для семи человек, лишь потому что она хочет жить со своим избранником? Я заколебался:

— Ну, если так подходить...

— Только так! Есть ли у нее такое право?

— Но мы же старались ее разубедить, — ушел я в сторону от вопроса.

— И вам не удалось. Вы что же, будете спокойно сидеть и ждать, пока она не потеряет самообладание и не выдаст вас?

— Не знаю...

— Послушай-ка, — сказал дядя, — я знал человека, пережившего кораблекрушение, и вот они плыли в лодке, а воды и пищи было мало. Один из них напился морской воды и сошел с ума — пытался сломать лодку, чтобы все пошло на дно. Он оказался опасным, он мог погубить всех. Пришлось выкинуть его за борт, а трое оставшихся добрались до берега. Не выкинь они его — им бы не хватило воды, и все бы погибли.

Я покачал головой:

— Нет, на это мы не пойдем.

Дядя Аксель продолжал смотреть мне в глаза.

— Нельзя сказать, что наш мир уютен и приятен, он небезопасен для всех, кто отличается от Нормы. Но, может ваш вид и не способен выжить...

— Дело не в том. Если бы нужно было «выбросить за борт» Алана, мы

бы так и поступили. Но ведь вы имеете в виду Энн, а это немыслимо. Не потому, что она женщина, нет. Просто мы слишком близки, вот мне она ближе, чем собственная сестра. Трудно объяснить... — Я остановился как же выразить все словами? Понимаете, это хуже, чем убийство, как если бы мы оторвали часть самих себя...

— Ну что ж, значит, над вашими головами нависает меч.

— Знаю, — грустно согласился я. — Но меч внутри нас — еще хуже.

Я ничего не сообщил остальным, боясь, что Энн поймает наши мысли. Но я и так знал наверняка, что все скажут как знал и то, что дядя предложил единственно верный способ. Только никто из нас на это не пойдет.

Энн упорно молчала... Слушает она нас или нет? Ее сестра Рейчел рассказала нам, что теперь Энн объясняется только вслух и вообще ведет себя как «норма», и все же мы не решались обмениваться мыслями так свободно, как прежде.

Настал день свадьбы, потом они с Аланом переехали в дом, подаренный им ее отцом. Народ посудачил о том, что зря-де она вышла замуж за сына кузнеца, но и все.

В последующие месяцы мы почти ничего не слышали о ней, даже сестру она не особенно жаловала. Оставалось лишь надеяться, что Энн счастлива.

А мы с Розалиндой всерьез задумались о себе. Не помню, когда мы с ней решили пожениться, мы ведь не были близкими родственниками, ее отец приходился моей матери сводным братом. Мне кажется, такие вещи как бы суждены свыше, особенно если они совпадают с вашими собственными желаниями. В общем, мы с ней всегда это знали. Мы росли, постоянно думая вместе, и были близки как никто. Кругом царила неприязнь, и с годами мы становились все ближе, не сознавая сначала, что любим друг друга.

Осознав же, поняли, что хоть этим не отличаемся от «нормы» — и что препятствия перед нами все те же.

Вражда наших семейств продолжалась уже много лет. Началась она из-за коней-гигантов, а вылилась в постоянные распри и взаимные обвинения наших отцов. Они бдительно следили, не появились ли на полях соседа Отклонения, и было известно, что оба предлагали награду за информацию о малейшем Нарушении.

Отец даже шел на некоторые жертвы в своем стремлении быть более благочестивым, чем Энгус. Например, мы перестали высаживать помидоры и картофель — он предпочитал покупать их. Конечно, уровень

нормальности на обеих фермах поднялся, но уровень дружелюбия все опускался... Ясно было, что на союз детей наши семьи никогда не согласятся...

Мы оба понимали, что придется трудно. Ее мать уже пыталась подыскать Розалинде жениха, да и я замечал, что моя мать изучает соседских девушек, пока, правда, крайне неодобрительно. Мы были уверены в том, что никто не подозревает о наших отношениях. Если Стормы и Мортон общались, то очень мало и язвительно, а встречались мы только в церкви.

Мы оказались в тупике и не знали, как из него выбраться. Жениться тайком? Но Энгус мог и пристрелить нас, или наши благочестивые семейства наконец объединились бы, чтобы объявить нас вне закона. Мы часто обсуждали положение, пытаясь найти выход, но даже спустя полгода после свадьбы Энн все еще ничего не придумали.

Что до остальных, то через полгода они перестали так сильно волноваться. Конечно, мы помнили об угрозе, но ведь мы жили так с раннего детства.

Но однажды воскресным вечером Алана нашли мертвым на тропинке, ведущей через поле к его дому. Из горла его торчала стрела.

Новость мы узнали от Рейчел, и, пока она пыталась дозваться до сестры, мы все с беспокойством прислушивались. Рейчел старалась изо всех сил. Безуспешно! Энн не отвечала — даже в горе она не откликнулась на наши утешения.

— Я сбегая к ней, — сказала нам Рейчел. — Может, кто-то сидит рядом, вот она и молчит.

Мы ждали почти час. Потом услышали расстроенную Рейчел:

— Она даже не впустила меня в дом. Соседку впустила, а меня — нет.

— Она считает, что кто-то из нас его убил, — решил Майкл. — Кому что известно?

Но все решительно отрицали свое участие, никто ничего не знал об убийстве.

— Необходимо заставить ее поверить нам, — сказал Майкл. — Попытаемся дозваться — все вместе. Мы попытались — безуспешно.

— Плохи дела, — признал Майкл. — Рейчел, попробуй отнести ей записку. Составь ее так, чтобы никто чужой не догадался.

— Попробую.

Еще час, наконец снова Рейчел:

— Бесполезно. Я передала записку соседке, но она вышла и сказала мне, что Энн порвала записку, не читая. Там сейчас наша мать, она

пытается убедить Энн пойти домой.

Майкл помолчал, затем посоветовал:

— Можно ожидать всего. Старайтесь не вызывать подозрений, но готовьтесь к бегству. Рейчел, держи нас в курсе. Если что случится, сообщай сразу!

Я не знал, что делать. Петра уже спала, стоит ли ее будить? Ее-то уж никто не заподозрит. Так что я лишь прикинул, что делать в случае несчастья, и решил, что у меня будет достаточно времени, если придется бежать обоим. Рейчел позвала нас уже ночью:

— Мы с мамой идем домой. Энн всех выгнала, мама хотела остаться, но Энн вне себя, у нее истерика. Она заставила всех уйти. Сказала маме, что знает, кто убил Алана, но имен не называла.

— Ты считаешь, она имела в виду нас? — спросил Майкл. — Может, Алан просто с кем-то разругался? Рейчел почти не сомневалась:

— Если бы дело обстояло так, она бы впустила меня, не стала бы кричать, чтобы я убиралась. Но все же утром я сбегаю к ней, узнаю, не передумала ли она.

Этим нам и пришлось удовлетвориться, после чего мы все ненадолго забылись беспокойным сном.

Позднее Рейчел рассказала нам, что произошло утром. — Она поднялась на рассвете и побежала к дому Энн по полю. Сначала она не решалась стучать, боясь криков и упреков. Но так стоять тоже толку мало... Она собралась с духом и подняла молоточек. Стук эхом отозвался, по дому, но к дверям никто не подходил. Она снова постучала, погромче. Тишина. Рейчел заволновалась. Снова постучала, потом побежала за соседкой. Вдвоем они выбили окно и влезли внутрь. И нашли Энн в спальне — она повесилась.

Они сняли ее, положили на постель, прикрыли простынькой. Рейчел казалось, что все это сон, она не могла опомниться. Соседка взяла ее за руку и повела к двери, как вдруг заметила на столе листок бумаги и протянула его Рейчел:

— Это, наверное, тебе или твоим родителям. Рейчел тупо поглядела на листок, прочла надпись и тупо начала:

— Это не... — и замолчала.

Она сделала вид, что внимательно читает записку, вспомнив, что соседка, к счастью, не умеет читать.

— Да, это нам, — ответила она, сунув листок за пазуху.

Но там было написано: «Инспектору».

Муж соседки отвез Рейчел домой; и она сообщила родителям о смерти

Энн. Наконец, оставшись одна в той комнате, где они долго жили вместе, Рейчел прочла письмо сестры.

В нем были перечислены все наши имена, включая Рейчел и даже Петру, объяснено, в чем заключалось наше Отклонение, и далее утверждалось, что это мы убили Алана. Рейчел дважды прочла письмо и затем сожгла его.

Через день-другой напряжение среди нас слегка спало. Самоубийство Энн, конечно, было трагедией, но никто о нем не задумывался. Молодая жена, ожидающая первого ребенка, временно лишилась рассудка, узнав о внезапной смерти мужа. Печально, однако ничего не поделаешь.

Никто, включая нас, не знал, кто повинен в смерти Алана Эрвина. Расследование показало, что многие питали к нему неприязнь и многих он успел обидеть, но ни у кого не нашлось мотива для убийства. Старый Вильям Тей признал, что это он делал стрелу, но ведь практически все стрелы в округе были сделаны его руками. Это была обычная охотничья стрела, в любом доме их десятки. Люди, конечно, сплетничали. Говорили, — что Энн в последнее время не так сильно любила Алана и даже слегка побаивалась его. К большому огорчению ее родителей, начали даже поговаривать, что-де она сама пустила в него стрелу, а затем покончила с собой. Но и эти слухи утихли за неимением доказательств. В конце концов тайну списали за неразгаданностью. Кто знает, может, то был несчастный случай, а охотник теперь не решается признаться.

Мы постоянно прислушивались, не заподозрит ли и нас кто-нибудь. Нет, ничего подобного. Со временем мы позволили себе расслабиться. Однако, хотя источник постоянного напряжения исчез, эффект его все еще сохранялся. Мы чувствовали, как резко отличаемся от остальных, и понимали, что безопасность всех находится в руках каждого.

Мы горевали об Энн, но горе наше смягчалось знанием, что на самом деле мы лишились ее еще год назад, когда она только вышла замуж. Лишь Майкл не разделял общего облегчения.

— Одна из нас оказалась недостаточно сильной, — повторял он.

ГЛАВА 11

Весенние инспекции прошли благоприятно. Всего два поля во всей округе были осуждены на уничтожение, но они не принадлежали ни отцу, ни Энгусу Мортону. Два предыдущих года были настолько плохими, что даже те, кто не сразу уничтожали Отклонения в первый раз, во второй не задумываясь убивали всех животных, вызывавших сомнение, вследствие чего уровень нормальности у нас снова повысился. Люди стали относиться друг к другу добрее, по-соседски. К концу мая начали даже заключать пари о дальнейшем снижении уровня Отклонений. И старый Джейкоб признал, что гнев Господень поутих.

— Господь милостив, — говорил он с некоторым сожалением. — Он дает нам еще один шанс. Будем надеяться, грешники ступят на путь истинный, не то через год будет еще хуже. Да и нынешний год пока не кончился, все еще может испортиться!

Однако ничего плохого не происходило. Урожаи на полях соответствовали Норме, да и овощи по размерам не превышали допустимых пределов. Похоже было, что и погода установилась хорошая. Инспектор почти безвылазно сидел у себя в кабинете, так как делать ему было нечего. К нему даже начали прилично относиться жители округи.

Как и остальные, мы настроились на спокойное трудовое лето. Возможно, все и обошлось бы — если бы не Петра.

Прекрасным ранним утром в июне она выкинула сразу две штучки, зная, что этого делать нельзя. Во-первых, влекомая жаждой приключений, в одиночку отправилась погулять на своем пони. Во-вторых, отъехав от наших полей, она не остановилась, а углубилась в лес.

Я уже упоминал, что лес вокруг Вакнука довольно безопасен, однако полагаться на это не стоит. Дикае кошки чаще всего убегают, нападают они редко. Но все же никто не ходил в лес без оружия — мало ли какие крупные звери, могут пробраться к нам из Окраин!

Зов Петры прозвучал у меня в голове так же внезапно и так же оглушающе, как и в первый раз. На сей раз в нем не звучала такая ужасная паника, и все же человеку, мысленно принявшему такой вопль, — становилось не по себе. Кроме того, у девочки начисто отсутствовал контроль. Она прямо-таки волнами испускала ощущение ужаса, которое заглушало все вокруг.

Я хотел дозваться остальных, чтобы они не мчались на зов, но меня не

слышала даже Розалинда. Трудно описать подобное заглушение. Словно пытаешься перекричать жуткий шум и одновременно разглядеть, что-нибудь в густейшем тумане. Хуже всего, абсолютно неясна была причина страха Петры — бессловесный вопль протеста. Чисто рефлекторное действие, не мысли, не контроль. Сомневаюсь даже, чтобы она сама знала, что творит. Инстинкт... Я лишь понял, что ей плохо и что она далеко...

Выскочив из кухни, я подбежал к дому, схватил ружье, всегда висевшее у двери, взведенное и заряженное на случай необходимости. Через пару минут, оседлав коня, я уже несся по направлению к Западному лесу.

Если бы Петра хоть на секунду перестала так «вопить», мы бы связались друг с другом и последствия ее выходки не были бы столь серьезны. Но она продолжала посылать сигналы боли и тревоги, напроочь отделяя нас друг от друга, так что оставалось лишь как можно быстрее мчаться к ней...

Дорога была не слишком хорошей, в одном месте я даже свалился с коня и потерял несколько минут, ловя его. Наконец я добрался до места, но Петру не увидел. Сначала я увидел ее пони. Он лежал на полянке с разодранным горлом, а на нем сидело невиданное мной прежде чудовище, жадно урча и пожирая громадные куски мяса.

Я стал снимать ружье, и движение, видно, привлекло его внимание. Зверь повернул голову, посмотрел на меня и собрался для прыжка. Я поднял ружье, но тут в воздухе свистнула стрела и вонзилась ему прямо в горло. Зверь взвился в воздух и рухнул, все еще глядя на меня желтыми глазами. Мой конь от испуга встал на дыбы, так что ружье мое выпало в воздух. Еще две стрелы вонзились в чудовище, и оно застыло на земле, мертвое.

Справа от меня на поляну выехала Розалинда, держа в руках лук. С другой стороны появился Майкл, держа стрелу наготове. Мы все еще не могли общаться. Петра заглушала нас всех.

— Где она? — спросила вслух Розалинда.

Мы осмотрелись и наконец заметили небольшую фигурку, висевшую метрах в четырех от земли на молодом деревце. Розалинда подъехала к дереву и сказала малышке, что уже можно слезть. Петра продолжала висеть там, в развилке, казалось, она не в состоянии двинуться. Я спрыгнул с коня, вскарабкался на дерево и снял ее, а Розалинда усадила ее к себе и попыталась утешить. Но Петра поглядела на своего милого пони, и ее «вой» лишь усилился.

— Нужно прекратить это, — сказал я, — она же всех сюда созовет.

Майкл, убедившись в том, что зверь мертв, присоединился к нам и с беспокойством смотрел на Петру.

— Она и понятия не имеет, что творит. Просто вопит от ужаса — внутри, в душе. Уж лучше бы орала вслух! Давайте-ка отведем ее в сторону, так, чтобы она перестала смотреть на пони.

Мы отошли за кусты. Майкл попытался спокойно поговорить с Петрой, но девочка, казалось, не слышала его, и горе ее ничуть не утихло.

— А не попробовать ли нам всем вместе передать ей какой-нибудь образ? — предложил я. — Утешение-сочувствие-облегчение. Готовы?

Мы пытались — секунд пятнадцать. Никакого успеха. Мы беспомощно смотрели на нее. Правда, небольшое изменение наступило: ужас исчез, хотя горе и непонимание все еще заглушали наши мысли. Петра заплакала. Розалинда обняла ее, прижала к себе.

— Что ж, пусть ее, авось полегчает, — сказал Майкл.

Пока мы ждали, чтобы она успокоилась, случилось то, чего я и опасался. Из-за деревьев верхом на лошади показалась Рейчел, а с другой стороны появился юноша, которого я раньше не видел. Конечно, Марк.

До сих пор мы никогда не собирались вместе — слишком опасно. А теперь мы были почти уверены, что откуда-нибудь сюда спешат еще две девушки, а мы ведь всегда считали, что нам нельзя показываться группой.

Так что мы торопливо объяснили новичкам, что случилось, и попросили их побыстрее убраться отсюда — да и Майкла тоже. А мы с Розалиндой попытаемся успокоить Петру. Они сразу согласились и исчезли за деревьями, мы же все пытались утешить Петру — безрезультатно.

Минут через десять из-за кустов показались Салли и Кэтрин. Верхом, и луки наготове. А мы-то надеялись, что наши встретятся им по пути и сумеют предупредить! Но они явно домчались сюда другим путем.

Девушки подъехали ближе, недоверчиво глядя на Петру. Мы снова все объяснили, и снова вслух, а потом попросили их уехать. Они уже развернули лошадей, и тут показался незнакомец — крупный мужчина верхом на гнедой кобыле.

— Что здесь происходит? — резко спросил он, глядя на нас с подозрением.

Я не знал, кто он, но вид его мне не понравился. Задав ему обычные вопросы, я подождал, пока он выдернет из кармана карточку с отметкой о проверке личности в нынешнем году. Мы установили, что ни он, ни я не являемся преступниками.

— Так в чем дело? — спросил незнакомец. Мне сильно хотелось посоветовать ему не лезть не в свое дело, но потом я решил, что лучше уж

быть повежливее, и объяснил, что на пони моей сестренки напал неизвестный зверь, а мы прибежали на помощь. Пристально поглядев на меня, он повернулся к Салли и Кэтрин.

— А вы как тут оказались?

— Услышали крик ребенка и, конечно, поспешили сюда.

— Но я ехал за вами и ничего не слышал! Салли и Кэтрин переглянулись, потом повернулись к нему:

— Мы-то слышали! Настало время и мне вступить в разговор.

— По-моему, слышно было далеко, бедняга пони ведь тоже визжал.

Я отвел мужчину за кусты и показал останки бедного пони и жуткого зверя. На лице чужака отразилось изумление, словно он не ожидал такого доказательства. Но он еще не успокоился — потребовал, чтобы я показал ему карточки Розалинды и Петры.

— Чего ради? — спросил я.

— Разве вы не слышали, что жители Окраин рассылают повсюду своих шпионов?

— Нет, — ответил ему я. — А что, мы так похожи на шпионов?

Однако незнакомец не обратил внимания на мой вопрос.

— Да, так вот, и было указание всех проверять. Скоро начнутся крупные неприятности, так что лучше вам не соваться в лее.

Его все еще что-то раздражало. Он поглядел на пони, потом на Салли.

— По-моему, если этот пони и визжал, то уже с полчаса прошло. Как же вы слышали?

— Но шум-то неся отсюда, а подъехав, мы услышали плач маленькой девочки, — ответила она просто.

— И правильно поступили, — вставил я. — Не окажись мы намного ближе, вы спасли бы ей жизнь, К счастью, девочка не пострадала, хотя пережила сильный испуг. Думаю, мне лучше поскорее отвезти ее домой. Спасибо за помощь!

Салли и Кэтрин приняли все как должное. Поздравили нас со спасением Петры, выразили надежду, что она быстро оправится от шока, и уехали. Мужчина не спешил; его все еще что-то не удовлетворяло, но и прицепиться было не к чему. Он испытующе оглядел нас, собираясь что-то сказать, затем передумал. Повторил совет не соваться больше в лес и тоже уехал.

— Кто он? — тревожно спросила Розалинда.

Я мог назвать лишь имя на карточке: Джером Скиннер. Но я не знал его, и похоже было, что он не знал нас. Я спросил бы Салли, не слышала ли она раньше о нем, но Петра все еще мешала нам общаться. Странно было

ощущать себя отрезанным от остальных, и я невольно вспомнив Энн, подумав: как же ей удалось так надолго отрезать себя от нас?

Розалинда двинулась к дому, все еще прижимая к себе Петру. Сняв с мертвого пони седло и уздечку, выдернув из зверя стрелы, я последовал за ними.

Дома Петру сразу уложили в постель. До самого вечера она продолжала волноваться, но к девяти часам наконец уснула.

— Слава Богу! — немедленно воскликнул кто-то.

— Кто этот Скиннер? — хором спросили мы с Розалиндой.

Салли ответила:

— Он тут недавно, отец знает его. У него там, не далеко от леса, ферма. Нам здорово не повезло, он заметил нас и, конечно, понять не мог, зачем мы галопом несемся в лес.

— Похоже, он нас заподозрил, но почему? В чем? — спросила Розалинда. Неужели он знает о мысленном общении? Мне казалось, никто и не догадывается...

— Ну, сам-то он не умеет мыслить образами — не посылает и не принимает сказала Салли.

Тут вмешался Майкл — его даже мысленно ни с кем не спутаешь:

— О чем вы тут?

Мы объяснили, он выразил свое мнение:

— Некоторые, кроме нас, начали задумываться о возможности появления чего-то такого, но они пока не знают, чего именно. Они называют это свойство «телепатией», вернее, называют так те, кто в нее верит. А многие вовсе не верят в ее существование.

— А те, кто верит, считают телепатию Отклонением? — спросил я.

— Трудно сказать, видимо, пока вопрос так не стоит. Но ведь если Господь может читать наши мысли, то и люди, сотворенные по образу и подобию Его, тоже должны бы это уметь. Можно попытаться доказать, что человек потерял эту способность после Кары... но не хотел бы я доказывать это трибуналу.

— Тот мужчина что-то учуял, — сказала Розалинда.

Кто-нибудь еще интересовался вами? Все дружно ответили «нет».

— Хорошо. Но нужно сделать все, чтобы такого больше не случилось. Дэвид объяснит Петре ситуацию и будет учить ее контролю. Если снова произойдет нечто подобное, постарайтесь не обращать внимания. Оставьте это на нас с Дэвидом. Но если зов будет таким же мощным, как в первый раз, пусть тот, кто добежит до девчонки раньше всех, стукнет ее, что ли, чтобы она ненадолго потеряла сознание... Нам нельзя собираться группой!

В следующий раз удача отвернется! Вы согласны?

Все согласились, а потом мы с Розалиндой остались вдвоем и долго обсуждали, как мне заговорить с Петрой.

На следующее утро я проснулся рано и сразу почувствовал горе Петры. Она, уже ничего не боялась, лишь оплакивала своего бедного пони.

Я попытался передать ей мысленно хоть что-нибудь — она не отозвалась. И все же в переживаниях ее наступила пауза, девчушка с недоумением прислушалась. Я встал, оделся, вышел в коридор и прошел к ней. Она мне очень обрадовалась, и ощущение печали сильно поубавилось. Уходя, я пообещал взять ее с собой на рыбалку.

Нелегко объяснить кому-то словами, как передавать мыслеобразы. Все мы начинали с нуля, но нам было легче, так как мы быстро нашли друг друга. С Петрой же дело обстояло иначе. Еще когда ей было всего шесть с половиной лет, она передавала мысли, вернее, чувства, с такой силой, что заглушала нас всех. Сама она этого не осознавала, потому и не могла контролировать себя. Как умел, я старался объяснить ей, — в чем дело. С первого случая прошло полтора года, ей исполнилось уже восемь лет, но все же трудно было найти для нее простые слова. Мы сидели на берегу реки, и я целый час пытался втолковать сестре, в чем дело. Пустой номер! Ей стало скучно, и она меня уже не слушала. Нужно было придумать что-то новое.

— Давай поиграем, — предложил я. — Закрой глаза, зажмурься и представь себе, что смотришь в темный колодец. Ничего не видно, верно?

— Да, — она изо всех сил зажмурила глаза.

— Хорошо. Постарайся думать только о том, что колодец глубокий и темный. Поняла?

— Да.

— Ну а теперь смотри, — сказал я.

Я представил себе кролика — и как он морщит нос. Петра засмеялась. Слава Богу. Значит, она и принимать может. Я придумал ей щенка, цыплят, лошадку и повозку. Минуты через две она открыла глаза и с недоумением осмотрелась.

— А где же они?

— Нигде. Они в уме, это я думал о них — придумывал для тебя. Такая игра. Теперь я закрою глаза, и мы вместе будем смотреть в колодец. А ты придумай для меня какую-нибудь картинку.

Я добросовестно играл свою роль и потому полностью открылся ей, в чем и состояла моя ошибка. В меня будто молния ударила, я чуть сознание не потерял. Остальные тотчас начали жаловаться. Я объяснил им, что

происходит.

— Поосторожнее, вы! — попросили все.

— Я чуть себе ногу не отрубил! — это Майкл.

— А я руку обварила! — это Кэтрин.

— Успокой ее, — посоветовала Розалинда.

— Она и не беспокоится. Она совершенно спокойна; просто она так устроена.

— Согласен, но надо же учить ее контролю! — выступил Майкл.

— Знаю — и стараюсь. Может, у кого есть совет?

— В следующий раз предупреди нас! — попросила Розалинда.

Взяв себя в руки я обратился к Петре:

— Ты подумала слишком сильно, — сказал я ей. — Попробуй сделать для меня маленькую картинку, ладно? Петра кивнула и закрыла глаза.

— Готовьтесь! — мысленно крикнул я. Сам же пожалел в душе, что от мысленного обстрела не спрячешься.

На сей раз последовал лишь маленький взрыв. Я чуть не ослеп, но все же сумел уловить образ.

— Рыбка! Рыбка с повисшим хвостиком! Петра была в восторге.

— И верно, рыба, — подтвердил Майкл. — Успех налицо, нужно лишь научить девочку использовать не более одного процента ее теперешней мощи, пока мы не научимся защищаться, или она сожжет нам все мозги!

— А что ты мне еще покажешь? — спросила Петра, и мы продолжили урок.

На следующее утро мы снова занимались. Дело оказалось тяжким и изматывающим, но и прогресс был налицо. Петра начала понимать, что такое связная мысль и как передать другому ее образ. Конечно, делала она все по-детски, но все же мы могли понимать ее, несмотря на искажения. Труднее всего было удержать ее в рамках: едва она начинала возбуждаться, мы глохли и слепли.

Все жаловались, что ничем не могут заниматься, пока мы с Петрой учимся. К концу очередного урока я сказал Петре:

— Ну а теперь я попрошу Розалинду, чтобы она придумала для тебя картинку. Закрой глаза.

— А где же Розалинда? — спросила Петра, озираясь.

— Ее здесь нет, но это неважно. Закрой глаза и ни о чем не думай. «И остальные тоже», — добавил я мысленно.

Розалинда придумала пруд с утятами, которые плавали в нем, словно танцуя, — все, кроме одного, тот старался изо всех сил, но у него ничего не получалось. Петре очень понравилось, и она даже смеялась от восторга,

однако внезапно она передала свой восторг мысленно. Картинка исчезла, мы все едва чувств не лишились.

Да, нам приходилось тяжело, но мы так радовались ее успехам!

Уже на четвертом занятии она научилась освобождать мозг от всего лишнего, не закрывая глаз, что существенно облегчило дело. К концу недели мы здорово продвинулись. Мысли Петры все еще были неясными и нестабильными, но они становились четче с каждым днем. Простые мыслеобразы она принимала прекрасно, только не умела еще включаться в наш общий разговор.

— Слишком трудно и слишком быстро, — сказала она мне. — Но я всегда слышу, кто это: ты, Розалинда, Майкл или Салли. Вы просто очень быстро разговариваете. А другие говорят еще быстрее.

— Кто — Кэтрин и Марк? — спросил я.

— Да нет, их я отличаю, — нетерпеливо ответила Петра. — Я о тех, других, они очень далеко.

Я решил воспринять новость спокойно:

— Похоже, я их не знаю. Кто они?

— И я не знаю. Разве ты их не слышишь? Они вон там, только далеко-далеко, — она махнула рукой на юго-запад. Я поразмышлял.

— Они и сейчас там?

— Да.

Я изо всех сил попытался что-нибудь уловить, но у меня ничего не получилось.

— Может, ты попробуешь передать мне, что слышишь? Она попыталась. Что-то там было, только слишком смутно и непонятно. Возможно, Петра пыталась передать то, чего сама не понимала? Я позвал на помощь Розалинду, но и она мало что поняла. Петре явно было трудно, так что мы пока все прекратили.

Несмотря на то что у Петры по-прежнему сохранялась склонность то и дело испускать оглушающий мысленный вой, мы очень гордились ее успехами, — как родители своим ребенком. Словно мы открыли в неизвестном человеке способность стать великим певцом, но еще лучше.

— Да, все интереснее, — сказал как-то Майкл. — И будет еще интереснее, если, конечно, она нас всех не убьет сначала...

Как-то после ужина, дней через десять после эпизода с пони, дядя Аксель попросил помочь ему подогнать колесо, пока еще не стемнело. Внешне-то он был невозмутим, но так глянул на меня, что я тут же согласился. Выйдя из дома, мы ушли за стог сена, где нас не могли увидеть и услышать. Он сунул в рот соломинку и пристально посмотрел на меня.

— Дэви, мой мальчик, ты был неосторожен? Есть сотня способов быть неосторожным, но он имел в виду всего один.

— Нет, по-моему.

— Кто-то из вас? — предположил он.

— Вроде нет.

— Гм-м, почему же тогда о тебе спрашивает Джо Дарли?

— Понятия не имею.

— Не нравится мне это, Дэви.

— Только обо мне?

— О тебе и Розалинде Мортон.

— Ах вот как... Все же это только Джо Дарли... Может он что-то слышал о нас и хочет поднять скандал?

— Не исключено, — сдержанно согласился дядя Аксель. — Но с другой стороны, инспектор уже не раз использовал Джо Дарли в своих негласных расследованиях. Мне это не нравится.

Мне и самому это не понравилось. Но Джо не говорил ни с одним из нас, и вряд ли ему удалось собрать уличающий материал. Он ведь не мог подогнать нас под какое-то из известных Отклонений.

Дядя покачал головой:

— Их списки неограниченны, в них можно включать новое — нельзя сразу обозначить миллион Отклонений, которые могут случиться. Часть работы инспектора в том и заключается, чтобы выискивать новые нарушения и заводить расследование, если ему покажется, что он что-то обнаружил.

— Мы уже думали об этом, — сказал я. — Если начнутся расспросы, то все равно они не знают, чего ищут. Нам надо будет лишь изобразить полное недоумение, как всем нормальным людям. Если даже у Джо или кого-то другого есть какие-то сведения, то ведь это только подозрения, прямых улик-то нет.

Но дядя Аксель не успокоился:

— А Рейчел? Ее здорово потрясло самоубийство сестры...

— Нет, — уверенно ответил я. — Во-первых, ей пришлось бы донести и на себя, да и мы сразу поняли бы, что она что-то скрывает.

— А юная Петра? — спросил он тихо. Я так и вытаращил глаза:

— Откуда вы знаете? Я же вам не говорил! Он удовлетворенно кивнул:

— Стало быть, я верно вычислил.

— Но откуда же вы узнали? — спросил я, волнуясь. Интересно, кому еще пришла в голову та же мысль? — Она сама вам сказала?

— Нет, просто я наткнулся, на... — Дядя Аксель замолк, потом

продолжал: Все дело в Энн. Я же предупреждал тебя, что из ее замужества ничего хорошего не выйдет. Есть такой тип женщины — не успокоится, пока не станет настоящей рабыней мужа, тряпкой для вытирания ног. Вот такой она и была.

— Вы не... вы же не думаете, что она рассказала Алан о себе?

— Рассказала, — подтвердил он. — Более того, и о вас тоже.

Я с недоверием уставился на него:

— Ну уж, дядя Аксель!

— Точно, Дэви. Может, поначалу она и не собиралась. Может, сказала о себе; бывают женщины, которые не умеют молчать в постели. Может, ему пришлось выколачивать из нее остальные имена. Но он знал, — знал все.

— А вы-то откуда?..

Тут он вдруг ударился в воспоминания:

— Помнится, когда-то на берегу моря в Риго был крохотный притон, он принадлежал одному типу по имени Грут, и тот извлекал из своего заведения немалую выгоду. У него и прислуга была, три женщины и двое мужчин, они делали все, что он велел. Все. Если бы он их выдал, то двух девушек повесили бы за убийство, а одного из мужчин посадили бы на всю жизнь — за тяжкое преступление, мятеж. Не знаю уж, что натворили остальные, но только все они были у него в руках. Отличная ситуация для шантажа. Если слугам давали чаевые, он забирал деньги себе. Он следил за тем, чтобы девушки не отказывали морякам, — а потом отбирал деньги и подарки. Я частенько наблюдал за ним и ясно помню выражение его лица, когда он смотрел на них. Злорадное вожделение — он знал, что они в его власти, да и они это знали. Стоило ему нахмуриться, и они уже плясали под его дудку. — Дядя Аксель на мгновение задумался. — Знаешь, никак не ожидал увидеть то же выражение лица в нашей церкви. Когда это случилось, мне стало сильно не по себе. Я вспомнил того типа из Риго, находясь здесь, в Вакнуке, — этот так же смотрел на тебя, Розалинду, Рейчел и Петру. По очереди. Больше его никто не заинтересовал.

— А вы не ошиблись — всего лишь выражение лица...

— Нет, Дэви, только не это выражение. Да, я его отлично помнил — будто вновь оказался там, в Риго. Кроме того, если бы я ошибался, откуда бы мне знать про Петру?

— И что же потом?

— Ну, вернулся я домой, сел и маленько повспоминал Грута, поразмышлял о нем и о его приятной жизни. И еще кое о чем. А потом натянул на свой лук новую тетиву.

— Так это сделали вы! — воскликнул я.

— Ничего другого не оставалось, Дэви. Я, конечно, знал, что Энн обвинит кого-то из вас, но не могла же она донести на вас, не выдав себя. И свою сестру к тому же. Рискованно, но я пошел на риск.

— Да уж, риск был велик, мы все чуть не попались. И я рассказал ему о письме Энн к инспектору, найденном Рейчел.

Дядя Аксель покачал головой:

— Не думал я, что она так далеко зашла, бедняжка. Уверен, что мой поступок вас спас. Алан ведь не был дураком. Прежде чем начать шантаж, он сделал бы полную запись и припрятал ее в укромном месте, на случай внезапной смерти. Плохо бы вам всем пришлось.

Чем больше я думал, тем яснее понимал, что нам всем действительно пришлось бы крайне плохо.

— Вы рисковали жизнью, дядя Аксель. Он пожал плечами:

— Я-то не сильно рисковал, а вот вы...

Вскоре мы вернулись к тому, с чего начался разговор.

— Значит, нынешние расследования ничего общего со смертью Алана не имеют, уж столько времени прошло.

— Кроме того, Алан наверняка ни с кем не стал делиться тайной — он ведь рассчитывал получать за нее деньги, — согласился дядя. — Понятно, что они мало знают, иначе не затевали бы секретное расследование. Инспектор не захочет ссориться с твоим отцом или с Энгусом Муртоном. Но мы до сих пор не выяснили, откуда идет беда.

Я невольно подумал, что все началось после того случая с пони. Дядя Аксель, конечно, знал о смерти пони, хотя остального я ему не рассказывал, оберегая Петру. Мы молчаливо решили, что для его же собственной безопасности ему лучше знать поменьше. Однако он все равно узнал про Петру, так что теперь я детально описал ему все, что тогда произошло. Может, дело было в чем другом, однако ничего такого мы больше не знали. Он записал имя того чужака.

— Джером Скиннер... Попытаюсь разведать.

Вечером мы посоветовались, но без большого успеха. Майкл сказал:

— Если вы с Розалиндой уверены, что вас подозревать не в чем, то и я не вижу, к чему еще можно прицепиться. Только к тому случаю. К тому мужчине, — он послал мысленный образ, даже и не пытаюсь произнести имя «Джером Скиннер» по буквам. — Если у него возникли подозрения то он должен был послать донос своему окружному инспектору, а тот — вашему. Значит, о вас задумались уже несколько человек, да еще возникнут вопросы о Салли и Кэтрин. К сожалению, сейчас подозрения так и витают в воздухе, потому что известно о шпионах из Окраин. Завтра и я попробую

что-нибудь разузнать.

— А нам что делать? — спросила Розалинда.

— Пока ничего, — ответил Майкл. — Если мы правы то вас две группы, одна Салли с Кэтрин, и вторая ты, Дэвид и Петра. А мы трое ни при чем. Следите за собой, чтобы они не воспользовались вашей же оплошностью для налета. Если начнется расследование, мы прикинемся простачками, как и договорились. Петра, конечно, уязвимое звено, она еще слишком мала и не все понимает. Если начнут с нее, дело может кончиться одинаково для нас всех — стерилизацией и изгнанием в Окраины... Значит, на ней и надо сосредоточиться. Они не должны, ее поймать. Может, пока на ней и нет подозрения, но ведь она была там, и потому все равно ее в покое не оставят. Если вы заметите, любой из вас, чрезмерный интерес к ней, то лучше сразу сбежать. Стоит им начать — и они все из нее вытряхнут.

Может, это ложная тревога, но если беда нагрянет, ты Дэвид, за них отвечаешь. Ты отвечаешь за то, чтобы Петру не допрашивали — любой ценой. Если тебе придется кого-то убить, чтобы, спасти ее, — убей! Дашь им повод так они, не задумываясь, убьют нас. Не забывай: если нас раскроют, то постараются уничтожить — немедленно.

Если же произойдет худшее и ты не сможешь увезти Петру, лучше убить ее, чем отдать им в руки, чтобы ее искалечили и выкинули в Окраины. Смерть будет куда милосерднее. Ты понял? Все согласны?

Все согласились. Я представил себе маленькую девочку, искалеченную, израненную, брошенную нагишом в Окраины, — и тоже согласился.

— Что ж, прекрасно, а пока было бы неплохо, если бы вы подготовились к побегу.

Сейчас трудно сказать, могли ли мы тогда поступить иначе. Стоило любому из нас сделать один ложный шаг — и плохо пришлось бы всем. К несчастью, мы получили сведения о расследовании лишь теперь, а не двумя днями раньше...

ГЛАВА 12

После общего совещания и разъяснений Майкла угроза разоблачения стала казаться мне куда более реальной и близкой, чем после разговора с дядей Акселем. Я наконец осознал, что в какой-то день мы все окажемся перед необходимостью спасаться бегством.

Я знал, что в последний год беспокойство Майкла неустанно росло. Словно он чувствовал, что у нас остается все меньше времени. Теперь и мне передалось его ощущение. Прежде чем лечь спать, я даже сделал кое-какие приготовления. То есть приготовил лук со стрелами, нашел мешок и положил в него хлеба и сыра. Еще я решил назавтра упаковать запасную одежду и обувь, да мало ли что может понадобится. Нужно собрать одежду для Петры, одеяла, сосуд с пресной водой, огниво...

Я заснул, продолжая составлять список нужных вещей...

Прошло не больше трех часов, и я проснулся оттого, что открылась моя дверь. Луны не было, но ночь стояла звездная, и я рассмотрел маленькую фигурку в белой ночной рубашке.

— Дэвид, тебя Розалинда зовет... Но Розалинда уже ворвалась сама:

— Дэвид, нужно бежать! Сейчас же — арестовали Салли и Кэтрин!..

Ее вытеснил Марк:

— Поторопитесь, пока есть время! Они все подготовили заранее. Наверняка уже отправлен отряд и за вами, бегите!

— Жду тебя у холма, скорее! — добавила Розалинда. Я тихо шепнул Петре:

— Надевай комбинезон, и тихо!

Она, очевидно, не поняла наших быстрых мыслей, но уловила ощущение опасности и исчезла, выскользнув в коридор.

Я быстро натянул одежду, скатал в рулон одеяло, нашарил в темноте лук со стрелами, мешок и пошел к двери.

Петра уже почти оделась. Я выхватил из ящика комода кое-какую одежду, завернул все в одеяло.

— Не обувайся, — шепнул я, — иди на цыпочках, как кошка!

Выбравшись во двор, мы обулись. Петра собралась что-то спросить, но я приложил палец к губам и послал ей мыслеобраз Шебы, нашей черной кобылы. Сестра кивнула, и мы осторожно прокрались по двору. Я открыл дверь конюшни и тут раздался какой-то звук.

— Кони, — шепнула Петра.

Топот коней — но пока на расстоянии.

У меня уже не было времени искать седло и упряжь. Шебы, мы вывели кобылу на поводу, я влез с поклажей, а Петра устроилась сзади, обхватив меня руками. Мы бесшумно выскользнули со двора через дальний выход и помчались к реке, а топот копыт все приближался.

— Ты уже тут? — спросил я Розалинду.

— Десять минут как! — ответила она. — У меня-то все было готово, а вот тебя мы никак не могли добудиться Хорошо хоть Петра проснулась.

Петра уловила упоминание о себе и возбужденно вмешалась — у нас будто искры из глаз посыпались.

— Потихе, милая, потихе! — попросила Розалинда. Мы тебе потом все расскажем. — Она помолчала, приходя в себя, потом позвала: — Салли? Кэтрин?

Они хором отозвались:

— Нас везут к инспектору. Мы ничего не понимаем правильно?

Майкл и Розалинда согласились.

— Нам лучше отключиться от вас, — продолжала Салли. Легче будет изображать нормальных, так что не старайтесь нас услышать.

— Хорошо, но мы постоянно готовы принять вас, — сказала мысленно Розалинда. — Передавайте, если нужно. Она переключилась на меня: — Скорее, Дэвид, на ферме уже горит свет!

— Мы близко, да и они сразу не поймут, куда мы уехали в темноте.

— Но конюшня-то теплая, сразу догадаются, что вы сбежали.

Я оглянулся. Видно было освещенное окно и фонарь раскачивавшийся в чьей-то руке. До нас даже донесся мужской голос, звавший кого-то. Я понукал Шебу, пока мы не добрались до брода, затем до мельницы. Мимо нее мы проехали шагом чтобы никого не разбудить. Вдоль стены бегала на цепи собака, но она не залаяла на нас. Вскоре я уловил облегчение, испытанное Розалиндой. Она была уже совсем близко.

А вот и она, там, под деревьями у Дороги. Ее уже видно — а рядом кони-гиганты! На них были навьючены большие плетеные корзины, в одной из которых стояла Розалинда, держа наготове свой лук.

Я подъехал поближе, и она склонилась, чтобы рассмотреть, с чем я явился.

— Давай сюда одеяла. А в мешке что? Я ответил, и она с упреком спросила:

— Это все?!

— Я же спешил, — оправдывался я. Она уложила одеяла на планку, соединявшую корзины, я поднял Петру, и Розалинда усадила ее на коня.

— Давайте-ка сядем вместе, — велела Розалинда. — Влезай в другую корзину, при нужде можешь стрелять левой рукой.

Она спустила короткую лесенку, и я вскарабкался на коня. Шеба тут же побрела домой. Розалинда свернула плетеную лесенку, тряхнула вожжами, и не успел я усесться, как мы уже двинулись в путь. Второй конь шел рядом.

Мы двигались, то и дело пересекая ручьи, петляли по дороге, и я сообразил, что Розалинда продумала дорогу, стараясь запутать наши следы. Я, видимо, механически передал ей эту мысль, потому что она холодно ответила:

— Жаль, что ты не догадался немного подумать, прежде чем уснуть.

— Хотел все сделать завтра, — запротестовал я. — Не похоже было, что нам придется бежать так сразу...

— Ну конечно, а когда я попыталась посоветоваться с тобой, оказалось, что ты спишь как свинья! Мы с мамой целых два часа упаковывались да еще втаскивали корзины на коней, а ты спал!

— С мамой?! — потрясенно переспросил я. — Она знала?

— По-моему, догадывалась... но никогда ничего не говорила. Вечером я сказала ей, что, возможно, уеду. Она заплакала, но не удивилась, не спорила и не пыталась меня разубедить. Похоже, она давно решила помочь мне в случае чего — вот и помогла.

Я не мог и представить себе, чтобы моя мать сделала то же самое для нас с, Петрой. Но все же она плакала, когда отец выгнал тетю Гарриет. А тетя Гарриет ради ребенка готова была нарушить закон. И мать Софи... Интересно, сколько же у нас матерей, закрывающих глаза на Нарушения закона о Чистоте? И будет ли моя мать радоваться или печалиться, если мы с Петрой спасемся?..

Мы продолжали петлять: по каменистой тропе, через ручей, вновь — по камням. Наконец очутились в лесу и ехал вдоль дороги, пока небо не стало сереть. Тогда мы забрались поглубже в лес, нашли для коней подходящее место, стреножили их и пустили пастись.

После того как мы закусили хлебом с сыром, Розалинда сказала:

— Раз уж ты так хорошо поспал, тебе первому и караулить.

Они с Петрой завернулись в одеяла и уснули. Я уселся, положив на колени лук, а рядом воткнул несколько стрел. Ничего не было слышно, только птицы да жевавшие кони. Солнце начало пригревать. Время от времени я вставал и бесшумно обходил нашу поляну, держа стрелу на натянутой тетиве. Ничего. Через пару часов меня позвал Майкл:

— Где вы? Я ответил.

— Куда едете?

— На юго-запад. Ночь будем ехать, а днем скрываться. Он одобрил, однако высказал опасение:

— Плохо, что из-за шпионов везде полно патрулей. Не знаю, умно ли поступила Розалинда, взяв таких коней, ведь если их заметят, все сразу поймут, где вы, и отпечатка такого копыта достаточно.

— Однако обычные кони не смогут их перегнать, да и сил у них куда больше.

— Да, их выносливость вам пригодится. Дэвид, тебе надо крепко обо всем подумать. Дела плохи, о вас знают куда больше, чем мы думали, хотя пока еще не пронюхали про меня, Рейчел и Марка. Но они здорово перепугались и посылают за вами погоню. Я запишусь в один из отрядов, потом постараюсь намекнуть, что вас видели на юго-восточной дороге. А потом Марк поведет их на северо-запад.

Если рас кто-то заметит, не дайте тому уйти. Любой ценой. Но не стреляй из ружья. Был приказ не стрелять в вас, только давать сигнал. Любой выстрел будут проверять.

— Да у нас и ружья-то нет, — ответил я.

— Тем лучше, они-то считают, что есть.

Я намеренно, не взял с собой ружье, отчасти из-за шума, но больше потому, что они тяжелые, медленно заряжаются и становятся бесполезными, едва кончится порох. Конечно, стрела не так далеко летит, но пока враг перезаряжает ружье, успеешь выпустить в него дюжину стрел.

Вмешался Марк:

— Я вас слышал, постараюсь распустить слухи о северо-западном направлении.

— Хорошо. Но не раньше, чем я тебе скажу. Розалинда, видимо, спит? Попроси ее позвать меня, как проснется, ладно?

И все смолкли. Часа два я еще нес караул, затем разбудил Розалинду. Петра не шелохнулась. Я лег рядом и вскоре тоже заснул.

Или на сей раз я чутко спал, или это было простым совпадением, но разбудила меня горестная мысль Розалинды:

— Майкл, я его убила, он мертв!.. — и дальше сплошной хаос.

Майкл, как всегда, излучал спокойствие и уверенность:

— Не плачь, Розалинда. Ты должна была так поступить. Ведь это они начали войну. А разве у нас нет права на жизнь?

— Что случилось? — спросил я.

Они не отвечали.

Я осмотрелся. Петра все еще спала, кони паслись рядом.

Майкл снова заговорил:

— Спрячь его, Розалинда, найди ямку и засыпь ее листьями.

Розалинда уже взяла себя в руки. Я встал, подхватил лук и пошел к ней. Но тут мне пришло в голову, что Петра остается без защиты, и в кусты я не полез. Да вот и Розалинда, медленно выходит из-за кустов, очищая стрелу пучком листьев.

— Что случилось?

Она, похоже, снова потеряла контроль над мыслями, я слышал лишь ее эмоции. Подойдя ближе, она заговорила вслух:

— Мужчина. Шел по следу. Майкл сказал... О Дэвид, я не хотела, но ведь иначе нельзя?

Глаза ее наполнились слезами. Я обнял ее, и она поплакала у меня на груди. Что я мог сказать? Только уверит ее, что она все Сделала правильно.

Мы медленно вернулись к корзинам, и Розалинда присела возле Петры. Я спросил:

— А конь?

— Не знаю... он шел пешком.

Я прошел назад по нашим следам, ища стреноженную лошадь, но ничего не обнаружил. Вернувшись, я застал Петру проснувшейся, она болтала с Розалиндой.

День все тянулся. Ни Майкл, ни остальные не возникали. Несмотря на случившееся, мы решили переждать на месте до вечера.

Уже на закате мы что-то уловили — внезапно. Неясный мыслеобраз, как обычно. Нет, крик боли. Петра всхлипнула и кинулась к Розалинде. Удар был столь силен, что стало больно. Мы с Розалиндой, широко раскрыв глаза, смотрели друг на друга. У меня затряслись руки. Но все же шок был столь неясным, что трудно было сказать, от кого он исходит.

Потом — смесь боли и стыда, безграничное горе и... Это конечно, Кэтрин! Розалинда стиснула мою руку, и мы молча терпели, пока боль не утихла.

Вот Салли, волны любви и нежности к Кэтрин, потом боль. И горестно — всем нам:

— Они добились от нее, добились... О Кэтрин, бедная... Не вините ее, пожалуйста, не вините! Ее пытаются. На ее месте мог быть любой из нас... Она почти без сознания, она нас не слышит. О Кэтрин, Кэтрин!.. — дальше одно горе.

Снова Майкл, сначала нетвердо, затем — жестко, как никогда:

— Это война! Я еще посчитаюсь с ними за Кэтрин! На час наступило затишье, мы тем временем безуспешно пытались утешить Петру. Она мало

что поняла, но чувства то до нее дошли, и малышка испугалась. И вот снова Салли — устало, печально:

— Кэтрин все признала, я тоже. Меня бы все равно заставили, а я... — Она вроде заколебалась, но мысль все же дошла до нас: — Я не могла... простите нас, простите!..

Майкл — с беспокойством:

— Салли, мы тебя не обвиняем — вас не обвиняем. Все понятно. Но ты должна сказать, что вы им открыли.

— Они знают, что мы умеем общаться мысленно, на расстоянии. Еще о Дэвиде и Розалинде. Они уже догадывались, но требовали от нас подтверждения.

— А Петра?

— О ней тоже... Бедная малышка! Но мы не могли... они и так знали. Ведь Дэвид и Розалинда увезли ее с собой.

— А о других?

— Нет, мы сказали, что других нет, и нам как будто поверили. Они стараются понять, как мы посылаем мысленные образы и на какое расстояние. Я пытаюсь лгать. Говорю, что миль на пять, не больше, и делаю вид, что на таком расстоянии уже невозможно ясно различать мысли... Кэтрин в беспомощности, она уже ничего не передаст вам... Они все еще допрашивают меня... Если бы вы видели, что с ней сделали... Майкл, ее ступни...

И Салли исчезла.

Мы замолкли. Нам всем передалась ее боль, ее горе. Слова ведь нужно расслышать и воспринять, а мыслеобразы всегда в тебе.

Солнце уже садилось, и мы собирались в путь, когда нас вызвал Майкл.

— Послушайте, они впали в панику. Обычно за Отклонениями не гонятся, если человеку удалось сбежать из округа. Ясно ведь, что без удостоверения нормальности жить можно лишь в Окраинах. Но сейчас они вне себя. Мы чуть не двадцать лет жили среди них, а они и — не подозревали ничего, мы же внешне ничем не отличаемся от «нормальных». Выпустили указ, объявляющий вас вне закона как Отклонения. В нем содержится описание вашей внешности. Теперь вы официально объявлены нелюдьми и потому лишены права на жизнь. Всякий, кто решится вам помочь, совершает преступление. Всякий, кто поможет вам скрыться, также подлежит наказанию. В общем, вы вне закона. Любой может пристрелить вас на месте. Если кто-то сообщит о вашей смерти и представит доказательства, обещана награда. Но если вас доставят

живыми, награда будет куда больше. Мы помолчали, потом Розалинда спросила:

— Не пойму, почему они не дадут нам спокойно уйти?

— Боятся. Они хотят поймать вас, чтобы как можно больше узнать. Потому и награда назначена. Дело не только в соответствии облику и подобию, хотя теперь они кричат об этом. Они поняли, что мы, представляем для них опасность. Представьте себе, что нас много и мы все делаем сообща, не путаясь в неуклюжих словах, как они. Мы ведь обгоним их во всем. Им это не нравится. Вот нас и хотят стереть с лица земли, прежде чем наше число увеличится. Они считают, что иначе не выживут, — может, они и правы.

— Салли и Кэтрин убьют?

Вопрос нечаянно выскользнул у Розалинды, и мы с беспокойством прислушались. Девушки не откликнулись. Конечно, они обе могли быть без сознания, или просто отключились, или мертвы...

— Вряд ли, — решил Майкл. — Они не станут так рисковать общественным мнением. Одно дело — заявить о физических недостатках новорожденного, тут же случай деликатный. Ведь те, кто знал Салли и Кэтрин с детства, согласятся с решением объявить их нелюдьми. Если убьют, многие начнут сомневаться в правоте властей.

— Но нас они ведь хотят убить? — с горечью спросила Розалинда.

— Вас пока не схватили, вы далеко ушли. Для чужих вы попросту Отклонения, бежавшие от закона. Отвечать было нечего. Майкл спросил:

— Куда вы сейчас?

— На юго-запад, — ответил я. — Хотели бы укрыться лесу. Но раз любой охотник готов пристрелить нас, придется уходить в Окраины.

— Пожалуй, так лучше. Попробуйте на время спрятаться там, а я попробую добыть фальшивые свидетельства о вашей смерти. Завтра я выезжаю с поисковым отрядом на юго-восток. Буду сообщать вам все новости. Не забудь Дэвид: наткнетесь на кого-то — стреляй первым!

И мы отключились. Розалинда оседлала коней, мы навьючили на них поклажу и вскарабкались сами. Я снова сидел слева, а Розалинда с Петрой — справа. Розалинда перегнулась, шлепнула по гигантскому боку, и кони тяжело двинулись вперед.

До сих пор Петра молчала, но тут она разрыдалась, так и излучая огорчение. Шмыгая носом, она объяснила нам, что не хочет ехать в Окраины, ведь там живут и старая Мэгги и волосатый Джек, и прочие чудища, о которых ей рассказывала мать.

Нам легче было бы успокоить ее, если бы мы сами не страдали от

подобных страхов, или если бы мы точнее представляли себе, куда направляемся. Но мы мало что могли сказать об Окраинах и потому молча терпели ее переживания. Правда, теперь Петра уже научилась немного сдерживаться, да и мы постепенно привыкли воздвигать нечто вроде мысленного барьера. Но все же было очень тяжело. Прошло чуть не полчаса, прежде чем Розалинде удалось уменьшить боль, терзавшую и девочку, и нас. Тотчас возник раздраженный, обеспокоенный Майкл:

— Ну что там у вас опять?

Узнав, в чем дело, он тотчас забыл о собственном раздражении и обратился прямо к Петре. Медленно, терпеливо он начал посылать ей мыслеобразы, объясняя, что Окраины — совсем не такое место, как говорится в сказках. Просто многие из живущих там не особенно счастливы. Их выгнали из дома, когда они были совсем еще маленькими, — а некоторым приходилось убегать, потому что они не во всем походили на обычных людей. Им приходилось жить в Окраинах — в других местах люди постоянно с ними ссорились. Конечно, некоторые из них выглядели довольно странно, но они же не виноваты. Их нужно пожалеть, а бояться тут нечего. Например, если бы у нас случайно обнаружили лишние пальцы или там ухо, нас бы тоже сразу выслали в Окраины, а ведь внутри-то мы такие же, как сейчас. Неважно, как человек выглядит, к этому можно привыкнуть...

Но тут Петра прервала его:

— А другая-то кто?

— О чем ты?

— Ну, там кто-то еще посылает мне картинки-мысли, и я тебя плохо слышу, ответила Петра.

Настала пауза. Я вслушался, но ничего не уловил, никаких «картинок-мыслей». Потом: «Ничего», — от Майкла, Марка и Рейчел. Петра мысленно приказала: «Помолчите!»

Мы замолкли и стали ждать.

Я заглянул в соседнюю корзину. Розалинда сидела, обняв Петру, и с беспокойством смотрела на нее. Петра закрыла глаза, внимательно к чему-то прислушиваясь. Наконец она слегка расслабилась.

— Ну, что там? — спросила Розалинда. Петра открыла глаза и недоуменно ответила:

— Меня кто-то спрашивает. Она далеко-далеко и говорит, что раньше уже улавливала мои мысли-страхи. Она хочет знать, кто я и где. Отвечать?

Мы не знали, что делать. Потом Майкл чуть возбужденно спросил, не

считаем ли мы... Мы согласились, и он четко передал:

— Давай, Петра!

— Мне придется громко, — сказала Петра. Хорошо, что она нас предупредила: мы успели закрыться а то бы она попросту выжгла нам мозги. Я пытался сосредоточиться на дороге, но и это не помогало. Все мысленные образы были очень просты, как и следовало ожидать от ребенка. Но передавала Петра их настолько мощно, что я ослеп и оглох.

Во время паузы Майкл невольно вскрикнул:

— Ох!..

Но Петра снова попросила нас не мешать — и продолжила.

— Где она? — спросил потом Майкл.

— Вон там, — ответила Петра.

— Где?

— Она тычет рукой на юго-запад, — пояснил я.

— Ты не поинтересовалась у нее, как называется место, детка? — спросила Розалинда.

— Да, но я такого слова не знаю. Там две части и много воды. Она тоже не поняла, где я. Розалинда предложила:

— Пусть она передаст тебе по буквам.

— Но я же не умею читать! — со слезами возразила Петра.

— Ох, и в самом деле... Зато ты можешь передавать сама... Давай-ка я покажу тебе мысленно нужные буквы, ты попробуешь передать их для нее. — ну, картинками. Попробуем?

— Давай, — неуверенно согласилась Петра.

— Начинаем. Поберегитесь! — передала нам Розалинда. Она представила в уме «Л», и тут же Петра с оглушающей силой переслала образ неведомо куда. Розалинда Продолжила: «А», «Б» — и так далее, пока не получился слово «Лабрадор». Петра вслушалась и вслух произнесла:

— Она поняла слово, но не знает, где это. Она попробует узнать. Она хочет послать нам свои буквы, но я ответила, что не умею читать.

— Милая, давай попробуем! Ты примешь букву, а потом покажешь нам, только полегче, чтобы мы уловили. Первая буква была «Z». «ZEALAND».

— Что же это такое? — спросили все хором.

— ЗЕЛАНДИЯ. Что это?

— «З» — как пчела, з-зз, — пояснила Петра.

— Ты уверена? Может, ты неверно поняла?

— Нет, я все поняла правильно, — упрямо повторила Петра.

— Дядя Аксель говорил, что воды гораздо больше, чем мы думаем.

Может, это «S», Sealand — морская земля, приморье?..

— Да, она говорит, там много воды, везде, и еще там светит солнце, там светло, она показала мне. Это очень большое место, и там большие дома, в Вакнуке таких нет. И еще там есть повозки, они ездят без лошадей, и еще такие штуки, они летают...

С потрясением я вдруг узнал в ее пересказе город моих давних снов! Я тут же вмешался и приказал остальным помолчать, а потом показал картинку какая-то обтекаемая штука, сверкая, летит по воздуху.

— Похоже, — согласилась Петра, — а называют — Зеландия.

— Странно, ты-то откуда знаешь? — спросил Майкл.

Я не ответил.

— Пусть Петра продолжает, потом разберемся.

Мы медленно передвигались по лесу, стараясь не оставлять следов, так что приходилось частенько останавливаться. Кроме того, луки мы держали наготове, нужно было то и дело наклоняться, чтобы не задевать ими за нависшие ветви. Вряд ли нам тут попадутся люди, а вот зверей было предостаточно. К счастью, они сами убежали прочь, едва заслышав, нас. Возможно, их пугали наши кони.

Пока мы закусывали, я расспрашивал Петру о том, что ей показали. Чем больше она объясняла, тем сильнее я волновался. Почти все совпадало с моим сном, а теперь выяснялось, что такое место и правда существует. Значит, мне не просто снились Прежние Люди, значит, такой город и правда где-то существовал! Но Петра сильно устала, так что я перестал задавать вопросы и уложил их с Розалиндой спать.

На восходе солнца меня позвал Майкл:

— Они обнаружили след, Дэвид! Собака отыскала труп, а потом и следы ваших коней. Мы повернули на юго-запад, чтобы присоединиться к другим охотникам. Торопитесь! Где вы?

Я и сам точно не знал, видно, близко уже Дикие Края. — Поспешите! Чем дальше вы провозитесь, тем скорее они сумеют выслать отряд вам наперерез.

Разбудив Розалинду, я все ей объяснил, и минут через десять мы тронулись в путь. Петра еще спала. Но теперь скорость для нас была важнее, чем укрытие, мы выбрались на первую попавшуюся дорогу и устремились в юго-западном направлении. Проехав миль десять, в очередной раз свернули направо и внезапно оказались лицом к лицу со всадником, ехавшим нам навстречу.

ГЛАВА 13

Он, видимо, сразу сообразил, кто мы, бросил вожжи и сдернул с плеча лук. Но мы выстрелили первыми.

Мы не сделали поправку на движение и потому оба промахнулись. Его стрела пролетела между нами, задев одного из коней-гигантов. Я снова промазал, а Розалинда попала в его коня; тот взвился на дыбы, едва не скинув всадника, потом развернулся и, спотыкаясь, поскакал прочь. Я снова выстрелил, стрела попала коню в зад, он дернулся, скинув человека, но все же побежал дальше. Мы промчались мимо упавшего, — незнакомец шарахнулся в сторону, в кусты. На повороте мы оглянулись, увидели, что он сидит на обочине, ощупывая ушибы. Хуже, однако, было то, что впереди нас неслась обезумевшая раненая лошадь.

Еще пара миль — и лес внезапно кончился. Мы оказались на краю поля. Перед нами простирались засеянные поля и пастбище, где паслись коровы и овцы. На поле росло нечто похожее на овес, но урожай был таким неправильным — у нас бы его сразу сожгли! Мы обрадовались: значит, скоро начнутся дикие земли. Окраины. Вдали виднелась ферма и за ней — лес. Мы даже различали столпившихся во дворе, вокруг раненой лошади, мужчин и женщин. Видимо, она только что вбежала во двор, и люди не могли понять, что случилось. Мы решили ехать напрямик, не дожидаясь, пока нас обнаружат.

Жители фермы были так поглощены лошадью, что мы преодолели половину пути, остававшегося до деревьев, прежде чем нас заметили. Один из них случайно глянул в нашу сторону, после чего они все развернулись — и застыли.

Наверное, они никогда еще не видели таких коней, а потому на время словно окаменели. Зато лошадь, вокруг которой они толпились, при нашем появлении заржала, снова встала на дыбы и умчалась прочь.

Стрелять нам не пришлось. Люди кинулись врассыпную, и мы беспрепятственно проехали через двор.

Дорога поворачивала влево, но Розалинда направила коней к лесу, и они понеслись, сшибая изгороди. У самого леса я обернулся. Кучка людей стояла возле дома, показывая на нас пальцами.

Миля через три мы вновь оказались на открытом месте, только все там поросло травой, какой мы еще не видывали. Мы пробирались через нее, держась на юг, еще пару часов. Потом попали в рощицу неведомых, но хотя

бы нормального размера деревьев и кустов.

Вскоре мы решились остановиться. Я стреножил коней, Розалинда развернула одеяла, мы сели поесть и мирно ели, как вдруг Петра оглушающе подала кому-то свою мысль. Я прикусил язык, Розалинда закатила глаза и приложила руку ко лбу.

— О Господи, Петра!

— Извините, я забыла, — небрежно отозвалась малышка. С минуту она молча прислушивалась, потом сообщила: — Она хочет поговорить с кем-нибудь из вас, попробуйте уловить.

— Ладно, только ты-то сама пока ничего не передавай! Я старался изо всех сил, но ничего не слышал — лишь неясное усилие, как дымка в тумане.

— Придется тебе, Петра, а вы берегитесь! Мы попытались отключиться, а потом Петра начала медленно передавать то, что ей удавалось понять. Даже не могу объяснить, как это у нас получалось, но уверен: главное мы сразу поняли.

Прежде всего — важность. Причем важны не мы, а Петра. Ее нужно спасти во что бы то ни стало. Такие мысленные способности до сих пор были не известны, их открытие имеет огромное значение. Помощь идет, но пока еще они далеко, и мы должны стараться спасти Петру. Ну и так далее, в том же духе.

— Вы все слышали? — спросил я остальных.

— Да, — ответил Майкл, — хотя и не все поняли. Ясно, что Петра умеет передавать свои мысли и чувства с неслыханной силой, то есть в сравнении с нами. Но та женщина упирала на неожиданность подобного открытия среди примитивных народов. Меня это поразило, а вы заметила Неужели она имела в виду нас?

— Конечно, — уверенно отозвалась Розалинда.

— Мы что-нибудь не так поняли, — вставил я. — Может, Петра передала ей наши сведения так, что неизвестная решила, будто мы сами из Окраин? А...

Тут, как всегда оглушающе, вмешалась Петра. Я не обратил на нее внимания:

— Да и насчет помощи мы что-то не поняли. Она ведь где-то на юго-западе, а все знают, что там лишь Плохие Края. Даже если черные земли где-нибудь кончаются, как же она сумеет нам помочь?

Розалинда не стала спорить:

— Поживем — увидим, а теперь давайте спать. Мне самому хотелось спать, и так как Петра хорошо отдохнула, пока мы ехали, мы велели ей

караулить, будить нас, если она услышит или увидит нечто подозрительное. Мы с Розалиндой заснули раньше, чем донесли головы до одеял.

Я проснулся — Петра трясла меня за плечо. Солнце садилось.

— Майкл, — пояснила она. Я окончательно пришел в себя:

— Что случилось?

— Они снова напали на ваш след. Маленькая ферма, леса. Там целый отряд, они двинутся в путь, как только рассветет. Вам лучше опередить их. Не знаю, что вас ждет, но не исключено, что на западе вы на кого-то напоретесь. Думаю, они разобьются на небольшие группы. Вряд ли часовые будут стоять поодиночке, ведь Окраины совсем близко. Может, вам и удастся улизнуть.

— Ладно, — устало согласился я. — Как Салли и Кэтрин?

— Не знаю, не отвечают. Наверное, я слишком далеко от них. Включилась Рейчел, ее было еле слышно:

— Кэтрин без сознания, и она так давно молчит, что мы с Марком, мы думаем... мы боимся...

— А Салли?

— С ее умом что-то странное... — Рейчел замолкла, осталось лишь ощущение глубокой печали. Майкл не сразу ответил на мой зов.

— Ты понимаешь, Дэвид? — жестко, резко прозвучала его мысль. — Они напуганы. И готовы нас уничтожить, искалечить... Они не должны схватить Розалинду и Петру лучше уж сам убей их в случае чего, понимаешь? Это лучше, чем отдать их в руки палачей!

Я глянул на Розалинду — она еще спала; подумал о той боли, которая донеслась до нас издалека, когда пытали Кэтрин. Представил, что с Розалиндой или Петрой произойдет нечто подобное, — и содрогнулся.

— Да, — ответил я всем, — я понимаю.

Слов не было, лишь сочувствие и попытки ободрить.

Петра с недоумением уставилась на меня:

— А почему Майкл велит тебе нас убить?

— Только если нас схватят, — будничным тоном ответил я, стараясь убедить ее в том, что все идет совершенно нормально.

Она поразмышляла, потом спросила:

— А почему? Мы же не причинили им вреда?

— Не знаю... Они нас боятся. Понимаешь, это такая штука, которую нельзя подумать и объяснить, ее только чувствуешь. Они напуганы — и потому жестоки.

— А почему? — опять спросила Петра.

— Так они устроены. Если нас поймают, они постараются сделать нам

очень больно.

— Но я не понимаю — почему! — настаивала Петра.

— Это все сложно и противно. Поймешь, когда станешь старше. Главное сейчас — не дать им поймать тебя и Розалинду. Помнишь, как ты однажды ошпарилась, как тебе было больно? Ну вот, а они хотят сделать еще больнее. Уж лучше просто умереть, все равно что уснуть, глубоко-глубоко.

Я снова посмотрел на Розалинду, тихо дышавшую во сне на прядку волос, упавших ей на глаза, осторожно отвел эту прядку в сторону и нежно поцеловал ее.

— Дэвид, — деловито начала Петра, — когда ты нас убьешь...

Я обнял ее:

— Потихе, детка. Они нас не поймают. Давай-ка разбудим Розалинду, но ей ничего не скажем, ладно? Пусть она не волнуется зря — это будет нашей тайной, хорошо?

— Хорошо.

Мы перекусили и решили двинуться дальше, как только появятся первые звезды. Петра непривычно молчала, и сначала я решил, что она размышляет над нашим разговором. Но я ошибся, потому что она вдруг небрежно заметила;

— Зеландия — удивительная страна, там почти все могут посылать друг другу мысленные картинки и никто никого не мучает.

— А, так ты, значит, снова болтала с ними, пока мы спали? — спросила Розалинда. — Для нас это лучше, чем слушать, как ты передаешь им свои громкие мысли.

Петра оставила ее укор без внимания.

— У них не у всех так хорошо получается, большинство там такие же, как вы, — сравнила она великодушно. — Но та, что разговаривает со мной, лучше всех, а у нее двое детей, и она надеется, что они будут еще лучше. Но меня она считает даже лучше их! Она говорит, что мои картинки куда сильнее и понятнее, чем то, что есть у них, — довольна закончила Петра.

— Да уж, не сомневаюсь, — строго сказала Розалинда. — Но тебе пора бы научиться передавать нормальные картинки, а не такие громкие!

Петра ничуть не смутилась:

— Она говорит, они меня научат, и я стану еще лучше! А когда я вырасту, у меня тоже будут дети, и я их тоже научу.

— Неужели? А мне-то казалось, что такие, как мы, обречены на горе.

— Только не в Зеландии, — покачала головой Петра. — Там даже те, кто не умеет так говорить, изо всех сил учатся.

Мы задумались. Я припомнил рассказы дяди Акселя о землях за черными берегами, там, где нормой считались Отклонения, а все остальные — мутантами.

— Она говорит, что людям, умеющим общаться только вслух, чего-то не хватает и нам должно быть их жалко, — продолжала Петра. — Они ведь никогда не научатся понимать друг друга, как мы. Так и проживут каждый сам по себе, а мы будем думать вместе.

— Не могу сказать, что мне их жаль, — вставил я.

— Ну, она так говорит, потому что считает, что те люди живут скучно по сравнению с нами, — философски произнесла Петра.

Она все болтала. Многого мы не могли воспринять, а может, это она не все правильно поняла. Ясно было одно: жители Зеландии, кем бы они ни были, имели весьма высокое мнение о себе. Похоже, Розалинда права, решив, что «примитивными» они считают именно нас.

Ночь выдалась звездная. Мы ехали, пробираясь через заросли кустов и неведомых трав, на юго-запад. Помня о предупреждении Майкла, мы старались ехать бесшумно, внимательно глядя по сторонам. Долгое время слышались только ровная — поступь наших коней да шорох — это разбегались с нашего пути всякие мелкие зверьки.

Часа через три впереди обозначилась темная линия — густой-прегустой лес. Мы решили поискать какую-нибудь тропу, как вдруг из темноты грохнул выстрел. Кони так рванули, что я чуть не вылетел из корзины. Один конь кинулся вбок, веревка лопнула, и он исчез в лесу. Второй помчался за ним. Нам ничего больше не оставалось, как только изо всех сил держаться за края корзины. Не знаю, была ли за нами погоня. Вряд ли. До сих пор у меня изредка бывают кошмары снятся та гонка по густому лесу.

Но вот наш конь начал успокаиваться, выбирать дорогу. Вскоре Розалинде удалось поймать вожжи, и она стала понукать коня, направляя его в сторону небольшого просвета среди деревьев. Выбравшись на полянку, мы остановились, не зная, куда двигаться дальше.

Раздался треск ветвей, мы оба враз вскинули луки, но из-за деревьев выбежал второй конь. Он радостно заржал и встал рядом, словно его по-прежнему удерживала веревка.

Дорога была неровной, ехать приходилось медленно, преодолевая ухабы, ручьи и густые заросли.

Пожалуй, мы уже добрались до Окраин. Погонятся ли за нами и сюда, неизвестно. Мы попытались узнать что-нибудь у Майкла, но он, видимо, спал. Слезть с коней мы не решались, хотя сильно устали. Двигаться

дальше или дождаться утра?.. Впрочем, через несколько мгновений за нас сделали выбор.

Мы как раз ехали по темной аллее, ветви деревьев сходились где-то высоко над головой. Внезапно что-то свалилось на меня с дерева, я даже не успел ничего увидеть или услышать. Из глаз у меня полетели искры, и я потерял сознание.

ГЛАВА 14

Я медленно приходил в себя. Меня звала Розалинда настоящая Розалинда, мне редко приходилось такой ее видеть или слышать. Она всегда была одинаковой: решительной, практичной — сама у меня на глазах создавал такой образ, будучи еще девочкой. Она очень рано поняла что чем-то отличается от всех, и сознательно замкнулась в себе. Розалинда упорно строила броню, искала и нашла оружие для борьбы с враждебным миром. Я наблюдал за ее ростом, видел, как она привыкает к маске-до того, что иногда и сама забывает, какова же она на самом деле.

Я любил ее. Любил эту высокую стройную девушку, любил ее шею, длинные ноги, походку, уверенность в движениях, умелые руки и улыбающиеся губы. Любил смотреть на ее золотистые волосы, на тонкие гладкие плечи и нежные щеки.

Но все это видел любой, смотревший на нее. Это любить было легко.

А сейчас меня звала другая Розалинда — нежная, любящая, забывшая о своей непробиваемой броне.

У меня снова не хватает слов... Слова — даже слова поэта — могут показать однотонную любовь. А я любил ее весь, каждой мыслью и чувством, я готов был слиться с ней духовно в одно целое, весь мир принадлежал нам, когда мы вот так были вместе...

Ни Майкл, ни остальные не знали такую Розалинду. Никто не знал моей милой, нежной возлюбленной, так желавшей счастья и любви. Не могу сказать, как долго мы с ней радовались воссоединению: мгновения было достаточно. Потом я увидел темное серое небо, ощутил неудобство и, услышав Майкла, с трудом собрался с мыслями.

— Не пойму, что... Похоже, сам-то я цел, голова, правда, болит и страшно неловко...

Только тут я сообразил, что все еще лежу в корзине, но она движется, а меня словно пополам свернули и связали.

— Они свалились на нас сверху, — пояснила Розалинда. — Их четверо или пятеро, и один прыгнул прямо на Дэвида... Это Окраины.

Мне слегка полегчало. Я боялся, что мы угодили в другие руки.

— Это в вас стреляли минувшей ночью? — спросил Майкл.

— Да, но мы не знаем — кто.

— Они, — сказал он мрачно. — Я-то надеялся, что они сбились со следа. Нас собрали вместе: считают, что рискованно врываться в Окраины

небольшими группами. Часа через четыре мы выступаем — около сотни человек, решено нанести удар заодно и по Окраинам. Попробуйте избавиться от коней.

— Ты опоздал со своим советом, — отозвалась Розалинда. — Мне связали руки, а Дэвид в другой корзине и тоже связан.

— А Петра?

— С ней все в порядке — сидит, болтает с вожаком.

— Что же произошло?

— Сначала они прыгнули на нас, а потом из-за деревьев выскочили другие и остановили коней. Нас связали, теперь едем дальше, в Окраины.

— Вам угрожают?

— Нет, но следят, чтобы мы не сбежали. Похоже, они знают, кто мы, но не знают, что с нами делать. По-моему, их куда больше заинтересовали наши кони. Вон тот, рядом с Петрой, так увлеченно разговариваете ней... как будто он и сам еще дитя...

— Ты не можешь попытаться выведать, куда вас везут?

— Я спрашивала, но он не знает. Ему просто велено нас куда-то доставить.

— Ну что ж... — впервые Майкл явно растерялся. — Подождем. А вы скажите им, что за вами гонятся. Я с трудом высвободил одну ногу, встал.

— Эй! — дружелюбно окликнул меня тот, что ехал рядом. Незнакомец остановил коня и протянул мне кожаную фляжку. Я с благодарностью напился.

Теперь мне все было видно. Да, отец был прав, утверждая, что здесь над нормальностью только смеются. Вот знакомые стволы, но на них совсем незнакомые ветви. Вот знакомые ветви на чудовищном стволе. Вот непонятные извивающиеся, стелющиеся по земле растения. Вот гигантские лишайники в высохшем русле реки. А вот древнего вида миниатюрные деревца неизвестной породы.

Я исподтишка посмотрел на вожака. Он был ужасно грязный, а так казался вполне нормальным.

— Что, не бывал еще у нас? — спросил он, поймав мой взгляд.

— Нет. Здесь везде так?

— Нет, тут везде все разное. Потому-то и называют Окраинами, что ничего правильного не вырастает. Пока.

— Пока? — переспросил я.

— Ну да. Когда-то везде в Плохих Краях ничего не было и в диких местах тоже, а теперь границы меняются. По-моему, Господь играет с нами, только что-то он затянул игру.

— Господь? — повторил я. — Но нам твердили, что здесь правит дьявол!

— Конечно, они так говорят, да они не правы, мальчик. А вот у вас там точно царит дьявол, уж очень они все высокомерны. «Истинный облик» и прочее... Хотят быть как Прежние Люди, и ничему-то их Кара не научила.

Прежние небось тоже считали, что они выше всех. Уж у них были идеалы, уж они знали, как нужно править миром. Они хотели жить с удобствами, считали, что остальное само собой, думали, что стали умнее Господа! Не вышло, парень не могло выйти. Они считали себя последним словом Господним, но ошиблись. Господь никогда не произносит послед него слова. Если он его скажет, значит, он мертв. Но он не умер — он меняется, как все сущее. И вот когда они решили застопорить развитие мира, чтобы им самим жилось удобно, он и наслал на них Кару. Чтобы напомнить — жизнь есть развитие. Господь понял, что получается у них не то, вот и перетряхнул хорошенько мешочек — вдруг в следующий раз выпадет больше очков? — Вожак снова помолчал, потом продолжил: — Может, он недостаточно хорошо тряхнул. Похоже, что местами началось все то же самое. Вот у вас; например. Люди по-прежнему уверены в своем превосходстве, будто Господь произнес свое последнее слово, создав их. Вот и пытаются не допускать перемен, добиваются нивой Кары. Надоест Ему — покажет, кто прав.

Я молчал. Странно, сколько мне уже попадалось людей, уверенных в том, что уж они-то точно знают, чего желает Господь!

А чужак тем временем говорил, размахивая руками, и в наконец заметил его Отклонение: на правой руке у него не было трех пальцев.

— Когда-нибудь и здесь станет хорошо. Конечно, могут появиться совсем новые растения, животные. Тут все дело в Каре. В других местах пытаются уничтожить Отклонения, но кто знает, удастся ли им это? Как понять, что внутри овоща или зерна нет каких-то изменений? Ведь часто возникают споры, а кончается дело тем, что выбирают наиболее урожайный сорт. А животные? Ведь их скрещивают, добиваясь лучшего удоя или больше мяса? Конечно, уничтожают Отклонения — самые заметные! Ты как думаешь, приди к нам Прежние, они признали бы нас? А животных, растения? Не уверен. Остановить-то это нельзя. Вот твои кони, например.

— Они одобрены правительством, — ответил я.

— Вот именно!

— Но если это продолжается, почему Кара?

— О, животные-то могут меняться, твои люди просто не желают

видеть перемены в человеке! Они уничтожают все новое, они стараются сохранить свой вид в неприкосновенности, потому что больны высокомерием — считают себя выше всех. Считают, что только они отвечают истинному облику. Ну что ж, значит, они — боги? Вот их величайший грех: они пытаются убить саму жизнь.

Тут уж я заподозрил, что наткнулся на новую веру. Я перевел разговор на другую тему, спросил, почему нас взяли в плен. Вожак, похоже, сам точно не знал, хотя и уверял меня, что так поступают со всеми новичками.

Я позвал Майкла:

— Что нам сказать? Они ведь увидят, что внешне мы совершенно нормальные. Нужно будет как-то объяснить наш побег.

— Лучше всего сказать правду, но не всю: как Салли и Кэтрин — минимум.

— Ладно. Петра, ты поняла? Скажешь, что умеешь посылать мысленные картинки мне и Розалинде, а о Майкле и Зеландии молчи.

— Но люди из Зеландии уже совсем близко, — уверенно ответила она. — Они уже совсем-совсем близко! Майкл принял новость скептически:

— Если они успеют — прекрасно, а пока вам лучше помалкивать.

Мы посоветовались, говорить ли нашим охранникам о преследовании, и решили, что хуже не будет.

Мой спутник не удивился:

— Нас это устраивает.

Петра снова общалась со своей дальней собеседницей, и тут мы почувствовали, что расстояние стало куда меньше. Петре уже не приходилось прилагать столько сил для передачи мыслей, и я наконец-то тоже что-то расслышал. Да и Розалинда изо всех сил попыталась послать вопрос — и ей ответили! Мы ощутили радость неизвестных собеседников добившихся связи с нами, ведь им хотелось узнать о нас куда больше, чем могла рассказать Петра.

Розалинда обрисовала наше теперешнее положение и добавила, что пока нам как будто ничто не угрожает. Женщина посоветовала:

— Вы все же — поосторожнее, соглашайтесь с ними во всем, главное протянуть время. Подробно расскажите им об опасности, угрожающей вам со стороны ваших соплеменников. Нам трудно давать советы, мы же совсем их не знаем. Есть «отклонения», не признающие никакой «нормы». Может, вам стоит преувеличить свои отличия от остальных? Но главное — девочка! Вы должны сберечь ее любой ценой! Нам никогда еще не встречались столь одаренные дети. Как ее зовут?

Розалинда передала имя по буквам, потом спросила:

— Кто вы? Что такое Зеландия?

— Мы — Новые Люди, такие же, как вы. Мы умеем думать сообща. Мы строим новый мир, отличный и от мира Прежних, и от мира нынешних дикарей.

— Такой мир и такие именно люди, каких видит в будущем Господь? — осведомился я, уловив в ее словах нечто знакомое.

— Не знаю... никто не знает. Но мы стремимся построить иной, лучший мир. У Прежних было множество языков, стран и народов, но они не умели мыслить все вместе. Пока они жили в примитивных условиях, как дикари, им были легче. Но чем сложнее становились социальные структуры, тем труднее было достичь единодушия. Они научились жить небольшими группами, но их крупные объединения постоянно враждовали — от жадности, алчности! Они не думали о последствиях, не желали принимать на себя ответственность. Они сами породили гигантские проблемы, а потом спрятали головы в песок... У них не было нашего способа общения — не было и взаимопонимания. Они не так уж далеко ушли от животных.

Нет, успеха они и не могли добиться. Если бы не Кара, они все равно бы впали в нищету, голод и варварство. Ведь под конец они расплодились, как животные. В общем, как вид они все равно были обречены...

Мне снова пришло в голову, что эти зеландцы довольно высоко себя ценили. Меня-то воспитали в почтении к Прежним, и мне трудно было принять их слова. Пока я пытался распутать клубок мыслей, Розалинда снова спросила:

— Откуда же вы взялись?

— Нашим предкам повезло, они жили на двух островах, удаленных от остальной цивилизации. Правда, они тоже испытали на себе и Кару и ее последствия, но все же у нас было легче, чем во многих других местах. Впрочем, и предков отрезало от мира, и они едва не впали в варварство. Однако вскоре появились люди, умевшие думать сообща, потом те, у кого это получалось лучше, стали учить остальных. Конечно, они и женились на таких же, так что способность переговариваться мысленно все росла.

Потом начали искать себе подобных в других местах — и лишь тогда поняли, как им повезло. Даже там, где не особенно обращают внимание на физические Отклонения, таких, как мы, безжалостно преследовали.

Долгое время нам не удавалось помогать другим, хотя те, кто оказывался поближе, и доплывали до Зеландии на лодках. Но потом мы снова начали строить всякие машины и тогда уж смогли по-настоящему

оказывать помощь. Однако нам еще ни разу не удалось связаться с кем-нибудь из ваших краев. Мне все еще трудно общаться с вами, но мы приближаемся, станет легче. Мне придется передохнуть. Главное — девочка, берегите ее, она уникальна! Она очень нужна нам!

Женщина словно растаяла, зато в наши мысли вмешалась Петра. Вряд ли она все поняла, однако главное уловила.

— Она обо мне! — завопила Петра, и мы чуть не лишились чувств.

— Поберегись, хвастунишка! — сердито ответила Розалинда. — Конечно, нам еще не встретился волосатый Джек, но кто знает? Майкл, ты все слышал?

— Да, — сдержанно отозвался Майкл. — Снисходительна, а? Словно проповедь детям читает... Ох, как они еще далеко! Не знаю, успеют ли, — мы уже выступаем.

Наши кони неумоимо продвигались вперед. Пейзаж был не просто странным нас он пугал, ведь мы росли там, где таких Отклонений не существовало. Правда, растений, о которых рассказывал дядя Аксель, тут не было, но не было и ничего знакомого. Деревья, кусты, трава — все неправильное!

Мы лишь один раз остановились, чтобы попить-поесть, вновь двинулись в путь. Часа через два добрались до неширокой реки. С нашей стороны — крутой берег, с противоположной — низкие рыжеватые холмы.

Мы пошли вниз по течению, и возле жуткого дерева походит на гигантскую деревянную грушу, а все ветви растут на вершине большим пучком — перешли реку вброд. Затем пробрались между двумя холмами и остановились на небольшой площадке, где ждали семь или восемь мужчин с луками в руках. При виде наших коней, казалось, они готовы были разбежаться в разные стороны.

— Слезайте, — велел наш страж.

Петра и Розалинда уже спускались, я тоже слез, коней пошлепали по бокам, и они тяжело двинулись дальше. Петра боязливо вцепилась в меня. Пока что никто и не посмотрел на нас — все провожали глазами коней-гигантов.

Нельзя сказать, что эти люди выглядели страшными. У одного на руке, сжимавшей лук, я заметил шесть пальцев. У другого голова походила на большое блестящее яйцо — ни волос, ни бровей. У третьего — невероятно крупные руки и ноги. Что до остальных, ничего особенного в глаза не бросалось.

Нам с Розалиндой стало полегче: мы ведь ожидали увидеть тут настоящий зверинец. Да и Петра облегченно вздохнула, не найдя среди

чужаков волосатого Джека. Повернувшись наконец к нам, незнакомцы разделились: двое куда-то повели нас, а остальные остались нести вахту.

Утоптанная тропинка вела через лесок к поляне. Справа снова начинались холмы, не выше тридцати-сорока футов. В них виднелись многочисленные отверстия, из которых свисали плетеные лестницы.

Внизу, под холмами, стояли хижины и палатки. Дымилась пара костров, там что-то готовили. Несколько потрепанных мужчин и женщин бродили взад-вперед.

Мы пробирались между хижинами и кучами мусора, пока не достигли самой большой палатки. Вблизи она оказалась накидкой для стогов, видно, ее стащили во время набега. Накидка была натянута на палки. Около входа в палатку сидел мужчина.

Он поднял голову, и я вздрогнул так он походил на моего отца! Тут я признал его: тот самый человек-паук, которого я когда-то видел пленным в Вакнуке.

Нас вытолкали вперед. Человек-паук осмотрел нас, и глаза его несколько раз прошлись по стройной фигуре Розалинды. Его взгляд мне не понравился — да и ей тоже. Потом он пристально поглядел на меня и кивнул, чем-то удовлетворенный.

— Помнишь меня?

— Да.

Он долго молчал, потом произнес:

— Знаешь, кто я?

— Догадываюсь.

Человек-паук вопрошающе поднял бровь.

— У моего отца был старший брат, лет до трех-четырёх он считался нормальным, потом удостоверение отобрали, а его самого...

Он медленно кивнул:

— Правда, но не вся. Этого старшего брата любила его мать. Когда за ним пришли, его уже не было дома. Конечно, семья постаралась замять дело, сделали вид, что ничего не было. — Он помолчал, потом добавил: — Старший сын. Наследник. Весь Вакнук должен был Стать моим! Если бы не это! — Он вытянул длинную руку, повертел ею. Потом опустил ее, переведя взгляд на меня. — А ты можешь точно сказать, какой длины должны быть руки человеческие?

— Нет.

— Вот и я не могу. Но кто-то, какой-то эксперт в Риго, может. Вот и живу дикарем среди дикарей. Ты как, тоже старший?

— Единственный сын, — сказал я. — Был еще младший, но...

— Не дали бумажку, да? Я кивнул;

— Стало быть, и ты все потерял?

Мне и в голову не приходило так смотреть на дело. Не думаю, что я когда-либо верил в свое право наследника. У меня с детства, было ощущение ненадежности, ожидание, что рано или поздно обо мне узнают. Я долго жил под угрозой разоблачения и потому, наверное, не испытывал той горечи, что преследовала его. Я был рад, что спасся, и сказал ему об этом. Он не слишком обрадовался.

— Ты что ж, недостаточно смел, чтобы бороться за свое?

— Но если это все ваше по праву, то у меня-то нет прав, — ответил я. — Я рад тому, что больше не надо скрываться.

— Все мы тут скрываемся.

— Может быть... но вы-то живете, не притворяясь иными, чем есть. Вам не надо следить за собой, долго думать, прежде чем решиться рот открыть.

Он покивал головой:

— Да, мы про вас слышали — у нас везде свои. Не пойму только, почему они кинулись за вами даже сюда?

— Наверное, все дело в том, что наших Отклонений не видно, — ответил я. Они боятся, что таких много, и хотят поймать нас, чтобы мы их выявили.

— Ну что ж, у вас есть веские причины не попадаться им в руки, — заметил человек-паук.

Я слышал, что Розалинда передает наш разговор Майклу, но не вмешивался нельзя вести две беседы сразу.

— Значит, за вами гонятся? И сколько их?

— Не знаю точно.

— Насколько я понял, у вас есть способ узнать. Интересно, что ему известно про нас?

— Лучше бы ты не пытался нам врать, парень. Они веди гонятся за вами, а нам какое дело? Выдадим — и все тут. Петра перепугалась.

— Их больше сотни, — выпалила она. Человек-паук внимательно посмотрел на нее:

— Значит, один из ваших едет с ними? Так я и думал... Сотня для троих слишком много, слишком... Ясно. У вас что, ходили слухи о готовящемся набеге?

— Да, — признался я. Он ухмыльнулся:

— Удобно! Стало быть, они решили первыми напасть на нас! И ваг заодно поймать. Идут сюда по вашим следам... И далеко они сейчас?

Спросив Майкла, я выяснил, что основной отряд еще далеко. Где именно? Не зная, как передать это словами, я молчал, а человек-паук, поняв мое затруднение, терпеливо ждал.

— Твой отец с ними? — вдруг спросил он. Сам я остерегался спрашивать Майкла, да и теперь не стал — помедлил, потом ответил:

— Нет.

Краем глаза я заметил, что Петра открыла было рот, и тут же почувствовал, как Розалинда на неё накинута.

— Жаль, — отозвался наш хозяин. — Я-то надеялся встретиться с ним на равных. Думал, он с ними, это вполне в его духе. Но, может, он не так стремится поддерживать Норму, как говорят? — Человек-паук пронизывающе смотрел на меня, но меня поддерживала Розалинда — я ощущал ее сочувствие и жалость, как теплое рукопожатие.

Внезапно он уставился на Розалинду, а она стояла перед ним, глядя на него холодными глазами. Вдруг, к моему изумлению, она опустила глаза и покраснела как будто надломилась.

Наш хозяин усмехнулся...

Но он ошибался. Она не поникла перед победителем — ее охватили ужас и отвращение, пересилившие самообладание. Я уловил его образ, невольно переданный ею мне и жутко искаженный. Она напугалась — не как женщина, а как дитя, внезапно увидевшее чудовище. Петра тоже уловила уродливый образ — и закричала от страха.

Я кинулся на него, опрокинув его вместе с табуреткой. Стражники навалились на меня, но один раз я все же успел ему врезать. А он сидел, потирая челюсть, и насмешливо разглядывал нас.

— Делает тебе честь, — признал он, — и только. — Человек-паук встал, расправив длиннющие ноги. — Ты еще не видел наших женщин, мальчик? Погляди, погляди, тогда поймешь меня. А она ведь может иметь детей. Мне давненько хотелось завести ребенка — даже если он и будет похож на своего папочку. — Он снова усмехнулся, потом косо посмотрел на меня: — Лучше смирись, парень, будь благоразумным. Второй раз тебе это не пройдет. — Он перевел взор на тех, кто удерживал меня. — Выкиньте его. А будет сопротивляться — пристрелите.

Меня утащили к тропе и там выпустили. Я развернулся, но они держали луки наготове. Постояв, я пошел, потом побежал. Этого они и ждали. Не стали стрелять, избili да швырнули в кусты. Помню, как летел по воздуху, но самого падения не помню...

ГЛАВА 15

Меня куда-то тащили. Чьи-то руки держали меня за плечи, по лицу хлестали тонкие ветки.

— Тш-ш-ш!.. — прошипел голос.

— Сейчас... я сам... — прошипел я в ответ. Потом я повернулся.

Рядом на корточках присела молодая женщина. Солнце было совсем низко, под деревьями стемнело. Я не мог ее рассмотреть. Темные волосы, свисавшие с двух сторон, загорелое лицо, темные глаза. Платье местами порвано. Платье без рукавов — и я впервые видел платье без креста. Странно, почти неприлично: женщина — без защитного креста!

Мы молча изучали друг друга.

— Ты не узнал меня, Дэвид, — печально произнесла она.

— Софи! О Софи!.. Она улыбнулась:

— Милый Дэвид! Тебя сильно избили?

Я попробовал пошевелить руками и ногами. Было больно, голова трещала, на левой щеке запеклась кровь, но вроде бы никаких переломов.

Я попытался встать, однако Софи меня удержала.

— Нет, пока подожди, пусть стемнеет. — Она все смотрела на меня. — Ты, маленькая девочка и еще эта — кто она?

Я сразу пришел в себя, стал с ужасом звать их — ничего! Но мою паническую тревогу услышал Майкл и сразу отозвался:

— Слава Богу! Мы так переволновались. Успокойся, они уснули от изнеможения.

— А Розалинда?..

— С ней все в порядке, говорю тебе! Ты как? Я вкратце обрисовал положение. Вряд ли мы общались дольше нескольких секунд, но все же довольно долго, и Софи с любопытством уставилась на меня.

— Кто она, Дэвид?

Я ответил, что это моя двоюродная сестра. Софи пристально всмотрелась мне в лицо, потом кивнула:

— И он пожелал ее, да?

— Он так сказал.

— Она ведь могла бы родить ему детей? — настаивала Софи.

— Чего ты добиваешься? — вскричал я.

— А, так ты ее любишь?

Слова, слова... Мы с Розалиндой давно стали одним целым, с общими

мыслями, чувствами, ощущениями. Мы смотрели общими глазами, любили единым сердцем, радовались совместной радостью. Разделить можно было лишь наши тела... Как объяснить словами?

— Да, мы любим друг друга, — ответил я. Софи покачала головой, подняла несколько прутиков, сломала их, глядя на свои коричневые пальцы. Затем промолвила:

— Он уехал — туда, где битва. С ней пока ничего не случится.

— Она спит. Они обе спят.

Софи подняла на меня глаза, недоумевая:

— Откуда ты знаешь?

Я объяснил ей, насколько мог просто. Она снова стала ломать палочки, потом кивнула:

— Да, помню. Мама говорила, что ты... ты как бы понимал ее раньше, чем она произнесет что-то вслух. Так?

— Наверное. По-моему, и у твоей матери был наш дар, только она сама этого не знала.

— Чудесно, должно быть, иметь такое — будто еще одни глаза внутри.

— Похоже. Но не такое это и чудо — бывает плохо, больно.

— Больно быть любимым Нарушением, — отозвалась Софи. Она все еще сидела на корточках, глядя на руки невидящими глазами. — Если твоя подруга сможет рожать ему детей, я стану не нужна, — наконец вымолвила она.

Я заметил слезы у нее на щеках.

— Софи, милая, ты любишь его, — любишь этого паука?!

— О, не называй его так — пожалуйста! Мы ведь не виноваты в своих... Его зовут Гордон. Он добр со мной, Дэвид, и он привык ко мне. Нужно, чтобы у тебя оставалось так мало в жизни, как у меня, чтобы понять... Ты ведь никогда не знал одиночества. Ты не представляешь себе, какая пустота встречает здесь каждого из нас. Я бы с радостью рожала ему детей, если бы могла, я... О, за что они еще и калечат нас! Лучше бы убивали, это милосерднее!

Из-под ее плотно сжатых век покатались слезы. Я взял Софи за руку.

И вспомнилось: мужчина держит женщину за руку, глядя вверх. Женщина на коне и маленькая фигурка, машущая мне рукой, пока они не исчезли за деревьями. И я — расстроенный, чувствую ее поцелуй на щеке, сжимаю в кулаке локон... А сейчас... Сердце у меня сжалось от жалости.

— Софи, — сказал я, — милая Софи, этого не будет. Ты понимаешь? Этого не будет. Розалинда не позволит, я знаю.

Открыв глаза, она посмотрела на меня сквозь слезы.

— Ты просто пытаешься меня утешить, ты не можешь знать...

— Знаю, Софи. Ведь с тобой я могу лишь говорить, а ней мы и мыслим вместе. Она все еще сомневалась:

— Это правда?

— Да. Я почувствовал, как она его видит.

— А ты не можешь читать мои мысли? — с беспокойством спросила Софи.

— Нет, конечно, это же не подглядывание, больше похоже на разговор в уме, как если бы ты могла не произносить слова вслух, а просто думать их — для другого.

Мне трудно было объяснить ей это — труднее, чем дяде Акселю. Но я все пытался, пока не заметил, что уже темно.

— Ты сможешь идти? — спросила Софи. — Тут близко. Я поднялся, чувствуя, как отзываются болью все ушибы. Она, похоже, лучше видела в темноте, чем я, и взяла меня за руку. Мы шли вдоль деревьев, но слева замелькали огоньки, и я понял, что берег остался в стороне. Вскоре мы добрались до холма, и Софи сунула мне в руки конец лестницы.

— За мной! — шепнула она и быстро вскарабкалась наверх.

Я полз куда медленнее. Наверху она помогла мне забраться в пещеру. Там было темно; я только слышал, как Софи ходит, что-то ища. Потом посыпались искры — она высекала огонь кремнем.

Зажглись две свечи — маленькие и ужасно вонючие, но все же я смог оглядеться.

Мы находились в пещере примерно десять на пятнадцать футов, выдолбленной в песчанике. Вход прикрывала под вешенная на крючьях шкура. В углу, видно, была дыра на крыше, потому что там капала вода, падая в деревянное ведро, вытекала из него и скатывалась наружу. В другом углу стоял сплетенный из ветвей лежак, накрытый шкурами и одеялом. Несколько плошек. Черный очаг. Ручки ножей воткнутых прямо в стену. Копье, лук и колчан со стрелами возле лежака.

Я вспомнил чистую, светлую кухню в доме Вендоров, дружелюбную комнату без всяких надписей на стенах. Пламя свечей заколебалось, распространяя вокруг грязную жирную копоть и вонь.

Софи набрала в плошку воды, нашла относительно чистую тряпочку и взялась смывать кровь с моего лица.

— Ничего, рана неглубокая, — успокоила она меня. Я вымыл руки, после чего она сполоснула и убрала плошку.

— Есть хочешь?

— Очень, ничего не ел весь день.

— Побудь здесь, я скоро.

Я сидел, глядя на тени, плясавшие по стене, слушал капанье воды. А ведь тут, в Окраинах, такая пещера — попросту роскошь. «Нужно иметь так — мало, как осталось у меня...» — кажется, так сказала Софи? Она, конечно, имела в виду не вещи.

Чтобы отключиться от тяжелых мыслей, я позвал Майкла:

— Эй, где вы? Как дела?

— Мы расположились на ночлег, опасно идти ночью. — Он попытался показать мне место, но я не узнал его. — Идем медленно, сильно устаем. А эти люди знают свои леса, да? Мы все засаду ждем, а они пальнут — и скрылись. Трех убили, семерых ранили.

— И все же вы идете сюда?

— Да, похоже. Окраинам хотят дать урок. Кроме того, намерены поймать вас троих. Ходят слухи, что нас в Вакнуке больше двадцати, вот и надеются выловить всех с вашей помощью. — Он явно сильно волновался, да и настроение было плохое. — Боюсь, Рейчел осталась одна...

— Одна?

— Она с трудом передала мне: что-то случилось с Марком. А теперь мы так далеко, что я ее не слышу.

— Его схватили?

— Нет, то есть она думает, что нет, но он умолк. Если бы его... Он бы передал ей, а он просто молчит — уже больше суток.

— Несчастный случай, помнишь, давно, Уолтера? Замолк — и все.

— Возможно... Рейчел ничего не знает и потому боится. Она же там совсем одна, а теперь еще и друг друга не слышим.

— Странно, что я не слышал, когда вы с ней общались.

— Видно, ты как раз был без сознания.

— Слушай, да ведь когда Петра проснется, она сможет поговорить с Рейчел! — вспомнил я. — Для нее же нет предела расстояния!

— Конечно, как я забыл! — согласился Майкл с облегчением.

Тут из-за занавески у входа показалась рука, затем и вся Софи. Она влезла в пещеру и протянула мне деревянную плоску. Потом поправила вонючие свечи и уселась на шкуру неизвестного мне зверя, а я принялся за еду. Я не знал, что ем, но в общем вкус был ничего. Я успел почти все доесть, и тут рука у меня дернулась, остатки еды свалились на рубашку, и сам я чуть не упал.

Петра проснулась.

С трудом мне удалось пробиться в ее вопли, и она тут же переключилась с горя на радость. Приятнее, но почти так же больно. Она,

видимо, разбудила Розалинду, потому что сквозь шум я смог уловить, как и Розалинда, и Майкл, и даже та женщина из Зеландии взволнованно спрашивают что стряслось. Петра взяла себя в руки.

— Какого черта?! — спросил Майкл. — Что за громы и молнии?

Петра, с великим трудом сдерживая радость, ответила:

— Мы боялись, что Дэвида убили.

Наконец-то я поймал и ощущения Розалинды — смесь радости и горя, нежности и печали. Я и сам не мог передать ей что-либо отчетливое. К счастью, Майкл положил этому конец:

— Неприлично вести себя так в присутствии третьих лиц. Когда сможете разъединиться, поговорим. Ну, как дела где вы?

Постепенно все прояснилось. Розалинда с Петрой все еще находились в той же палатке, «паук» ушел, но их сторожил здоровяк с красными глазами и белыми волосами. Я объяснил, где я.

— Прекрасно, — подвел итог Майкл. — Значит, этот ваш «паук» здесь вроде вождя. И он ушел биться. А может наблюдать? Тогда он вернется в любой момент.

— Я боюсь его! — внезапно истерически вмешалась Розалинда. — Он другой, другой! Я не могу... все равно что со зверем... Если он попытается, лучше убить себя!

Майкл будто ушат холодной воды на нее выплеснул:

— Такой глупости ты не сделаешь! Надо будет, убей его! Он больше и говорить об этом не стал, переключив общее внимание на другое. Впервые Майкл сам попробовал передать вопрос нашей неведомой спасительнице:

— Вы считаете, что успеете до них добраться?

Ответ достиг нас издалека, но все виделось уже четко:

— Нам осталось шестнадцать часов пути, — уверенно отозвалась она, и недоверие Майкла сразу пошло на убыль.

— Ну что ж, значит, вам нужно продержаться до тех пор.

— Погодите минутку, не отключайтесь, — попросил я. Я взглянул на Софи. В тусклом свете было видно, что она пристально смотрит на меня.

— Ты «говорил» со своей девушкой?

— И с сестрой. Они проснулись, за ними следит альбинос. Странно...

— Что?

— Ну, я думал, к ним приставят женщину...

— Ты ведь в Окраинах, — с горечью напомнила Софи.

— Но... понятно... Дело вот в чем. Как ты думаешь, можно ли удалить стражника? По-моему, сейчас самое время. Когда он вернется... — Я пожал плечами, не сводя с Софи взгляда.

Она отвернулась, несколько секунд глядела на огонь свечи, потом кивнула:

— Да, так будет лучше для всех нас — кроме него... Да, сделаю.

— И теперь же?

Она снова кивнула. Я взял копье, взвесил его в руке — легкое, но удобное.

— Нет, Дэвид, тебе лучше остаться здесь.

— Почему?

— Если тебя заметят, поднимется тревога; А на меня никто и внимания не обратит.

Софи была права, конечно, и я неохотно положил копье на место.

— Но ты сможешь?..

— Да, — решительно ответила она.

Софи подошла к стене и выдернула из нее нож. Блеснуло широкое лезвие. Похоже было, что нож достался ей после одного из набегов. Она сунула нож за пояс так, что торчала лишь темная ручка, потом снова посмотрела на меня.

— Дэвид...

— Да?

Но Софи передумала, сказав уже другим тоном:

— Передай им: ни звука! Что бы ни случилось, ни звука! Пусть идут за мной, а пока — пусть поищут куски ткани потемнее и завернутся в них, чтобы лиц не было видно. Поймут они тебя?

— Конечно. Но, может, лучше мне?..

— Нет, Дэвид, ты же не знаешь местность. Она погасила свечи и выскользнула наружу. Я передал все указания Розалинде, а потом мы вдвоем объяснили все Петре.

Я ждал, считая падавшие в ведро капли. Долго так высидеть я не мог, подошел к отверстию тихонько выглянул наружу. Кое-где горели небольшие костры, бродили люди. Слышались тихие голоса, вот закричал ночная птица, донесся вой какого-то зверя.

Вдруг мелькнула волна возбуждения: Петра. Никто не отозвался. Потом Розалинда: «Все в порядке». Похоже, он испытала шок. Но я не стал спрашивать, в чем дело, просто прислушивался. Вокруг ничего не изменилось. Время тянулось мучительно долго. Наконец подо мной, где-то внизу, хрустнула ветка, натянулась веревка, и я шагнул глубь пещеры.

Розалинда — с некоторым сомнением:

— Дэвид? Ты здесь?

— Да, поднимайтесь!

И вот женская фигурка возникла в отверстии, за ней вторая, поменьше, вот и третья. Вход завесили, зажгли свечи.

Розалинда и Петра молча, с ужасом смотрели на Софи, а та спокойно зачерпнула в плошку воды и стала отмывать нож.

ГЛАВА 16

Девушки с любопытством и подозрением рассматривал друг друга. Софи оглядела Розалинду, ее красновато-коричневое платье с нашитым коричневым крестом, кожаные башмаки. Она посмотрела на свои мягкие мокасины, короткую оборванную юбку. Тут она заметила, что на лифе у не появились пятна, которых раньше не было, без тени смущения сдержала с себя одежду и принялась замывать в холодной воде.

— Тебе надо отпороть крест, — сказала она Розалинде, да и у нее тоже. Мы, женщины Окраин, его не носим — нас-то он не защитил... Да и мужчины этого не любят... Держи! — Софи выдернула из ниши нож поменьше и протянула Розалинде.

Розалинда робко взяла нож в руки, посмотрела на крест — она ведь никогда не носила платьев без такой нашивки.

— У меня тоже когда-то был крест, и он мне ничуть не помог, — сказала Софи.

Все еще сомневаясь, Розалинда обернулась ко мне, но я кивнул:

— Они не любят напоминаний об истинном облике, это опасно.

— Да, — добавила Софи, — во-первых, вы тотчас выделяетесь, во-вторых, словно вызов бросаете.

Розалинда с неохотой принялась отпарывать крест.

Я спросил Софи:

— Что теперь? Не лучше ли нам убраться подальше, пока не хватились?

Софи, продолжая оттирать пятна, покачала головой:

— Нет. Его могут найти в любой момент и сразу кинутся на поиски. Решат, что это ты его убил, что вы сбежали в лес. Они же не станут искать вас тут — а уж вокруг все перетрясут.

— Ты считаешь, нам лучше оставаться в пещере?

— Дня два-три. Потом, когда поиски прекратятся, я вас выведу.

Розалинда внимательно всмотрелась в нее:

— Почему ты это делаешь?

Я объяснил ей — конечно, не вслух, но Розалинда не успокоилась. Они с Софи продолжали изучать друг друга, как вдруг Софи бросила свой лиф в воду, встала, наклонилась к Розалинде, так что темные волосы упали на ее обнаженную грудь, и злобно прошипела:

— Оставь меня в покое, и будь ты проклята! Розалинда напряглась,

готовая к нападению, а я уже собрался прыгнуть между ними. Несколько минут они не двигались, потом что-то переменялось — напряжение спало. Ненависть ушла из глаз Софи, но она не шевельнулась. Лишь губы у нее задрожали, и она снова горько повторила:

— Будь ты проклята! Ну, смейся надо мной, и будь проклято твое прекрасное лицо! Смейся надо мной, потому что я люблю его, да толку-то? Боже мой, что толку? Если бы даже ты тут не появилась, что ему с меня толку?!

Она прижала кулаки к лицу, постояла так, вся дрожа, и кинулась ничком на свой лежак.

Мы беспомощно смотрели на нее. Один мокасина свалился с ноги, и я увидел знакомые шесть пальцев.

Розалинда с раскаянием и тревогой глянула на меня собралась встать, но я помотал головой. В пещере слышались лишь всхлипы Софи да бесконечное «кап-кап».

Петра выжидающе уставилась на нас, потом перевел взгляд на Софи, снова на нас. Мы не шелохнулись. Петра видно, решила, что надо брать дело в свои руки. Она подобралась к лежаку, положила ручку на темные волосы тихо попросил?:

— Не плачь, ну, пожалуйста, не плачь!

Софи резко затихла. Потом, не поворачиваясь, вытянул руку, обняла Петру за плечи. Она еще плакала, но куда тише. Наши сердца сжимались от бессильной жалости о ней.

Спал я на жёстком холодном полу и проснулся с больше неохотой — меня настойчиво звал Майкл:

— Ты что, решил проваляться весь день?

— Который час?

— Около восьми, наверное. Светать начало часа три назад, и у нас уже была схватка.

— Что случилось?

— Мы заметили засаду, выслали вперед небольшой отряд. Он столкнулся с их отрядом, шедшим вслед за засадой. Они решили, что напали на наши основные силы, и кинулись в бой. Ранили двух-трех наших.

— Так вы уже близко?

— Да, похоже.

Ничего хорошего, подумал я. Мы ведь не могли вылезти из пещеры при свете. С другой стороны, если мы останемся здесь, а они захватят все селение, то нас сразу обнаружат.

— А как там друзья Петры? Думаешь, мы можем на них рассчитывать? — спросил Майкл.

— Безусловно, — холодно отозвалась женщина.

— У вас ничего не изменилось?

— Нет, еще часов восемь, восемь с половиной — и мы до вас доберемся. Холодность исчезла из ее мыслей, появилось нечто вроде благоговейного ужаса. Жуткая страна. Мы видели Плохие Края, но никто из нас и представить себе не мог... Сейчас летим над землей, похожей на спекшееся черное стекло. Ничего живого, лишь черное стекло, будто океан застывших черных чернил... Потом пояс плохих земель — и снова чернота. Что они тут делали, что такое сумели натворить, как возникло столь жуткое место?!

Теперь понятно, почему наш народ сюда не стремился. Словно с края света попадаешь прямо в ад... ни надежды, ни жизни... Но почему? Почему? Мы знаем, они были как дети, получившие вдруг мощь и силу богов... И что же, все с ума посходили? Вместо гор — кучи головешек, вместо равнин — черное стекло... А ведь прошло уже столько веков! Жутко... безнадежно. Чудовищное безумие! Страшно представить себе целый народ, сошедший с ума... Не знай мы, что вы нас там ждете, уже развернулись бы и бежали обратно...

Но тут ее прервала Петра — мы все пошатнулись, такое горе она излучала. Мы не подозревали, что она не спит и прислушивается. Конечно, она расстроилась, уловив мысль о возвращении. Я утешил ее, и та женщина вновь смогла заговорить с нами — успокоить девочку. Петра затихла.

Майкл напомнил:

— Дэвид, как насчет Рейчел?

Припомнив его волнение минувшей ночью, я объяснил Петре, что надо сделать.

Петра помолчала, прислушиваясь к Рейчел, потом покачала головой:

— Про Марка она ничего не знает и чувствует себя совсем несчастной. Еще она спрашивает про Майкла.

— Передай ей, что и с ним, и с нами всё в порядке. Еще скажи, что мы ее любим и что она не должна бояться. Пусть постарается никому не выказывать своего беспокойства.

— Она все поняла. — Петра спросила меня вслух: — Дэвид, Рейчел боится, а еще она... она плачет внутри. Ей нужен Майкл.

— Это она тебе сказала? — спросил я.

— Нет, но у нее, там за мыслями, есть еще такие мысли, и я их слышу.

— Пожалуй, лучше будет, если мы никому ничего не скажем, — решил

я. — Ведь никто из нас не слышит того, что у других за мыслями. Сделай вид, что ты их не заметила, ладно?

— Ладно, — согласилась Петра.

Я надеялся, что поступаю правильно. Подумав, я попытался представить себе такие «задние мысли», как их назвала Петра, и мне все это не очень понравилось. Что еще слышит Петра?..

Через несколько минут проснулась Софи. Казалось, прошлой ночью она выплакалась и теперь была совсем спокойна. Она велела нам отойти в дальний угол, а сама открыла занавеску. Потом развела огонь в очаге, дым от него большей частью выходил наружу, а остатки — что они затемняли и без того грязную пещеру. Потом Софи поставила на огонь железный котелок, налила в него воды насыпала что-то из разных мешочков.

— Присмотри-ка, — велела она Розалинде. Уходила она минут на двадцать, вернувшись, бросила пещеру пару твердых лепешек и влезла сама. Подошла котелку, помешала содержимое, принялась.

— Все в порядке? — спросил я.

— Да. Тело нашли, но решили, что это твоих рук дело. Поискали рано утром в окрестностях, но мужчин осталось мало, так что сейчас все думают о другом. Возвращаются те, кто дрался ночью. Ты что-нибудь знаешь?

Я рассказал ей о неудачной засаде.

— Они близко? — спросила она. Я позвал Майкла, потом ответил:

— Только что вышли из леса.

— Значит, часа через три доберутся до берега реки. Софи разлила похлебку по плошкам. Вкус оказался приятнее, чем вид. А вот хлеб был менее съедобным. Сначала она разбила лепешку камнем, потом размочила в воде Петра пожаловалась: дома мы ели совсем другое?.. И внезапно кинула вопрос:

— Майкл, а мой отец там?

От неожиданности он машинально ответил «да». К счастью, Петра не поняла, что это означает, а вот Розалинда опустила плошку, уставившись в нее невидящими глазами.

Да, одно дело — подозревать, и совсем другое — знать. Мне слышался безжалостный проповеднический голос отца, я даже знал, какое у него выражение лица:

— Дитя, которое станет взрослым и сможет размножаться, станет сеять вокруг заразу, и все превратятся в мутантов, в чудовища! Здесь такого не случится?

А еще мне вспомнилась тетя Гарриет: «Я буду молить Господа нашего послать миру немного милосердия...» Бедная тетя Гарриет, ее мольбы

оказались столь же бесполезными, сколь беспочвенными были надежды...

Мир, в котором отец мог отправиться на такую охоту. Что за мир!..

Розалинда взяла меня за руку. Софи подняла голову, лицо ее сразу переменялось:

— Что с ним?

Розалинда ответила. Глаза Софи расширились от ужаса. Она глядела на меня, на Петру, отказываясь понять, и собралась было что-то сказать, но тут же закрыла рот. Я тоже посмотрел на Петру, потом на Софи, на ее лохмотья, на пещеру...

— Чистота... — молвил я. — Воля Господня. Чти отца своего... Должен ли я простить его — или убить?

Ответ поразил меня — последние слова я неумышленно передал и мысленно, и женщина из загадочной страны ответила мне:

— Не думай сейчас о нем. Ваша задача — выжить. Ни он, ни его образ мыслей долго не продержатся. Они считают себя венцом творенья, им ведь не к чему стремиться. Но жизнь-то полна перемен! Жизнь есть развитие. Если живущие не сознают этого, они обречены на гибель. Идея о совершенном человеке порождена величайшим тщеславием. Завершенный образ — это Кощунственный миф. Прежние Люди поверили в него и навлекли на себя Кару. Остались разбитые части мира, твой отец принадлежит к одной из них. Они ушли в прошлое, хотя сами этого не сознают. Скоро они добьются стабильности — превратятся в ископаемых...

Она несколько смягчилась, но все же речи ее тоже мало чем отличались от проповеди:

— Перед нами — новый мир, и мы его покорим. А перед ними — пустота.

Она кончила, а мы с Розалиндой все сидели, пытаясь до конца осознать ее слова. Видно было, что Петре скучно.

Софи с любопытством глядела на нас, потом сказала:

— На вас неловко смотреть. А вы не могли бы и мне рассказать?

— Ну... — я замолк, не зная, как все выразить.

— Она сказала, чтобы мы не думали о моем отце, потому что он все равно ничего не понимает, по-моему, — выпалила наконец Петра. Ей удалось выразить самую суть длинной речи.

— Она? — переспросила Софи.

Я вспомнил: она же ничего не знает о зеландцах.

— У Петры есть свои друзья, — пояснил я. Софи присела у входа, затем выглянула наружу.

— Довольно много мужчин вернулось, некоторые толкуются у палатки

Гордона, да и другие идут туда же. Он, видимо, тоже вернулся.

Она продолжала смотреть вниз, доедая свою порцию, потом поставила тарелку на пол.

— Схожу посмотрю.

Софи спустилась по лестнице. Ее не было больше часа, пару раз осторожно высунулся, разглядел «паука» Гордона сидевшего возле палатки. Похоже было, что он делит своих мужчин на отряды и объясняет им задачи, чертя что-то на земле.

— Ну что? — спросили мы хором, когда Софи вернулась. Она как будто заколебалась.

— О Господи, Софи, мы же хотим, чтобы вы победили, но мы хотели бы уберечь Майкла, если удастся!

— Мы устроим засаду на нашем берегу, — сообщила она наконец.

— Вы позволите им перебраться?

— На той стороне негде расположить отряд, — пояснив Софи.

Я немедленно передал сведения Майклу, предложив ей держаться в стороне-пусть упадет в реку на переправе или придумает еще что.

Через несколько минут чей-то голос снизу позвал Софи.

Она прошептала:

— Не высовывайтесь, это он! — и кинулась вниз. Прошел, видимо, еще час. Потом раздался четкий зов зеландки:

— Отзовитесь! Передавайте любые цифры! Петра с восторгом занялась делом, а то она уже маяться стала от безделья.

— Довольно, подожди немного... О, даже лучше, чем надеялись, думаю, через час доберемся!

Еще полчаса. Я несколько раз высовывался наружу. Казалось, селение опустело, вокруг хижин бродили лишь старухи.

— Мы у реки, — доложил Майкл.

Еще минут пятнадцать-двадцать, и вновь Майкл:

— Дураки, сами все испортили! Мы их заметили. Правда, разницы никакой сразу стало ясно, что в узком проходе между холмов и должна быть засада. Остановились на совет.

Совет длился недолго, вскоре Майкл опять позвал нас:

— Вот план. Отступаем. Оставим Часовых, они будут делать вид, что охраняют проход. Притворимся, что задержались, а основной отряд тем временем разделится и перейдет реку в двух местах, выше и ниже по течению. Потом обойдем их за холмами и сомкнемся. Поправки есть?

Селение располагалось у подножия холмов, значит, мы скорее всего тоже угодим в кольцо. Мужчин почти нет, может, нам удастся выбраться из

пещеры и скрыться среди деревьев... Или мы попадем прямо в лапы одного из отрядов?

Снова выглянув наружу, я увидел, что старухи выносят луки и втыкают в землю стрелы, чтобы были под рукой. Пожалуй, сейчас бежать не стоит.

«Поправки», — спросил Майкл. Но как что-нибудь изменишь? Даже если бы я и рискнул оставить Розалинду и Петру одних, вряд ли мне удалось бы еще что узнать. «Паук» ведь приказал со мной не церемониться. Да и на расстоянии заметно, что я не местный, так что любой из них выстрелит в меня, не задавая вопросов.

Скорее бы Софи вернулась! Но ее все не было.

— Перебрались, — сообщил Майкл. — Никакого сопротивления.

Нам оставалось только ждать.

Вдруг грянул выстрел, потом еще несколько. И тишина. Через несколько мгновений из леса показалась толпа мужчин и женщин, они явно бежали из своей засады на звуки выстрелов. Потрепанные, несчастные, большинство их походило на обычных, крайне опустившихся людей, хотя были заметны — и Отклонения. На всех было три-четыре ружья, у остальных — лишь лук да стрелы. У нескольких — копыя «Паук» возвышался над всеми, рядом была Софи с луком в руках. Они совсем растерялись.

— Что происходит? — спросил я Майкла. — Это вы стреляли?

— Нет, второй отряд, они стараются отвлечь их на себя, чтобы мы смогли напасть с тыла.

— Кажется, удалось, — сказал я. Раздались новые выстрелы, потом крики и вопли. Полетели стрелы, побежали люди. Вдруг — четкий вопрос:

— Вы целы?

Мы лежали на полу у входа в пещеру. Нам хорошо было видно происходящее, и вряд ли кто теперь мог заметить нас или кинуться сюда. Даже Петра понимала, что происходит она так и излучала возбуждение.

— Потише, детка, потише, мы уже совсем близко! — сурово молвила зеландка.

Летающих стрел прибавилось — людей тоже. Местные пытались спрятаться среди хижин, продолжая отстреливаться.

Внезапно поток стрел обрушился на них с другой стороны. Люди впали в панику, многие кинулись к пещерам. Я приготовился скинуть лестницу, если кто подбежит к ней.

Появилось с полдюжины всадников, и я увидел «паука». Он стоял у своей палатки, держа лук наготове. Софи дергала его за потрепанную

куртку, уговаривая бежать к пещерам, но он лишь оттолкнул ее, не сводя глаз с всадников. Потом вскинул лук, изо всех сил натянул его и пустил стрелу. Я видел, как стрела вонзилась прямо в сердце моему отцу, как он упал на спину Шебе и рухнул на землю.

«Паук» бросил лук, повернулся, сгреб Софи в охапку, побежал. Его длиннющие ноги успели сделать не больше трех шагов: в спину и в бок, ему вонзились сразу две стрелы и он упал.

Софи было вскочила и побежала, но в руку ей вонзилась стрела, вторая угодила в шею... Она упала.

Петра, по счастью, ничего этого не видела. Озираясь, она с недоумением спросила:

— Что за странный шум?

— Не пугайся, это мы. Не покидайте пещеру!

Теперь и я услышал странный, все усиливающийся рокот. Непонятно было, откуда он доносился будто сразу отовсюду.

Все больше всадников выезжало из-за деревьев, некоторых я знал всю жизнь. А теперь они охотились на нас. Большинство местных попряталось по пещерам и стреляло оттуда — без большого успеха.

Вдруг один из всадников закричал и вскинул руку, показывая на небо. Я тоже поднял голову.

Над нами повис какой-то туман, пронизанный быстрыми сверкающими молниями. А над ним, как бы сквозь вуаль, я разглядел ту самую рыбообразную машину, которую видел в детстве во сне. Деталей из-за тумана не было видно, но все же я рассмотрел сверкающее белое тело и что-то крутящееся над ним. Эта штука становилась все больше и больше опускаясь вниз.

А перед пещерой плыли какие-то нити, похожие на блестящую паутину.

Стрельба прекратилась. Нападающие, опустив луки и ружья, молча тарацились вверх. Кое-кто попытался убежать, кони ржали от страха, метались туда-сюда. Начался настоящий хаос. Сталкивались бегущие люди, лошади несли прямо по хрупким хижинам. Я позвал Майкла.

— Иди к нам, скорее!

— Бегу!

Тут я его заметил — он только что поднялся со своего упавшего коня, увидел нас, помахал рукой, потом вскинул голову, глядя на неведомую машину. Она все опускалась, а под ней кружил — странный туман.

— Иду, — повторил Майкл.

Он шагнул, потом остановился и попытался снять что-то с руки.

Пальцы у него прилипли.

— Странно, — пробормотал он. — Похоже на паутину но липкую. Не могу отцепить руку... — Внезапно он испугался: — Не могу!..

— Не дергайся. — спокойно посоветовала зеландка. — Ложись, если можешь, не двигайся, подожди. Лежи неподвижно, чтобы тебя всего не опутало.

Я видел, что Майкл ее послушался, хотя в мыслях его не ощущалось большого доверия. Внезапно я осознал, что люди машут руками — и каменеют в неестественных позах. А странные нити все падали, и люди застывали в них, как мухи в патоке или паутине. Кони тоже падали, запутавшись в липких нитях.

Мне на руку упала нитка. Я тут же велел Розалинде и Петре отойти подальше. Осторожно повернув руку, я попытался стереть нить о стену. Но ко мне подплыло еще несколько нитей, и рука моя намертво прилипла к стене.

— Вот они! — закричала Петра и вслух, и мысленно. Сверкающая белая рыбина опустилась на землю, вокруг нее взвихрились нити, еще несколько влетело в пещеру одна нить подплыла прямо к моему лицу, и я невольно закрыл глаза. Что-то коснулось моих век и я не смог разлепить их.

ГЛАВА 17

Требуется немало решимости, чтобы лежать совершенно неподвижно, когда чувствуешь как на тебя что-то налипает сворачивает в кокон, давит на тело.

Майкл тоже был встревожен; я уловил, что он думает: не попробовать ли встать и бежать? Но зеландка сразу вмещалась, и Розалинда начала убеждать Петру не дергаться.

— Вас тоже запутало? — спросил я.

— Да, ветер от машины нанес их в пещеру... Петра милая, ты же слышала, не дергайся.

Машина постепенно затихла, остановилась. Наступила оглушающая тишина. Слышались подавленные стоны больше ничего. Я понял, почему: нити залепили рот, и я не смог бы ничего сказать, даже если бы попытался.

Казалось, мы ждали целую вечность. Кожа у меня ссохлась, стало больно.

Зеландка позвала:

— Майкл? Начни считать, я подойду к тебе. Майкл начал посылать цифры. Он дошел до двенадцати затем чувство облегчения и благодарности. Я уловил его мысль:

— Вон в той пещере.

Скрипнула лестница, раздалось шипение. Руки и лиц мои повлажнели, нити растаяли, кожа расправилась. Век еще были липкими, и я с трудом раскрыл глаза.

Прямо передо мной стояла фигура в белом сияющем комбинезоне. В воздухе плавали нити, но, попадая на костюм или шлем, сразу ссыпались вниз. Лица мне не было видно, только глаза через небольшое оконце. В руке, закрытой белой перчаткой, зеландка держала металлическую бутылку, из которой с шипением била какая-то струя.

— Повернись, — услышал я мысленный приказ.

Я повернулся, она «попшикала» на меня из бутылки. Потом вошла в пещеру, перешагнула через меня — я еще лежал, — направилась к Петре с Розалиндой, продолжая разбрызгивать неведомую жидкость. На пороге появились голова и плечи Майкла, он тоже был весь опрыскан. Не сколько обрывков нитей опустились на него и сразу растаяли. Я сел, огляделся.

Посреди площадки покоилась белая машина. Та штука наверху, перестала крутиться, и теперь можно было рассмотреть, что перед нами

нечто вроде конической прозрачной спирали. Виднелись окошки и открытая дверь.

Все кругом было словно опутано паутиной, мгновенно сплетенной тысячами пауков. Нити почти не блестели, даже не шевелились, хотя дул ветерок.

Не только нити казались неподвижными — все будто окаменело. Можно было различить контуры людей и коней, валявшихся среди хижин. Вдруг раздался резкий треск, и я увидел, как упало небольшое деревце. А вон медленно накренился большой куст, другой, уже и корни торчат из земли. Неестественно и жутко...

Позади облегченно вздохнула Розалинда. Мы с Майклом подошли к ней. Петра громко, укоризненно произнесла.

— Это было ужасно!

Глаза ее с упреком остановились на белой фигуре.

Женщина еще несколько раз повела рукой, разбрызгивая жидкость, потом сняла перчатки и откинула шлем. Она разглядывала нас, а мы так попросту вытаращились на нее.

У нее были большие глаза с зеленовато-коричневыми радужками, опущенные длинными темно-золотистыми ресницами. Нос прямой, скульптурно-четкие ноздри. Рот великоват, пожалуй; округлый, но не мягкий подбородок. Волосы ее были немного темнее, чем у Розалинды, но коротко подстрижены, как у мужчины.

Сильнее всего нас поразило ее лицо. Оно не было бледным — нет, кожа у нее была белая, как сметана, а на щеках будто отсвет розовых лепестков. Она была так прекрасна, будто ее никогда не касались ни дождь, ни ветер. С трудом верилось, что человеческое существо может быть таким совершенным, таким нетронутым, без единого изъяна.

Мы ведь поняли, что перед нами отнюдь не цветущая юная девушка. Ей было не меньше тридцати — трудно определить точнее. Она была так уверена в себе, так спокойна! Рядом с ней самообладание Розалинды казалось напускным.

Оглядев нас, зеландка перевела взгляд на Петру улыбнулась, обнажив прекрасные белые зубы.

Последовал очень сложный мыслеобраз: радость, удовлетворение, облегчение, одобрение и — к моему изумлению — нечто вроде благоговения. Петра не могла еще ухватить все эмоции, но все же уловила достаточно, чтобы стать непривычно серьезной. Она смотрела женщине прямо в глаза, будто понимая, что настал решающий момент в ее жизни.

Потом выражение ее лица изменилось, она засмеялась, но мы ничего

не слышали. Вот зеландка склонилась, взяла Петру на руки. Петра осторожно коснулась ее лица, как бы Удостоверяясь в том, что все происходит на самом деле Женщина засмеялась, поцеловала ее и поставила на пол Она потрясла головой, словно не веря себе.

— Стоило, — произнесла она вслух, но мы едва поняли слово — произношение было непривычно. — Да, стоило!

Зеландка перешла на мысленные образы, их понимать было куда проще, чем ее речь.

— Нелегко было добиться разрешения. Такое огромное расстояние, так дорого! Они считали, что не стоит. А стоило, стоило!.. В таком возрасте, без всякой тренировки! Она удивленно рассматривала Петру. — Такая маленькая посылает мысль чуть ли не вокруг всего земного шара. Она снова покачала головой, потом обратилась ко мне:

— Ей придется много учиться, но мы дадим ей лучших учителей, и в один прекрасный день она сама начнет их учить. Да, вы довольно далеко продвинулись, но и мы многому сумеем обучить вас. Ну что ж, если вам тут больше нечего делать, отправимся?

— В Вакнук? — спросил Майкл. Женщина вопросительно обернулась к нему, и он пояснил:

— Ведь там Рейчел.

— Не знаю, сейчас спрошу...

Мы не слышали ее вопроса, но вот она с сожалением ответила:

— Мы не сможем взять и ее. Путь оказался длиннее, чем мы рассчитывали, да еще пришлось лететь высоко и быстро над теми ужасными землями... — Зеландка приостановилась, видимо, соображая, как бы попроще разъяснить все нам примитивным существам — Машине нужно горючее. Чем больше веса, расстояния, высоты, тем больше надо горючего. Нам осталось только на возвращение, мы не можем лететь в Вакнук и там приземляться — упадем в море. Троих-то мы увезем...

Мы все молчали, она же, объяснив, спокойно ждала Внезапно мы заметили, как тихо вокруг. Ни звука, движения. Даже листья на деревьях не шелохнутся. Розалинда потрясенно спросила:

— Они что... все?.. Я думала... я не поняла...

— Да, они мертвы, — просто ответила зеландка. Мертвы. Пластмассовые нити стягиваются, высыхая на воздухе, попавший в них быстро теряет сознание. Это милосерднее, чем ваши луки и стрелы.

Розалинда поежилась, я тоже. Что-то тут было не то. Одно дело бороться лицом к лицу — или пасть в битве, здесь — совсем другое. Да и наша спасительница — в ее мыслях не ощущалось особого беспокойства

или жестокосердия. Неудовольствие, как если бы ее на что-то вынудили. Она поняла наше смятение и с упреком покачала головой.

— Убивать живых неприятно. Но делать вид, что можно обойтись без этого, самообман. Мы едим мясо, овощи уничтожаем сорняки. Все это часть общего процесса жизни в нем нет ничего постыдного или страшного. Мы должны бороться, за выживание, должны спасти от гибели себе подобных, — или сами погибнем.

Наступит день, когда и мы сойдем с лица земли, чтобы уступить место новым видам. Наверное, мы попытаемся бороться с неизбежным, как и Препредные Люди. Но в конце концов уступим, как сейчас нам уступают эти. Они защищают свой вид, хотят уничтожить нас, а мы спасаем себя и своих.

Я вижу, вы потрясены: Но ведь вас воспитали эти люди и вам по-прежнему кажется, что вы с ними чем-то связаны. А они-то сразу поняли, что вы другие! Они-то шли сюда, чтобы уничтожить вас! Потому что мы превосходим их, мы выше их. Мы не просто умеем общаться на расстоянии, думать сообща — мы подошли к возможности объединять все умы воедино для решения сложнейших задач. Мы не пытаемся, превращать живых людей в слепки с одной и той же модели, как чеканят монеты. Мы не пытаемся подменять своими проповедями Господа.

Жизнь — это развитие, а мы — часть жизни. Неподвижность:- враг всего сущего. Если вы шокированы, лучше подумайте о том, что уже натворили ваши народы и что еще могут натворить. Я мало что о вас знаю, но образец-то везде один. Вспомните, как они собирались поступить с вами!

Как и раньше, у меня возникло ощущение, что она сама тоже читает проповедь. Но все же я успевал следить за ходом ее мысли. Так отключиться, как она, осознать себя полностью отличным от обычных людей я не мог. Не уверен, что мне и сейчас это удастся. Мне все еще казалось тогда, что мы — лишь несчастное загнанное меньшинство. Но зато я отлично помнил, отчего нам пришлось бежать...

Я глянул на Петру. Ей явно стало скучно, она сидела, глядя в лицо зеландке, и не слушала нас. А передо мной пронесли образы: вот тетя Гарриет в воде, с белым свертком в руках; покончившая с собой Энн; боль Салли и Кэтрин; Софи, превратившаяся в дикарку, Софи со стрелой в горле...

На их месте могла быть и Петра... Я подошел к сестренке, обнял ее.

Все это время Майкл стоял у входа, глядя на машину. Но вот он обернулся к нам.

— Петра, ты не могла бы позвать Рейчел?

— Да, она здесь, слышит, спрашивает, что у нас происходит.

— Передай ей, что бы ей ни говорили, мы живы и в безопасности.

— Да, — вскоре сказала Петра, — она все поняла.

— Теперь передай ей вот что. Пусть она наберется терпения да ведет себя поосторожнее. Дня через три-четыре я к ней приду. Передашь?

Петра все передала и, как всегда, излишне громко, потом нахмурилась, произнесла вслух с оттенком презрения:

— Она вся плачет! Почему, Господи? Не понимаю! Мысли сзади не грустные она счастлива. Почему? Мы молча смотрели на Майкла.

— Вы вне закона, так что я иду один, — решительно сказал он.

— Но Майкл... — начала Розалинда.

— Она там совсем одна, — прервал ее Майкл. — Ты бы оставила Дэвида — или он тебя?

Отвечать было нечего. — Но ты сказал, что идешь за ней?

— Да. Мы, конечно, можем пожить в Вакнуке, дожидаясь, пока обнаружат нас или наших детей... Нет, и годится. Уйти в Окраины? — Он с отвращением глянул вниз. — Тоже плохо. Что ж, раз машина не может лететь за ней, я сам пойду.

Зеландка склонилась вперед, глядя на него с сочувствием и восхищением.

— Майкл, путь долог — и там эти жуткие земли!

— Знаю. Но мир ведь круглый, значит, есть и иной путь.

— Будет трудно и очень опасно.

— Не опаснее, чем жизнь в Вакнуке. Да и сможем ли мы жить там, зная, что у нас есть куда уйти! Теперь мы уверены, что мы не «отклонения», не каприз природы. Теперь нам не просто нужно выжить — у нас есть цель!

— Майкл, — зеландка смотрела ему прямо в глаза, Майкл, ты доберешься до нас, и мы будем тебе рады.

Дверь с шумом захлопнулась, машина задрожала, поднялся ветер. Через окна мы видели Майкла — его одежда развевалась по ветру. Даже деревья дрожали.

Пол под ногами дрогнул, накренился. Машина дернулась и взлетела в ночное небо. Выровнявшись, она взяла курс на юго-запад.

Петра так перевозбудилась, что часть ее ощущений передалась и нам.

— Чудо, все видно на мили кругом! Майкл, какой ты крошечный!

— Сейчас я кажусь тебе крошечным, Петра, — донеслась до нас мысль Майкла. — Но мы придем, и я снова покажусь тебе большим!

Все было как в моем сне. Яркое солнце — ярче, чем мы когда-либо

видели в Вакнуке, — освещало большой голубой залив с лодками, несшими разноцветные паруса, и без парусов. На берегу раскинулся город, тянувшийся в сторону холмов. Из-за зелени выглядывали белые дома, виднелись даже крошечные машины, катившиеся по дорогам. Посреди зеленого поля, чуть в стороне от города, стояла высокая башня, на вершине ее мерцал яркий свет, и наша машина снижалась прямо к нему.

Все было так знакомо, что я даже испугался. Вдруг снова проснулся в Вакнуке? Я взял Розалинду за руку.

— Ты тоже это видишь?

— Да, Дэвид, никогда бы не подумала, что на свете существует такая красота... И здесь есть такое, о чем ты мне не рассказывал!

— Что же?

— Прислушайся! Откройся... Петра, перестань болтать хоть на минуту, детка, пожалуйста!

Я вслушался — мысленно. Вот наш пилот с кем-то общается... Не то.

Казалось, внизу гудит большой улей, но беззвучно. Словно разливается ясный свет.

— Что это? — спросил я с недоумением.

— Разве ты не понял, Дэвид? Это люди — такие же, как мы!

Конечно, она права! Я вслушивался, пока не пришлось защитить мозг — Петра перевозбудилась и еле сдерживалась. Мы летели прямо над городом.

— Теперь верю, — сказал я Розалинде. — Раньше ведь тебя со мной не было.

Она обернулась, и я увидел настоящую Розалинду — ту, что всегда скрывалась где-то глубоко внутри. Броня исчезла, передо мной будто цветок раскрывался...

— Теперь, Дэвид... — начала она. Но тут нас всех прихлопнуло — даже машина дернулась. Отовсюду понеслись протестующие мысли-чувства.

— Ох, простите! — извинилась Петра — перед командой и всем городом. — Но здесь так здорово!

— Ладно уж, детка, — ответила Розалинда. — На сей раз мы тебя извиним. Да, здесь здорово!

Содержание

[Уиндем Джон Куколки](#)

[ГЛАВА 1](#)

[ГЛАВА 2](#)

[ГЛАВА 3](#)

[ГЛАВА 4](#)

[ГЛАВА 5](#)

[ГЛАВА 6](#)

[ГЛАВА 7](#)

[ГЛАВА 8](#)

[ГЛАВА 9](#)

[ГЛАВА 10](#)

[ГЛАВА 11](#)

[ГЛАВА 12](#)

[ГЛАВА 13](#)

[ГЛАВА 14](#)

[ГЛАВА 15](#)

[ГЛАВА 16](#)

[ГЛАВА 17](#)